

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

На правах рукописи

Маркевич Юлия Васильевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ СМЫСЛ «СОВЕСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 (теория языка)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Воркачев Сергей Григорьевич
доктор филологических наук, профессор

Краснодар
2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	11
1.1. Лингвокультура и языковая картина мира	11
1.2. Базовые смыслы лингвокультуры	14
1.3. Семантический состав лингвокультурного концепта	18
1.4. Многозначность и контекст	20
1.5. Совесть в научном сознании.....	23
Выводы	31
ГЛАВА 2. СОВЕСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	34
2.1. Значимостная составляющая	34
2.2. Понятийная составляющая.....	43
2.2.1. Понятийная составляющая во фразеологии	43
2.2.2. Понятийная составляющая в паремиологии	46
2.2.3. Понятийная составляющая в корпусе примеров	56
2.3. Образная составляющая	79
2.3.1. Образная составляющая во фразеологии.....	79
2.3.2. Образная составляющая в паремиологии	82
2.3.3. Образная составляющая в корпусе примеров	84
Выводы	97
ГЛАВА 3. СОВЕСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	104
3.1.Значимостная составляющая	104
3.2. Понятийная составляющая.....	120
3.2.1. Понятийная составляющая во фразеологии	120
3.2.2. Понятийная составляющая в паремиологии	125
3.2.3. Понятийная составляющая в корпусе примеров	130
3.3. Образная составляющая	148
3.3.1. Образная составляющая во фразеологии.....	148
3.3.2. Образная составляющая в паремиологии	152

3.3.3. Образная составляющая в корпусе примеров	154
Выводы	166
ГЛАВА 4. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ <i>СОВЕСТЬ</i> И <i>CONSCIENCE</i>.....	173
4.1. Коцептуальная асимметрия смысла «совесть» в русском и французском языках	173
4.2. Способы снятия многозначности <i>conscience</i> и контексты неопределенности.....	178
4.3. Межъязыковой перевод и лингвокультурная трансляция смыслов	194
Выводы	210
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	225

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено комплексному исследованию лингвокультурного смысла «совесть» в русской и французской языковых картинах мира (ЯКМ).

Актуальность исследования определяется необходимостью в комплексном изучении вербализации лингвокультурного смысла «совесть» в современном французском и русском языке; недостаточной изученностью семантических особенностей многозначной лексики *conscience* в сопоставительном аспекте.

Совесть принадлежит к разряду важнейших понятий в истории европейской культуры. Апелляция к совести является действенным орудием воспитания и важнейшим атрибутом процесса социализации. Совесть проявляет определенную специфику своих образов, запечатленных в разных языках, что не может не вызывать интерес у лингвистической науки, так как в ней отражены вербализованные представления о внутреннем мире человека как носителя определенной культуры.

Степень разработанности темы исследования. Обобщение существующих исследований лингвокультурного смысла «совесть» в русском языке демонстрирует значительную разработанность данной темы [Апресян, 1995; Арутюнова, 2000; Урысон, 2000; Степанов, 2004; Музафалова, 2011; Фабиан, 2012], в первую очередь на основе фразеологического и паремиологического фонда языка; подробно изучена семантическая эволюция соответствующей лексики [Колесов, 2004; Прохоров, 2004; Дмитриева, 2017]. «Совесть» в русском языке исследовалась на основе данных из Национального корпуса русского языка [Бочкарев, 2016; Карасик, Китаина, 2019], данных народных говоров [Редько, 2019], публицистических текстов [Аверина, 2014], произведениях художественной литературы отдельных писателей [Спасская, 2005; Лаврова, 2013; Бокова, 2015].

Становилась объектом исследования и вербализация лингвокультурного

смысла «совесть» в таких языках, как английский [Кононова, 2008; Белова, 2010; Заика, 2011; Петер, Мкртчян, 2014], французский [Голованивская, 2009], немецкий [Чижова, 2006; Отарова, 2015], польский [Зубрицкая, 2010], удмуртский [Душенкова, 2012] и др.

Лингвокультурный смысл «совесть» достаточно широко изучался в сопоставительном аспекте [Пименова, 2003; Шахманова, 2008; Стефанский, 2008; Пименова, 2009; Свиридова, 2010; Гучепшокова, 2011; Луценко, 2012; Бойчук, 2013; Тищенко, 2013; Чулкина, 2016; Бойчук, Шульдешова, 2017]; основная тематика подобных исследований заключается в сравнительном анализе языковых образов совести в русском и каком-либо другом (чаще всего – в английском) языке на основе лексикографических источников. Понятие «совесть» рассматривается и в лингвопереводческом аспекте [Золотова, Буренко, 2016; Школьников, 2019].

Между тем, насколько нам известно, до настоящего времени не проводился комплексный анализ особенностей функционирования вербализаторов лингвокультурного смысла «совесть» на базе фразеологического и паремиологического фондов и корпуса художественных текстов ни в русском, ни во французском языках; соответственно, не был проведен и их сопоставительный анализ. Неизвестны нам и исследования особенностей вербализации смыслов при контекстном разрешении многозначности французской лексемы *conscience*. В свою очередь эти моменты имеют значительный лингвокультурологический и дидактический потенциалы.

Объектом исследования является лингвокультурный смысл «совесть» в русском и французском языках.

В качестве **предмета исследования** выступают семантические особенности языковых единиц, репрезентирующих лингвокультурный смысл «совесть», в русском и французском языках.

Цель работы заключается в комплексном анализе семантико-прагматических особенностей вербализации лингвокультурного смысла «совесть»

в русском и французском языках и в выявлении особенностей контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Для достижения намеченной цели в работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) построить семантический прототип понятия «совесть» в научном сознании;
- 2) выделить семантические признаки лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках;
- 3) изучить сходства и различия в функционировании средств выражения лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках;
- 4) исследовать вариативность семантики лексемы *conscience* под влиянием различных дискурсивных факторов;
- 5) выявить особенности контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Материалом диссертационного исследования послужила художественная проза русских и французских авторов, общий объем составил более 4000 примеров (2337 русских и 1887 французских). Для анализа дискурсивных факторов, характерных для современного русского и французского языков, отобраны произведения XX–XXI вв., принадлежащие разным литературным жанрам. В работе также используются параллельные французско-русские тексты из Национального корпуса русского языка – произведения художественной или публицистической литературы XIX–XXI веков. Кроме того, источником языкового материала послужили энциклопедические, толковые, паремиологические, синонимические, антонимические, фразеологические и другие словари.

Цель и задачи данной работы предопределили выбор таких **методов анализа**, как анализ дискурса, раскрывающий лингвокультурный смысл в научном и быденном сознании; дефиниционный анализ; когнитивный анализ, контекстный анализ, а также элементы компонентного и количественного анализа.

Гипотеза исследования заключается в следующем. Специфика полисемии французского номинанта лингвокультурного смысла «совесть» находит свое отражение в образе совести во французской языковой картине мира и делает невозможным трансляцию русского смысла «совесть» во французский язык только при помощи лексемы *conscience*, являющейся основным вербализатором концепта.

Теоретической базой исследования послужили труды в области фразеологии, в области лингвокультурологии и лингвоконцептологии (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, Г. Г. Слышкин, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. Д. Шмелев и др.); работы, исследующие асимметричность и контекстную неоднозначность языкового знака (Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, В. Б. Кашкин, Г. В. Колшанский, Б. Ю. Норман и др.); исследования межъязыковой эквивалентности и переводимости языковых единиц (Ф. А. Литвин, Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, Н. К. Гарбовский и др.).

Научная **новизна** работы заключается в применении лингвоконцептологического подхода к рассмотрению лингвокультурного смысла «совесть» и изучении специфики лексических, метафорических и фразеологических средств вербального выражения этого лингвокультурного смысла в русском и французском языках. В работе впервые: 1) выделены семантические признаки лингвокультурного смысла «совесть» в паремиологическом и фразеологическом фонде русского и французского языков, а также в иллюстративном корпусе художественной литературы на обоих языках; 2) произведен сопоставительный анализ составляющих лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках; 3) изучена многозначность лексемы *conscience* во французском языке; 4) произведен сравнительный анализ переводческих решений при переводе французской лексемы *conscience* на русский язык; 5) выявлены особенности контекстного разрешения многозначности лексемы *conscience* во французском языке.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии основных положений когнитивной лингвистики, лингвоконцептологии, лингвокультурологии и семантики применительно к лингвокультурному смыслу «совесть» в русском и французском языках, а также в расширении понимания взаимосвязи актуальных для современной теории языка понятий лингвокультуры, концепта, смысла, языковой картины мира. Результаты и методология исследования специфики представлений о совести в русской и французской ЯКМ могут быть экстраполированы на другие духовные и этические категории в разных языках.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты и анализируемый языковой материал могут быть использованы в курсах по теории языка, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, теории перевода, а также в практике преподавания французского языка и русского языка как иностранного.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лингвокультурный смысл «совесть» имеет сложную структуру и включает в себя понятийную, образную и значимостную составляющие. Научные представления о совести содержат дефиниционные семантические признаки понятия «совесть», раскрывающие его сущностные свойства. Семантический прототип понятия «совесть», основанный на данных о нем в научном дискурсе, содержит следующие признаки: личностно-нормативный признак, отражающий способность самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности; волевой признак, отражающий способность осуществлять самоконтроль; рефлексивный признак, отражающий способность критически оценивать собственные поступки; эмоциональный признак, отражающий способность переживать свое несоответствие должному.

2. Общими характеристиками лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках являются: а) аксиологичность, обусловленная влиянием общей для двух языков христианской этики; б) противоречивость

представлений о совести в двух языках – смешение научного понимания совести, отличающегося индивидуальным характером этических норм, и архаичного представления о совести как о моральном чувстве, связанном с неписаными правилами поведения; с) актуализация в обыденном сознании всех дефиниционных семантических признаков.

3. Национально специфичные особенности представления о совести в русском и французском языках детерминированы влиянием православия и католицизма соответственно, а также историческими событиями, оставившими свой след в характере коллективной языковой личности. Важнейшие различия сводятся к тому, что в русской ЯКМ намного сильнее сохранился архаичный образ совести как коллективной нравственности. Русская совесть несет в себе идею нравственных страданий, она более зависима от общества и более авторитарна. Во французской ЯКМ намного отчетливее выражено представление о совести как имманентном качестве человека, ее личностном характере и о ее слабости. Для французской совести характерны рациональность и независимость.

4. Различная наполненность лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках делает невозможным перевод с одного языка на другой исключительно при помощи основных репрезентатов этого смысла – лексем *совесть* и *conscience*.

5. Многозначная лексема *conscience* имеет несколько семантических кластеров, причем семантический вариант «совести» уступает по частотности употребления семантическому варианту «сознание» и его производным. Нейтрализация полисемии лексемы *conscience* осуществляется чаще при помощи микроконтекста, реже – при помощи макроконтекста. Однако синкретизм ее значений «сознание» и «совесть» делает возможным наличие контекстов, в которых эта многозначность принципиально неразрешима.

Апробация работы. Теоретические положения и основные результаты исследования излагались в виде научных докладов на II Международной научно-практической конференции «Современные тенденции кросс-культурных

коммуникаций» (Краснодар, 2020), на Международной научной онлайн конференции «Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация» (Волгоград, 2020), XI Международной научно-практической конференции «Межкультурная коммуникация и СМИ» (Барнаул, 2020 г.), IV Международной научно-практической конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2019 г.), II Международной научно-практической онлайн-конференции «Мир. Человек. Язык» (Владимир – Донецк – Санкт-Петербург – Ростов-на-Дону, 2019 г.), III Международной научно-практической конференции «Филологические и социокультурные вопросы науки и образования» (Краснодар, 2018 г.), Межрегиональном научном семинаре молодых ученых (Армавир, 2008 г.), заседаниях кафедры иностранных языков № 1 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет».

По теме диссертации опубликовано 10 работ (в том числе 3 – в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Лингвокультура и языковая картина мира

За последние десятилетия в российском лингвистическом дискурсе популярным стало понятие «лингвокультура». При этом данный термин имеет чрезвычайно широкую трактовку: как отмечает А. М. Федоров, в разных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена, ценности, традиции, арсенал языковых средств и символов [Федоров, 2014, с. 83]. Сюда же можно добавить понимание лингвокультуры как совокупности текстовых произведений, созданных на определенном языке и моделирующих этнокультуру и самосознание [Бутенко, 2008, с. 322].

Разностороннее и удачное, на наш взгляд, осмысление данный термин получил в работах В. В. Красных. Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах; это культура, явленная в языке и через язык [Красных, 2013, с. 10]. Словарь лингвокультуры составят оязыковленные культурные смыслы и образы [Там же, с. 11].

Там, где имеет место пересечение и взаимопроникновение культуры и естественного языка, где знаки языка культуры существуют только в вербальном воплощении, а знаки естественного языка – только как тела знаков языка культуры и их собственно лингвистические категории оказываются частично нерелевантными или, как минимум, отходят на второй план, там и образуется лингвокультура как третья семиотическая система, со своими единицами, уровнями, законами организации и правилами функционирования, со своей системой, структурой и отношениями между элементами внутри таковых [Красных, 2008, с. 333].

Не менее популярным понятием, тесно связанным с лингвокультурой, является «языковая картина мира» (ЯКМ). Однако ЯКМ – более узкое понятие,

нежели лингвокультура: «в лингвокультуре как особом типе взаимосвязи языка и культуры находят отражение не только языковая, но и концептуальная, культурная, ценностная картины мира» [Бутенко, 2008, с. 324]. Лингвокультура – это лингвокогнитивный феномен, формируемый не самими языковыми единицами, а в первую очередь образами сознания в их вербальных представлениях; ЯКМ же может пониматься как сложно организованное семантическое пространство, к которому применимы, в том числе, собственно лингвистические методы исследования [Красных, 2013, с. 10].

Если лингвокультуру можно понимать как комплексное семиотическое образование, реализующее способы актуализации культуры в языке, то ЯКМ рассматривается как «система представлений, посредством которых человек осмысливает действительность и ориентируется в ней при помощи языка» [Бутенко, 2008, с. 325].

Как подчеркивает О. А. Корнилов, ЯКМ вообще – это абстракция; в реальности ее не существует. Предметом анализа могут быть только картины мира конкретных национальных языков – национальные языковые картины мира (НЯКМ) [Корнилов, 2003, с. 113].

Если НЯКМ в полной мере владеет носитель языка (языковая общность), то результатом отражения объективного мира обыденным сознанием отдельного человека, местом хранения и воспроизводства которого называют язык [Улыбина, 2001, с. 99], является индивидуальная национальная языковая картина мира (ИНЯКМ). Между НЯКМ и ИНЯКМ находится нечто вроде промежуточного звена – НЯКМ отдельной социальной группы [Корнилов, 2003, с. 113, 115]. Так, в типологии языковых картин мира Н. С. Новиковой и Н. В. Черемисиной общенациональной ЯКМ противопоставляются ЯКМ, ограниченные территориально (диалекты, говоры) и профессионально (подъязыки наук и ремесел) [Новикова, Черемисина, 2000]. Соответственно, можно говорить о профессиональной ЯКМ (см. [Чернышова, 2011]).

Нельзя не согласиться с С. Г. Воркачевым, отмечаящим, что «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее карикатурен и схематичен, поскольку его фактура сплетается преимущественно из отличительных признаков, положенных в основу категоризации и номинации предметов, явлений и их свойств, и для адекватности языковой образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» [Воркачев, 2001, с. 61].

Несмотря на существование лингвокультур, в основу которых положен один язык (например, португальский язык для португальской и бразильской лингвокультур), полное совпадение их ЯКМ невозможно: ЯКМ «трансформируется под влиянием культурно-исторических процессов и преломляется через призму менталитета» [Бутенко, 2008, с. 325].

Что касается адекватности ЯКМ представлениям о мире носителей языка, то исследователями отмечается, что ЯКМ «отражает состояния восприятия действительности, сложившиеся в прошлые периоды развития языка в обществе» и поэтому «в значительной степени представляет для исследователя-лингвиста лишь исторический интерес» [Попова, Стернин, 2001, с. 68]. Впрочем, несмотря на значительную архаику представлений, запечатленных в ЯКМ, язык «достаточно гибок <...> для того, чтобы медленно, но верно перекраивать сложившуюся картину мира» [Кубрякова, 2004, с. 15]. При этом изменения, происходящие в ЯКМ, вовсе не стремятся привести ее к тождеству с научной картиной мира, понимаемой как «вся совокупность научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов, 2003, с. 9, 15].

Выделяют следующие основания классификации ЯКМ: 1) по субъекту (носителю) ЯКМ; 2) по объекту, отображаемому ЯКМ; 3) по способам языковой репрезентации (экспонентам) ЯКМ [Гончарова, 2012, с. 402].

А. А. Яковлев выделяет четыре подхода к исследованию ЯКМ: когнитивистский, психолингвистический, лингвокультурологический и

традиционный. Общими для них являются, во-первых, связь ЯКМ и концептуальной системы, концептосферы, во-вторых, признание «наивности», обыденности, ненаучного характера ЯКМ, и, в-третьих, жесткий (хотя и не всегда четко постулируемый) детерминизм между языковой картиной мира и языком [Яковлев, 2017, с. 9-11].

1.2 Базовые смыслы лингвокультуры

В энциклопедии по культурологии культурные смыслы трактуются как «идеациональные конструкты, связанные с культурными объектами (денотатами) как со знаками, т. е. являющиеся их информационным, эмоциональным, экспрессивным содержанием (значением)» [Шейкин, 2007, с. 504]. Однако в контексте взаимосвязей языка и культуры одной из центральных единиц исследования признается лингвокультурный концепт. Считается, что он давно «одержал победу» в битве за звание самого используемого термина, обозначающего базовую единицу лингвокультурологии (см. напр., [Воркачев, 2011]); тем не менее, в научном мире до сих пор используются и другие термины – «лингвокультурема», «логоэпистема», «мифологема» и прочие. Представляется, что это можно объяснить существующими недостатками термина «концепт».

Согласно С. Г. Воркачеву, термин «концепт» и, следовательно, его производные не имеют принципиального перевода на языки, в которых имеются слова, образованные от латинского *concept(us/um)*. Так, термины «лингвоконцептология» и «лингвокультурология» используются только в отечественном научном поле, за рубежом же принято название «антропологическая лингвистика». Помимо этноспецифичности, у термина «концепт» существует и другие недостатки. Его широкое использование началось в начале 90-х годов прошлого века. За почти тридцатилетнюю «жизнь» термин, по наблюдению С. Г. Воркачева, стал «вырождаться» – концептом стали называть

«план содержания любого вербального знака, содержащего хотя бы намек на культурную специфику» [Воркачев, 2011, с. 70]. Кроме того, специфичность лингвокультурных концептов признается весьма относительной вследствие того, что любой лингвокультурный концепт содержит в себе понятийную составляющую, которая, пускай приблизительно, но все же позволяет идентифицировать его значение представителю другого этноса [Там же].

Рассмотрим, как относятся друг к другу такие термины, как «понятие», «смысл» и «концепт».

Понятие определяется как «форма мышления, отражающая общие и существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений» [СРЯ]. Под содержанием понятия понимается совокупность признаков, которые достаточны и необходимы для выделения предмета данного класса из ряда других предметов. Класс предметов при этом называют объемом понятия, а содержание и объем понятия являются обратно пропорциональными величинами – чем шире объем, тем уже содержание. Понятие как термин принадлежит прежде всего философии и логике.

Смысл – еще один термин, функционирующий в философии и традиционной логике, где он признается синонимом «значения». В логической семантике смысл и значение разделяют. Значением (денотатом) называют обозначаемый предмет, а смыслом – его мысленное содержание [ФЭС]. В лингвистике существует два подхода к определению смысла. В одном он (частично) синонимичен значению, в другом – ему противопоставляется.

Г. И. Богин определяет смысл как важнейшую субстанцию понимания и полагает, что смысл недооценен в научной литературе, где его зачастую используют для обозначения таких «конструктов», как значение, референт, содержание, художественная идея и пр. Автор утверждает, что по отношению к значению смысл первичен. Значение слова находится в фокусе зрения лексикографов, ему всегда предшествует ситуативный смысл. Смысл же динамичен и принадлежит дискурсу, а не языку [Богин, 2001]. Обусловленность

смысла контекстом и субъектом подчеркивается в работах ряда ученых. Еще А. А. Потебня писал о смысле как о субъективном содержании слова [Потебня, 1993, с. 163]. И. М. Кобозева отмечает, что смысл является информацией, связанной со словом, «изменчивой во времени, варьирующейся в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка» [Кобозева, 1994, с. 184]. С. Г. Воркачев отмечает, что смысл ситуационен, контекстно обусловлен и первичен по отношению к значению [Воркачев, 2002, с. 16]. О. С. Ахманова считает смыслом то содержание (значение), которое слово «получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации» [СЛТ]. Рассуждая о смысле слова в художественном тексте, В. В. Виноградов говорит, что смысл не ограничивается непосредственным значением этого слова, «буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами» [Виноградов 1959, с. 230].

В некоторых работах подчеркивается экстралингвистический характер смысла. Так, В. П. Литвинов отмечает, что «любая информация, получаемая в процессе отражения объективной действительности в человеческом сознании (не обязательно мышлении!), есть смысл» [Литвинов, 1986, 23]. Согласно Э. Д. Сулейменовой, смысл характеризуется его включенностью в единую общечеловеческую систему знаний (картину мира) и возможностью существования над языками [Сулейменова, 1989, с. 144]. Признавая право на подобную точку зрения, полагаем, что при исследовании конкретной национальной языковой картины мира целесообразно оперировать не просто смыслами, но лингвокультурными смыслами. Под лингвокультурным смыслом в данной работе понимается культурно значимое ментальное образование индивидуального или коллективного характера, вербализованное средствами языка.

Несложно заметить, что данное определение имеет много общего с известными определениями концепта. Действительно, в определениях концепта часто упоминается смысл – лингвокультурный концепт «содержит в себе

культурные смыслы, установив которые, можно охарактеризовать соответствующий фрагмент лингвокультуры» [Бутенко, 2008, с. 323]; концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл [Воркачев, 2002, с. 20]. Таким образом, лингвокультурный концепт соотносится с определенными культурными смыслами, по необходимости вербализованными; и исследование лингвокультурных смыслов мы полагаем оправданным проводить при помощи хорошо разработанной методологии исследования концептов, используя ставший привычным в отечественной лингвистической науке за последние годы лингвоконцептологический подход.

Сам термин «концепт» является зонтиковым [Воркачев, 2003, с. 6], он «покрывает» предметные области нескольких научных направлений: прежде всего лингвокогнитологии (когнитивной семантики) и лингвокультурологии. Междисциплинарный статус категории концепта предопределяет антропологическая ориентация современной лингвистики, приводящая к исследованиям, реализуемым на стыке ее с другими дисциплинами [Костомаров–Бурвикова, 2001, с. 37]. Основное отличие лингвокультурного концепта от концепта вообще состоит, прежде всего, в очевидной и непосредственной связи первого с выразительными средствами языка. Лингвокультурный концепт как «сгусток» этнокультурно отмеченного смысла «обязательно имеет свое имя, которое, как правило, совпадает с доминантой определенного синонимического ряда либо с ядром определенного лексико-семантического поля» [Воркачев, 2003а, с. 9].

Различные исследователи, работающие в лингвокультурологической парадигме (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, С. Х. Ляпин, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, Л. О. Чернейко и др.), рассматривают концепт как лингвоментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой. Как отмечает С. Г. Воркачев, несмотря на существенный разброс во мнениях о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков уже существует некоторое согласие.

Основными и обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются: 1) многомерность – наличие семантически разнородных составляющих; 2) иерархичность, системная зависимость признаков; 3) этноспецифичность [Воркачев, 2014, с. 63].

Лингвокультурные концепты обычно типологизируются дискурсно (научные, художественные, обыденные), структурно-семантически (лексические, фразеологические) и социологически (универсальные, этнические, групповые, индивидуальные) (см. [Богоявленская, 2013; Буренкова, Гизляева, 2017; Пащенко, 2015]). Т. Ю. Тамерьян выделяет 25 признаков, по которым осуществляется типологизация концептов [Тамерьян, 2011, с. 71–72].

Можно согласиться с мнением, согласно которому концепт не имеет четких границ, так как сознание синкретично по своей природе. Однако при этом в концепте должно присутствовать ядро, в котором концентрируются смыслы – культурные основы, идентифицирующие концепт в лингвокультуре. Помимо ядра, в структуре концепта можно выделить приядерную область со смыслами-доминантами, также значимыми для статуса концепта, и периферию, куда войдут менее актуальные для носителей языка смыслы и индивидуальные ассоциации [Бутенко, 2008, с. 324].

1.3 Семантический состав лингвокультурного концепта

С. Г. Воркачев выделяет следующие составляющие лингвокультурного концепта, в которых отражаются предметные области наполняющих его основных дисциплин: 1) понятийную, отражающую дискурсивность и рациональность представления смысла, идущие от логики, 2) образную – метафоричность и эмотивность этого представления, идущие от психологии, 3) значимостную – его вербальность, определяемую знаковой системой конкретного естественного языка, 4) ценностную – аксиологичность такого представления, идущую от

философии [Воркачев, 2016а, с. 20]. Понятийная составляющая концепта наполняется посредством определений, взятых из научной литературы и различных словарей, которые дают дефиниции членам лексического ряда, при помощи которых вербализуется концепт. Источником образной составляющей служат фразеологические словари, паремический корпус, а также корпус художественной и (реже) публицистической литературы. Значимостная составляющая наполняется посредством данных из этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, а также корпусов текстов, которые предоставляют информацию о системных связях имени концепта и его речевом употреблении [Воркачев, 2017, с. 32-33].

Г. В. Токарев ставит в центр «коллективное сознание», ибо индивидуальные представления неизбежно зависят от уже существующих в данной лингвокультурной общности. Исследователь выделяет в структуре концепта следующие компоненты:

- 1) универсальные (научные и обыденные понятия; общечеловеческие ценности);
- 2) культурные (представления и обыденные понятия; ценности лингвокультурной общности);
- 3) субкультурные (представления, обыденные понятия, культурные установки, стереотипы, ориентированные на ценности конкретных социумов) [Токарев, 2003, с. 8].

Г. Г. Слышкин выделяет в структуре концепта четыре зоны: основные (интразону, экстразону) и дополнительные (квазизону и квазиэкстразону) [Слышкин, 2004, с. 6, 17–18]. Интразона – это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата. В экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др. [Там же, с. 59–64]. Уже в интразоне концепта присутствует оценочный компонент; он принимает

участие уже в формировании первичного образа и связанных с ним номинаций. В экстразоне проявляются ценностные ориентиры концепта, когда понятие переосмысливается и приобретает метафорические характеристики.

Согласно В. И. Карасику, содержательно лингвокультурные концепты можно противопоставить как параметрические и непараметрические ментальные образования. К параметрическим относятся концепты, выступающие в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов: пространство, время, количество, качество и др., к непараметрическим – концепты, имеющие предметное содержание. Непараметрические концепты, в свою очередь, можно разделить на регулятивные и нерегулятивные. В содержании первых главное место занимает ценностный компонент («счастье», «долг», «щедрость» и др.); вторые же – это синкретичные ментальные образования разного характера («путешествие», «подарок», «здоровье» и др.) [Карасик, 2005, с. 97-98]. Впрочем, в строгом смысле слова стоит говорить не о ценностном, а об аксиологическом компоненте, включающем ценности (высшие ориентиры) и нормы поведения [Бабаева, 2004, с. 9].

1.4 Многозначность и контекст

Одним из фундаментальных аспектов общей теории языка является принцип асимметрии языкового знака: асимметричные отношения связывают две стороны знака как двустороннего психического образования – план выражения и план содержания. Асимметричны и отношения между мыслью, концептуализацией и расчленением мысли дискретными знаками разных языков [Кашкин, 2009, с. 32]. План выражения знака и его план содержания не изоморфны друг другу, а находятся в асимметричном соотношении: «один знак может нести несколько означаемых, и одно означаемое может выражаться несколькими знаками» [Попова, Стернин, 2007, с. 178].

Кристаллизация идеи асимметричного дуализма языкового знака произошла в работе последователя Ф. де Соссюра С. О. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака», начинающейся тезисом: «Знак и значение не покрывают друг друга полностью. Их границы не совпадают во всех точках: один и тот же знак имеет несколько функций, одно и то же значение выражается несколькими знаками. Всякий знак является потенциально «омонимом» и «синонимом» одновременно, т.е. он образован скрещением этих двух рядов мыслительных явлений» [Карцевский, 1965, с. 85]. В отличие от де Соссюра, видевшего причину этого явления в произвольности языкового знака, Карцевский рассматривает асимметрию как способ существования языковой системы: «Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное), абстрактное и конкретное» [Там же].

Как отмечает Б. Ю. Норман, языковой знак, оставаясь длительное время равным, тождественным самому себе как целому, вместе с тем постоянно стремится расширить или свой план выражения, или план содержания. И крайняя точка, к которой стремится это семантическое развитие – это расщепление знака, появление на его месте двух новых, самостоятельных единиц. Одним «полюсом» в развитии знака является омонимия: к ней приводит изменение плана содержания, незаметные вначале семантические сдвиги. Другой же «полюс» – это синонимия, к которой приводит изменение формальной стороны [Норман, 2003, с. 50–53].

Явление многозначности языковых единиц, присущее всем языкам, не может рассматриваться как ущербность языка, порожденная каким-либо случайным обстоятельством, которое язык как бы должен стремиться постоянно устранять. Наоборот, многозначность как в сфере лексики, так и в сфере грамматики является необходимым качеством языка, обусловливаемым самой сущностью его материального устройства, а также биологическими предпосылками мышления человека [Колшанский, 1980, с. 13].

Ю. Д. Апресян выделяет следующие типы неоднозначности: 1) синтаксическая и лексическая неоднозначность; 2) языковая и речевая неоднозначность; 3) метонимически и метафорически мотивированная многозначность [Апресян, 1995, с. 176–180].

Если языковая неоднозначность – это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, т. е. это свойство языковых единиц, то речевая неоднозначность – это реализация данного свойства в конкретном высказывании. Речевая неоднозначность может быть ненамеренной (и тогда она либо будет разрешена в ходе дальнейшей коммуникации, либо произойдет коммуникативная неудача), но она может быть и намеренной, т. е. использоваться как прием [Зализняк, 2006, с. 22].

Контекст определяется как фрагмент текста, включающий конкретную единицу языка, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, непротиворечивого по отношению к общему смыслу данного текста. Различают микроконтекст – минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует свое значение плюс дополнительный смысл в виде ассоциаций, коннотаций и т. д., и макроконтекст – окружение языковой единицы, позволяющее установить ее функцию в тексте как целом [Торсуева, 1990, с. 238].

Также различают собственно лингвистический, вербальный контекст как совокупность формально фиксированных условий, в которых однозначно выявляется содержание языковой единицы [Колшанский, 1959, с. 47], и контекст экстралингвистический, включающий в себя ситуацию общения (время, место, предмет общения и его участников) и параязык – мимику, кинесику и интонацию [Колшанский, 1974, с. 33–59].

Потенциальная многозначность слова в языке получает разрешение при актуальном функционировании слова в тексте, на основе указаний как собственно лингвистического, так и экстралингвистического контекста [Литвин, 1984, с. 5]. Контекст может быть: 1) полным и «сильным» – достаточным для однозначной

идентификации всех значений многозначной единицы; 2) «сильным» и частичным – однозначно исключать возможность речевой реализации части значений этой единицы; 3) «слабым» и симптоматичным – свидетельствовать лишь о предпочтительности определенной интерпретации многозначной единицы; 4) «слабым» и нейтральным, то есть вырожденным и вовсе не давать никаких сведений относительно той или иной интерпретации многозначной единицы языка [Жук, 1994, с. 7]. В таком случае многозначность единицы сохраняется (см., напр., [Милославский, 2019]). Речевая многозначность слова, возникающая в контекстах «слабой разрешающей способности», указывает на амфиболию – двусмысленность.

Многозначность языковых единиц, вербализующих лингвокультурные концепты, обязывает исследователя к тщательному анализу значений, которые лексемы приобретают в разных контекстах. Если в русском языке лексема *совесть* имеет только одно словарное значение, что, впрочем, не препятствует ее иным значениям во фразеологизмах (см. подробнее в гл. 2), то полисемия ее французского эквивалента *conscience* делает необходимым дополнительный анализ контекста, разрешающего неоднозначность, а также учет возможной семантической интерференции различных значений слова.

1.5 Совесть в научном сознании

Лингвокультурный концепт «совесть» относится к так называемым социально-регулятивным или социо-оценочным концептам, регулирующим отношение человека к другим людям, социуму (см. [Арутюнова, 2000, с. 56]). Согласно классификации Л. А. Гуниной, по типу регулятива концепты делятся на: 1) субутилитарные – связанные с витальными ценностями; 2) утилитарные, связанные прежде всего с заботой о себе; 3) моральные – когда интересы других, общественные интересы ставятся выше собственных, индивидуальных; 4) суперморальные («вера», «воля», «судьба», «душа»). По масштабу регулятивы

могут быть: 1) общечеловеческими (универсальными); 2) цивилизационными; 3) этническими; 4) групповыми, социальными; 5) индивидуальными. По характеру регулятивов выделяются: 1) жесткие (запреты); 2) мягкие (рекомендации); 3) нулевые. По стратификации норм регулятивы отражают: 1) нормы представителей власти; 2) нормы тех, кто должен подчиняться власти (регулятивы подчиненных); 3) нейтральные регулятивы (одинаковая значимость для всех людей. Совесть, согласно автору, является жестким моральным общечеловеческим концептом [Гунина, 2008].

Понятийный компонент концепта в конкретной лингвокультуре имеет смысл исследовать через сопоставление его с семантическим прототипом – научной дефиницией понятия, эталоном, лишенным (насколько это возможно) лингвоэтноспецифических особенностей. Номинатор концепта «совесть» и его смысловое поле (связь с другими понятиями – ответственность, вина, долг и др.) – не принадлежность какой-то одной ЯКМ, а, очевидно, всего христианского мира в европейских культурно-языковых воплощениях [Литвинов, 2015, с. 46]. Сюда же можно добавить культуры, испытавшие европейское влияние: например, арабский термин *аль-дамир*, видимо, приобрел свое современное значение под влиянием контактов с культурой европейских стран [Leirvik, 2009]. Впрочем, возможно допустить и отсутствие непосредственного европейского влияния: в разных культурах по мере того как ослабеваает влияние религии, появляется новое понятие, объясняющее нравственное поведение нерелигиозной личности [Назаретян, 1994, с. 156].

Феномен совести рассматривается в таких областях науки, как этика, философия, культурология, психология и даже право (см., например, [Агутин, 2005; Победкин, 2016; Панько, 2019]). Предлагается даже ввести «совестологию» как самостоятельную область знаний, которая исследовала бы наиболее общие проблемы совести в жизнедеятельности личности и общества [Егоров, 2015, с. 68], или «синэйдетику» как «науку о нравственном законе (совести)» [Литвинов, 2013, с. 204]. При этом совесть толкуется по-разному: отмечается, что

однозначного, раз и навсегда установленного определения совести не существует [Сердюк, 2011, с. 201]; совесть наряду с психикой и сознанием до сих пор не имеет удовлетворительного естественнонаучного толкования [Корниенко 2014, с. 322]. На данный момент термин «совесть» имеет достаточно неустойчивую содержательную характеристику: отмечается его размытость при отсутствии четкой выделенности сущности совести как особого явления [Барсукова, 2010, с. 693]. Проблемы, связанные с изучением совести как психологического явления, до сих пор не имеют однозначного решения [Комаров, 2004, с. 8]. Слово «совесть» включает в себе так много смыслов, что некоторые исследователи считают, что его нужно просто исключить из научного словоупотребления [Веселова, 2009, с. 127].

Согласно результатам исследований Д. В. Мастерова, существует ряд устойчивых, исторически сформировавшихся концепций объяснения сущности и содержания совести, которые, в свою очередь, отражают следующие тенденции: а) совесть является социально зависимым феноменом, что вытекает из признания общественно-потребительского характера ее действия и происхождения; б) совесть определяется как оценочный акт, по большей части негативного содержания (стыд, угрызения совести); в) совесть является результатом эволюции человеческого сознания, прежде всего мышления, и ее зачатки можно наблюдать у социальных животных [Мастеров, 2014, с. 40–41].

При всей неоднозначности научных трактовок феномена для описания семантического прототипа понятия «совесть» представляется возможным определить его существенные признаки, совокупность которых в принципе совпадает с дефиниционной частью полного (но не избыточного) определения. Это позволяют сделать определения совести в энциклопедических словарях. Нами были исследованы 11 источников энциклопедического характера.

Энциклопедические словари в самом общем виде указывают на совесть как на человеческую способность этического характера [БСЭ, т. 24, кн. 1, с. 16; ПС, с. 619; НФЭ, т. 3, с. 585; СЭ, 1981, с. 312; ФС, 2001, с. 519; ФЭС, 1983, с. 620; ЭЭС,

2001, с. 449], сознание/выражение способности/убежденность [СЭС, 1988, с. 1232; УЭКМ], нравственное сознание, чувство или знание [ФС, 2003, с. 411] или акт нравственной очевидности [БРЭ, т. 30, с. 537]. Все эти описания связаны с этической, нравственной сферой.

Итак, наиболее часто встречающимся в энциклопедических источниках родовым понятием по отношению к совести является способность. Заметим, что эта способность обладает потенциальным характером: «совесть <...> есть универсальная возможность человека, как социального индивида. Будет ли эта возможность реализована как мораль, открытая для вызовов со стороны нравственного индивида, зависит от многих условий» [Литвинов, 2013, с. 225]; «только когда сам человек появляется как человек, а не как сгусток живой биомассы, только в процессе такого самооткрытия обнаруживается совесть» [Ветошкин, Матвеева, 2012, с. 23].

Более конкретное содержание этого понятия включает в себя следующие способности личности:

- 1) самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности (личностно-нормативный признак, присутствует в 8 источниках из 11);
- 2) требовать от себя выполнения обязанностей из п. 1, осуществлять самоконтроль (волевой признак, присутствует в 8 источниках);
- 3) критически оценивать собственные поступки (рефлексивный признак, присутствует во всех 11 источниках);
- 4) переживать свое несоответствие должному (эмоциональный признак, присутствует в 8 источниках).

Таким образом, понятие совести включает в себя четыре взаимосвязанных признака. Отметим, что это понятие во многом совпадает с определением совести Е. В. Урысон как «способности человека оценивать с нравственной точки зрения свои действия, а также мысли и чувства и глубоко переживать, если они не соответствуют нравственным нормам, вследствие чего менять свои действия,

мысли и чувства так, чтобы они этим нормам соответствовали» [Урысон, 2000, с. 186].

Личностно-нормативный признак отличает совесть от простой способности следования внешним установкам, правилам, нормам, приказам и религиозным заповедям. При этом неважно, насколько личные установки гармонируют с общественными и в какой степени обусловлены ими – человек ощущает их своими собственными: «совесть – это не исполнение должного, а выражение индивидуальности и сущности человека» [Барсукова, 2010, с. 697]; «особенность совести среди других предметов этического в том, что она не может быть определена извне социальными нормативами должного, противопоставленного недопустимому <...> В акте совести индивид должное определяет сам, в радикальном одиночестве» [Литвинов, 2013, с. 211].

Волевой признак связан с самоконтролем и, в отличие от прочих, непосредственно доступен для внешнего наблюдения. Осуществление самоконтроля иногда называют главной функцией совести [Ильин, 2017, с. 32], а саму совесть – наиболее совершенной формой самоконтроля [Ильин, 2013, с. 67]. Совесть «выступает в качестве внутреннего регулятора поведения человека, побуждающего его поступать как должно» [Корниенко, 2014, с. 325]. Волевой признак неотделим от личностно-нормативного: нравственный самоконтроль обеспечивает соответствие поступков определенному нравственному эталону, с которым они сравниваются. Нравственный контроль поступков является как одной из функций совести, так и результатом ее действия [Комаров, 2004, с. 12]; «моральные нормы выступают в роли мотивов поведения, когда они становятся абсолютными ценностями личности. Именно в этом случае можно говорить о совестном акте, о поведении, побуждаемом совестью» [Шадриков, 2017, с. 36]; совесть – это «духовно-нравственный побудитель, влияющий на сценарии нашего поведения» [Ветошкин, Матвеева, 2012, с. 22].

Рефлексия над своими поступками, их оценка постфактум также является неотъемлемой чертой совести. «Нравственная самооценка своих поступков,

мотивов, качеств выступает необходимым звеном в функционировании совести, являясь более гармоничным регулятором поступков, чем ориентация на оценки других, авторитетных для индивида источников» [Комаров, 2004, с. 12].

Эмоции, возникающие у человека по поводу совершенного либо несовершенного им поступка, являются ярким показателем действия совести, тем самым отличая его от простой констатации факта, совершаемого рациональным умом. «Совестливый акт сопровождается определенным эмоциональным состоянием (удовлетворенности или неудовлетворенности)» [Шадриков, 2018, с. 11]. И этот признак тесно связан с личностно-нормативным признаком: «совесть мучает человека не из-за несоответствия его поступка нравственным принципам окружающих людей, общества, а из-за несоответствия поступка собственным нравственным принципам» [Антропов, 2013, с. 26]. При этом угрызения совести отличаются от стыда: «Для угрызений совести не нужна публика, в этом случае человек сам себе судья. Не так обстоит дело со стыдом. Для чувства стыда требуется неодобрение или осмеяние со стороны других. Если нет никого, кто знал бы о злодеянии, то не будет и стыда. А угрызения совести все равно могут возникнуть. <...> различие между стыдом и угрызениями совести очень важно, поскольку эти две эмоции могут разорвать человека. Желание облегчить вину побуждает к признанию, а желание избежать унижительного чувства стыда препятствует этому» [Экман, 2018, с. 72].

Если совесть включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [Ильин, 2017, с. 38], то личностно-нормативный и рефлексивный признак будут относиться к когнитивной сфере, а волевой и эмоциональный – соответственно к поведенческой и эмоциональной. Определения в энциклопедиях, как правило, подчеркивают именно когнитивный аспект (совесть как знание).

Выделенные признаки можно представить в качестве своего рода схемы развития совестного акта во времени. Сначала человек самостоятельно формулирует для себя этические обязанности (личностно-нормативный признак)

и требует от себя поступать в соответствии с ними (волевой признак) – совершать некие действия либо воздерживаться от них. После совершения поступков он критически их оценивает (рефлексивный признак) и, если они не соответствуют должному (то есть самостоятельно сформулированному), испытывает соответствующие эмоции – укоры совести – либо удовлетворение от совершения правильного поступка в случае, если поступок соответствовал должному.

Отметим, что сформулированные выше признаки оставляют открытым вопрос содержания этого должного и его источники – они вполне могут находиться и во внешнем мире. По поводу иных характеристик совести – является ли она врожденной или приобретаемой, определяется ли она общественной моралью или независима от нее – существуют различные точки зрения: такова «антиномия уникально-индивидуального решения, личной ответственности и торжества общественных норм и навязанных социумом мнений» [Душин, 2005].

С одной стороны, совесть часто противопоставляли повиновению внешним авторитетам и требованиям, предъявляемым человеку обществом. Так, Ж.-Ж. Руссо полагал, что законы добродетели «написаны в сердцах у всех» и для познания их достаточно «углубиться в себя и в тиши страстей прислушаться к голосу своей совести». И. Кант считал подлинно нравственным законом для разумного существа только тот, который оно само себе дает. По Канту, каждый человек имеет в себе совесть от рождения. С точки зрения И. Фихте единственным критерием нравственности является совесть «чистого Я», а подчинение какому-либо внешнему авторитету – бессовестностью. Впоследствии эта трактовка совести нашла свое крайнее выражение в экзистенциализме, в этической концепции которого отрицается всеобщий характер нравственного закона: так, Ж.-П. Сартр считал единственным критерием нравственности следование «абсолютно свободному» индивидуальному замыслу [Ильин, 2017, с. 14].

С другой стороны, философы-материалисты XVII–XVIII вв. (Дж. Локк, Б. Спиноза, Т. Гоббс и другие), отрицали врожденный характер совести и

обращали внимание на ее зависимость от общественного воспитания, условий жизни и интересов личности. Они, как правило, приходили к релятивистскому истолкованию совести. Например, Дж. Локк писал, что «...если мы бросим взгляд на людей, каковы они есть, то увидим, что в одном месте одни испытывают угрызения совести из-за совершения или несовершения поступков, которые другие в другом месте считают достойными» [Локк, 1960, с. 99]. Ж. О. де Ламетри в своей механицистской концепции человека выводил совесть из предрассудков разума и воспитания и считал, что она ни в чем не помогает индивиду, а скорее даже мешает [Длугач, 2017, с. 112]. К. Маркс доказывал, что совесть имеет общественное происхождение и зависит от условий социального бытия и воспитания человека, его классовой и общественной принадлежности: «У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего – иная, чем у неимущего, у мыслящего – иная, чем у того, кто неспособен мыслить» [Маркс, 1957, с. 140]. Л. Фейербах называл совесть «другим Я» человека, но указывал, что это она не исходит от Бога и не возникает сама по себе. «Ибо, как принадлежащий к этой общине, как член этого племени, этого народа, этой эпохи, я не обладаю в своей совести никаким особенным и другим уголовным уставом... Я упрекаю себя только в том, в чем упрекает меня другой... или по крайней мере мог бы упрекать меня, если бы знал о моих поступках или сам стал объектом действия, заслуживающего упрека» [Фейербах, 1995, с. 467].

В современных работах психологов, посвященных людям, называемым социопатами или психопатами [Хаэр, 2007; Литвинова, 2014; Стаут, 2018], авторы отказывают им в наличии совести или, по меньшей мере, констатируют ее бездействие. Подобное отсутствие совести свойственно заболеванию, называемому диссоциальным или антисоциальным расстройством личности.

Ю. А. Антропов описывает различные варианты патологии совести. Так, при заболеваниях, для которых характерно снижение высших чувств, будут снижены и проявления совести (гипестезия совести). При депрессивном синдроме, также наблюдающемся при многих психических заболеваниях, нередко отмечается

патологическое обострение совести (гиперестезия): обычно речь идет об угрызениях совести по поводу поступков, совершенных в прошлом [Антропов, 2013, с. 29].

В научной литературе совести также приписываются характеристики, логически выводимые из энциклопедических признаков, описанных выше. Это так называемые имплицативные семантические признаки. К таковым, по нашему мнению, относятся два признака, в какой-то степени противостоящие друг другу и дополняющие друг друга.

Первым из них является пантогностический признак, отражающий всезнание совести. «В разговоре с собственной совестью человек как бы стоит лицом к лицу с самим собой и поэтому имеет возможность (или вынужден) быть предельно откровенным. Можно обмануть других, но обмануть собственную совесть невозможно» [Ильин, 2017, с. 37–38]. Этот признак, очевидно, является выводным из рефлексивного: оценивая свои поступки, психически здоровый человек в глубине души отдает себе отчет в собственных действиях и не может вычеркнуть их из памяти.

Однако дополняет его релятивистский признак, отражающий относительность совести как средства самооценки. Полностью полагаться на свою совесть нельзя: хотя ее нельзя обмануть, но, тем не менее, можно «уговорить», «усыпить», найти себе оправдание [Ильин, 2017, с. 38]. Этот признак можно полагать выводным из рефлексивного и личностно-нормативного: если человек сам вырабатывает нормы поведения (или, по крайней мере, считает их своими), то ему проще убедить себя, что данный поступок их не нарушает. На воображаемом судебном процессе, где совесть выступает обвинителем, можно и оправдаться.

Выводы

Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах; это культура,

явленная в языке и через язык. Одной из центральных единиц исследования в контексте проблемы «язык – культура» признается лингвокультурный концепт. Он соотносится с определенными культурными смыслами, по необходимости вербализованными – т.е. лингвокультурными; и исследование лингвокультурных смыслов уместно проводить, используя ставший привычным в отечественной лингвистической науке за последние годы лингвоконцептологический подход.

Несмотря на существенный разброс во мнениях о сущности лингвокультурного концепта, в понимании его отличительных признаков существует определенное согласие. Основными и обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются многомерность – наличие семантически разнородных составляющих, иерархичность, системная зависимость признаков и этноспецифичность. Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, к составляющим которого причисляют понятийную, образную, значимостную и ценностную.

Содержательно лингвокультурные концепты можно классифицировать на параметрические (выступающие в качестве классифицирующих категорий для сопоставления реальных характеристик объектов) и непараметрические (имеющие предметное содержание). Непараметрические концепты можно разделить на регулятивные (в содержании которых главное место занимает ценностный компонент) и нерегулятивные (синкретичные ментальные образования разного характера). Совесть как лингвокультурный концепт относится к так называемым социально-регулятивным концептам.

Одним из фундаментальных аспектов общей теории языка является принцип асимметрии языкового знака: асимметричные отношения связывают две стороны знака как двустороннего психического образования – план выражения и план содержания. Языковой знак постоянно стремится расширить или свой план выражения, или план содержания. Потенциальная многозначность слова в языке получает разрешение при актуальном функционировании слова в тексте, на

основе указаний как лингвистического, так и экстралингвистического контекста. Многозначность языковых единиц, вербализующих лингвокультурные концепты, обязывает исследователя к тщательному анализу значений, который лексемы приобретают в разных контекстах.

Совесть является феноменом, объединяющим в себе когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент. В общем виде совесть можно определить как способность:

- 1) самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности (лично-нормативный признак);
- 2) требовать от себя выполнения обязанностей из п. 1, осуществлять самоконтроль (волевой признак);
- 3) критически оценивать собственные поступки (рефлексивный признак);
- 4) переживать свое несоответствие должному (эмоциональный признак).

Данные существенные признаки, совокупность которых в принципе совпадает с дефиниционной частью полного, но не избыточного определения, составят семантический инвариант понятия «совесть».

К имплицитным семантическим признакам можно отнести пантогностический признак, отражающий всезнание совести, и релятивистский признак, отражающий относительность совести как средства самооценки.

ГЛАВА 2. СОВЕСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

2.1. Значимостная составляющая

Многие исследователи относят концепт «совесть» к базисным этическим концептам русской ЯКМ, в частности, (см. [Дмитриева, 2017, с. 45; Маслова, 2001, с. 137; Редько, 2019, с. 60 и др.]) и славянских языков, в целом: «Понятие совести центральное в современном славянском мире и мифе» [Голованивская, 2009, с. 193]). Лингвокультурный концепт по своей природе обладает определенными вербальными средствами реализации, совокупность которых составляет план выражения соответствующего лексико-семантического поля.

Язык любой эпохи «всегда включает в себе момент диахронии» [Смирницкий, 1998, с. 7]. Как отмечает К. Г. Красухин, исследование понятийных категорий, запечатленных в языке, всегда требует обращения к истории языка [Красухин, 2000, с. 23]. Обращение к этимологии слова будет небесполезным и в данном случае.

Русское слово *совесть* обычно возводят к старославянскому *съвьсть*, употребляемого для передачи в переводных памятниках греческих слов *συνείδός* и *συνείδησις*. Предполагается, что старославянское *съвьсть* является простым переводом при помощи калькирования этого последнего [ЭСРЯФ, 1986, т. IV, с. 705; ЭСРЯЦ, 1989, с. 390; ИЭССРЯ, 1999, т. II, с. 184].

Как отмечает Н. Д. Арутюнова, греческое слово *συνείδησις* – буквально «совместное знание», т.е. знание вместе с кем-то, позднее «знание вместе с самим собой» от корня **είδ/οῖδ* (*οῖδα* «я знаю», *σύνοιδα* «я сознаю») – впервые появилось в эллинистической и стоической философии. В ней под «совестью» понимался некий божественный дух, живущий внутри человека и удерживающий человека от дурных поступков, но подталкивающий к благому действию. Считается, что в художественной литературе греч. *συνείδησις/σύνοιδα* впервые зафиксировано в значении «совесть, осознание своей вины» в конце IV в. до н.э. в трагедии

Эврипида «Орест», герой которой после убийства матери восклицает: «Совесьть (ή σὺνεσις), ведь я сознаю (σύνοιδα), что совершил ужасное» [Арутюнова, 2000, с. 63].

Известный историк культуры Ф. Ф. Зелинский, объясняя древнегреческое понятие *σὺνεσις*, писал: «Это значит вот что. Ты совершил дурное деяние, со всеми предосторожностями, тайно от всех людей, и даже, быть может, от богов. Тем не менее не утешай себя мыслью, что у тебя нет свидетелей. Есть некто, знающий это деяние вместе с тобой, и этот некто – ты сам, божественное начало твоей души, и от этого свидетеля тебе никогда не отделаться, пока ты жив. И вот – продолжаю словами Эсхила – «ночью вместо сна памятливая забота стучится в окно твоего сердца, и против твоей воли ты учишься быть добродетельным». Итак, душа человека двоится: одна часть, земная, оскверняет себя грехом, – другая, божественная, становится строгой свидетельницей и судьей первой; эта вторая часть, «ведающая вместе с нами» – наша совесьть. Вот вам опять частица народной исповеди; да, но эта исповедь – исповедь греческого народа, составляющая одно целое с учением Эсхила и Платона, а не русского» [Зелинский, 1995, с. 36].

Как указывает Г. М. Прохоров, в Ветхом Завете в переводе семидесяти толковников, Септуагинте (III в. до н.э.), это греческое слово использовано только один раз (Еккл. 10: 20), но не в смысле «совесьть», а в смысле «мышление», «мысль». На старославянский оно переведено как *совесьть* («И в совести убо твоя не клени царя»), на латинский – как *cogitatione*, а на русский – как «мысли» («Даже и в мыслях твоих не злословь царя») [Прохоров, 2004, с. 524]. В Новом Завете слово *совесьть* начало употребляться в Деяниях и Апостольских посланиях, чаще всего в Посланиях Ап. Павла. При этом круг значений слова *σὺνεσις* был шире, чем у современного слова *совесьть* [Там же, с. 525].

Общеславянское слово **sъvestь* означало «(по)знание, получаемое вместе с кем-л.». В древнерусском языке в значения слова *совесьть* входили разумение, понимание, знание, согласие, указание, чистота и собственно совесьть [Черных,

1999, т. II, с. 184]. Как отмечает Г. М. Прохоров, «славяно-древнерусское» слово *совесть* сохранилось в записях начиная с XI в., но должно было возникнуть по самой меньшей мере на два века раньше при первых переводах церковных текстов на славянский язык с греческого [Прохоров, 2004, с. 523]. Показательно, что в ранний период славянской письменности присутствовало некоторое колебание в передаче этого греческого слова: в одном списке XI в. сочинений Григория Назианзина *συνείδεισις* передано даже более точной калькой *съвьдѣние* («объщание съвьдѣнія к Богу»). Тем не менее, по неизвестным причинам в передаче греческого *συνείδεισις* возобладало именно слово *съвьсть* [Там же, с. 524].

Можно согласиться с В. В. Колесовым, что история этого слова отражает переход от конкретно-чувственного переживания к абстрактной нравственной норме [Колесов, 2004, с. 108]. Слово *съвесть* долго употреблялось для выражения внешней формы знания, отправляя не к нравственной норме, а к знанию, полученному в результате сообщения. Семантическая эволюция трансформировала совместное знание в со-знание: таков был второй этап развития слова. В религиозной интерпретации того времени совесть – это врожденное качество, она не изменяется, и, как и душа, бессмертна: человек или сознает это, и тогда у него есть совесть, или не осознает – и тогда у него совести нет. На третьем этапе сознание превращается в само-сознание: совесть становится конкретной принадлежностью отдельного человека. Согласно В. В. Колесову, это понятие принадлежит уже Новому времени [Там же, с. 110–113].

В словаре В. И. Даля (XIX в.) совесть уже получает вполне личностный смысл: «нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития» [ТСЖВРЯ, 2006, т. 3, с. 255].

В исследованных лексикографических источниках – современных толковых словарях русского языка – у лексемы *совесть* чаще всего выделяется лишь одно значение; в некоторых случаях оно распадается на два. Большинство словарей определяет совесть как чувство моральной или нравственной ответственности за свое поведение [ТСРЯД, 2003, с. 1249; БТСРЯ, 2000, с. 1226; СРЛЯ-XXI, 2015, с. 1055; ТССРЯ, 2014, с. 637]; в одном случае это «чувство и сознание» [СРЯ, 1988, т. 4, с. 175]. Часто уточняется объект ответственности: иногда только перед окружающими людьми, обществом [ТСРЯОШ, 2006, с. 741; ТСО], иногда как перед людьми, так и перед самим собой [СРЯ, 1988, т. 4, с. 175; ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 71]. К этому определению зачастую добавляется определение «нравственные принципы, взгляды, убеждения»: в большинстве словарей это значение отделено от первого точкой с запятой [СРЛЯ-XXI, БТСРЯ, ССРЛЯ, СРЯ], и только в одном является вторым значением [ТСРЯД]. В одном из словарей место нравственных принципов занимает «внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих поступков» [ТССРЯ, 2014, с. 637].

Итак, в словарных определениях лексемы *совесть* эксплицитно представлен личностно-нормативный признак, а также иногда рефлексивный (при определении совести как сознания) и эмоциональный (при определении совести как чувства). Отправляя к ответственности перед окружающими людьми, обществом, некоторые современные словарные определения тем самым сближают совесть со стыдом, что, как замечает Н. М. Дмитриева, переводит концепт «совесть» из внутренней жизни человека во внешнюю и несколько нивелирует степень этической значимости концепта [Дмитриева, 2017, с. 286–287].

Отметим, что определение совести как *чувства* нравственной ответственности конкретно и чувственно, а как нравственных *принципов* – абстрактно и рационально; по всей видимости, в этих двух близких, но все же различных определениях отражается та эволюция лексического значения, о которой говорил В. В. Колесов.

Согласно словообразовательному словарю, существительное *совесть* дало начало глаголам *совестить* (с производными *усовестить*, *усовещивать*) и *совеститься* (с производным *посовеститься*), прилагательному *совестливый*, существительному *совестливость*, прилагательному *совестный* и наречию *совестно*, прилагательному *бессовестный* и наречию *бессовестно* [НССРЯ, 2014, с. 441]. Также стоит отметить однокоренные слова – существительное *добросовестность*, прилагательное *добросовестный* и соответствующее наречие *добросовестно* (примечательно, что их антонимов **злосовестный* и **злосовестно* в языке не существует).

Прилагательное *совестливый* в словарях тесно связано с понятием «совесть»: это определение человека, поступающего по совести, стыдящегося делать что-л. несправедливое, неблаговидное, или чего-то свойственного такому человеку [СРЛЯ-XXI, 2015, с. 1055; БТСРЯ, 2000, с. 1226; ТСРЯОШ, 2006, с. 741; СРЯ, 1988, т. 4, с. 174; ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 70].

Существительное *совестливость* редко встречается в словарях: оно толкуется как «чувство стыда за несправедливый, нечестный, неделикатный поступок» [СРЯ, 1988, т. 4, с. 174; ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 69]; иногда его определение присутствует в статье «совестливый» [ТСО; БТСРЯ, 2000, с. 1226].

Прилагательное *совестный* также редко встречается в словарях: оно толкуется как «относящийся к совести» (устаревшая форма) или синоним слова «совестливый», либо, при безличном употреблении, «о чувстве стыда, неловкости, испытываемом кем-либо» [ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 70–71; СРЯ, 1988, т. 4, с. 175].

Глагол *совестить* в большинстве лексикографических источников однозначно трактуется при помощи глагола *стыдить* [БТСРЯ, 2000, с. 1226; ТСРЯОШ, 2006, с. 741; ТСО; ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 70; СРЯ, 1988, т. 4, с. 174], иногда присутствует дополнительное значение «быть причиной стыда, неловкости, испытываемых кем-либо» [ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 70].

Глагол *совеститься* толкуется как «стесняться, стыдиться» [БТСРЯ, 2000, с. 1226; ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 70] (иногда «стесняться» и «стыдиться» разнесены по двум значениям [СРЯ, 1988, т. 4, с. 174]) или «стесняясь, стыдясь, удерживаться от чего-н., от дурного поступка» [ТСРЯОШ, 2006, с. 741; ТСО].

Также в русском языке существует возможность образования предиката *совестно*. Как и в любом русском предложении с категорией состояния, фразы типа *Ему стало совестно* передают процесс морального осознания как происходящий от некоей внешней силы. Как отмечает Анна А. Зализняк, в XIX в. и части XX в. его употребление было значительно шире, чем сейчас: это контексты, где носитель современного языка употребил бы слова *стыдно*, *неудобно* или глагол *стесняться* [Зализняк, 2000, с. 115]. Но значение этого слова, тем не менее, несколько отличается от семантического наполнения лексемы «совесть». Оно сближается, с одной стороны, со словом *стыдно*, а с другой стороны – со словом *неудобно*. Этическая норма, описываемая словом *совестно*, еще строже, чем у совести [Там же, с. 113–115]. В современных словарях эта лексема почти однозначно толкуется через стыд: «о чувстве стыда, неловкости, испытываемом кем-л.» [БТСРЯ, 2000, с. 1226; СРЛЯ-XXI, 2015, с. 1055], «стыдно, неловко от сознания неправоты или от чувства стеснения» [ТСРЯОШ, 2006, с. 741]. Однако в дополнение иногда присутствует и указание на устаревшее значение: «нареч. к *совестный* (во 2 знач.)», то есть к слову *совестливый* [ССРЛЯ, 1963, т. 14, с. 71; СРЯ, 1988, т. 4, с. 174].

Прилагательное *бессовестный* определяется в словарях как «наглый, беззастенчивый» [СРЛЯ-XXI, 2015, с. 37], «не имеющий совести; беззастенчивый, нечестный || Выражающий беззастенчивость, наглость; исполненный наглости» [БТСРЯ 2000, с. 75], «нечестный и наглый» [ТСРЯОШ, 2006, с. 46; ТСО]; «нечестный, безнравственный, беззастенчивый, наглый» [ТССРЯ, 2014, с. 37]; «без совести; нечестный, беззастенчивый» [СРЯ, 1985, т. 1, с. 86]; «не имеющий совести; поступающий не по совести, несправедливо; беззастенчивый» [ССРЛЯ, т. 1, 1950, с. 429].

Антонимом к *совести* выступает *бессовестность* [САРЯ], но соответствующая статья в толковых словарях отсутствует или отправляет к слову *бессовестный* [ТСО; СРЯ, 1985, т. 1, с. 86; ССРЛЯ, т. 1, 1950, с. 429].

Прилагательное *добросовестный* имеет значение «честно выполняющий свои обязанности, обязательства» [БТСРЯ, 2000, с. 75; ТСРЯ, 2006, с. 169; ТСО], иногда с дополнением «основательный; старательный» [ТССРЯ, 2014, с. 120], «тщательный, усердный» [СРЯ, 1985, т. 1, с. 410]; «старательный, исполнительный» [ССРЛЯ, т. 3, 1954, с. 847–848]. Существительное *добросовестность* обычно толкуется через прилагательное *добросовестный*; когда же оно получает свое определение, оно толкуется как «честность, правдивость; аккуратность, точность» [Там же].

Имя концепта «совесть» достаточно слабо представлено в словарях синонимов русского языка. Статья «совесть» содержится только в трех словарях: синонимами лексемы являются *стыд* [СРСССВ], *стыд*, *ответственность*, *убежденность* [СРСБСВ], *моральная ответственность*, *ответственность*, *стыд*, *убежденность* [БМССРЯ]. Примечательно, что все эти лексикографические источники являются либо устаревшими, либо неакадемическими, авторскими. Достаточно очевидно, что предлагаемые в этих источниках синонимы являются лишь частичными: говорить об их полной синонимии с лексемой «совесть» невозможно.

Однокоренные с *совестью* лексемы в словарях синонимов распространены сильнее: это прежде всего глагол *совестить*. Его синонимом выступает глагол *стыдить* [ССРЯМ, 2009, с. 428], или же соответствующая статья отправляет к статье *стыдить* [ССРЯА, 2001, с. 467], каковая имеет следующие значения: 1. взывать к совести *кого, чьей*, *совестить* (*разг.*). 2. см. *позорить* [ССРЯА, 2001, с. 488]; *пристыжать*, *корить*, *усоветывать*, *срамить*, *позорить*, *ругать*, *конфузить* [СРСССВ].

У слова *совеститься* обнаруживаются следующие синонимы: *стыдиться* [ССРЯМ, 2009, с. 428]; *стыдиться*, *сгорать со стыда*, *укоряться*, *удерживаться*,

не знать куда деваться от стыда, краснеть, усовециваться, стесняться [СРСБСВ]. Иногда статья *совеститься* отсылает к статье *стыдиться* со значением *сгорать со стыда, не знать куда деваться от стыда, совеститься* (разг.) [ССРЯА, 2001, с. 488]; *совеститься, стесняться, конфузиться, краснеть, дичиться* [СРСССВ].

Синонимы слова *совестливость* – это *добросовестность* [ССРЯМ, 2009, с. 428]; *добросовестность, честность* [БМССРЯ; СРСБСВ]. Иногда статья *совестливость* отсылает к статье *добросовестность* со значением *честность, совестливость* (разг.) [ССРЯА, 2001, с. 107].

Аналогичным образом синонимы слова *совестливый* – это *добросовестный* [ССРЯМ, 2009, с. 428], *честный, честной, совестный, добросовестный, зазорливый* [СРСБСВ], *добросовестный, зазорливый, поступающий по совести, совестный, стыдящийся делать предосудительное, честной, честный* [БМССРЯ]. Иногда статья *совестливый* отсылает к статье *добросовестный* со значением *честный*, (о человеке) *совестливый* [ССРЯА, 2001, с. 107] или к статье *честный* со значением *добросовестный, правдивый, прямой, прямодушный, беспорочный, безукоризненный, безупречный, неподкупный, совестливый, чистосердечный; честно, по (чистой) совести* [СРСССВ].

Аналогичным образом синонимы слова *совестливо* – *добросовестно* [ССРЯМ, 2009, с. 428], *честно, добросовестно, на совесть* [СРСБСВ]. Иногда статья *совестливо* отсылает к статье *добросовестно* со значением *честно, совестливо* (устар.) [ССРЯА, 2001, с. 107].

Наконец, слово *совестно* обладает синонимами *стыдно* [ССРЯМ, 2009, с. 428], *стыдно, неловко, неудобно, зазорно, сквозь землю готов провалиться, совесть зазрит, запахло* [СРСБСВ]. Иногда статья *совестно* отсылает к статье *стыдно* в первом значении: *совестно, неловко, неудобно, зазорно* (прост.) [ССРЯА, 2001, с. 107] или к статье *стыдиться*, рассмотренной выше [СРСССВ].

Таким образом, можно сделать вывод, что из всех однокоренных лексем сохранили свою связь с понятием совести только прилагательные *совестливый*,

совестный и *бессовестный*, наречие *совестливо* и существительное *бессовестность*. Глаголы *совестить* и *совеститься* скорее отсылают к понятию стыда. Прилагательное *добросовестный* и его производные (*недобросовестный*, *добросовестно*, *недобросовестно*, *добросовестность*, *недобросовестность*) составят третью группу лексем. Можно назвать их соответственно лексико-семантическими кластерами «совесть», «стыд» и «ответственность». Лексемы *бессовестный* и *совестно*, видимо, принадлежат одновременно к кластерам «совесть» и «стыд».

Ситуация частичной синонимии совести и стыда, фиксируемая словарями синонимов, помимо отмеченной выше некоторой социализации определения совести в толковых словарях, имеет и иные причины. Как пишет Н. Д. Арутюнова, понятия стыда и совести выражают внутреннюю способность Эго реагировать на оценку своих действий Другим. Шкала психических реакций на оценку Другого развивается от стыда к совести. По мере этого развития возрастает нравственный аспект оценки, уменьшается или совсем исчезает внешняя симптоматика реакции. Стыд, в отличие от совести, предполагает взгляд извне [Арутюнова, 2000, с. 57–58]; «по мере того как в концептуальный аппарат людей входило соотносительное со стыдом понятие совести, концепт стыда стал сдвигаться от этики к этикету» [Там же, с. 62]. Таким образом, синонимом стыда может выступать только «социализированная» совесть: либо архаичное ее понимание, при котором она еще неотделима от моральных (как правило, связанных с религией) норм окружения, либо навязываемая политическим режимом «коллективизированная» совесть, не допускающая отклонений от господствующей идеологии.

2.2. Понятийная составляющая

2.2.1. Понятийная составляющая во фразеологии

В глубине концепта «мерцает» соответствующее понятие [Ляпин, 1997, с. 27]. Понятийная составляющая лингвокультурного концепта отражает его признаковую и дефиниционную структуру. Согласно С. Г. Воркачеву, понятийную составляющую «уместнее всего определить через отрицание: это то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных («значимостных») характеристик его языкового имени» [Воркачев, 2002, с. 55]. Таким образом, сюда же войдет и содержимое ценностного компонента, выделяемого многими исследователями в структуре концепта.

При анализе конкретной этнической формы обыденного сознания в качестве эталона принят семантический прототип совести, полученный на материале научного дискурса и не отмеченный культурно-языковой спецификой (см. Гл. 1). Его семантическое ядро образуют следующие дефиниционные признаки:

- 1) личностно-нормативный – способность самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности;
- 2) волевой – способность требовать от себя выполнения сформулированных обязанностей;
- 3) рефлексивный – способность к критической оценке собственных поступков;
- 4) эмоциональный – способность переживать свое несоответствие должному.

Имплицативными признаками, выводимыми из дефиниционных, являются пантогностический (всезнание совести) и релятивистский (относительный характер объективности совести).

При анализе понятийной составляющей концепта «совесть» представляется оправданным в первую очередь провести общее исследование связанных с

концептом фразеологизмов. Материалом для исследования представлений о совести в русской фразеологии послужили фразеологические и толковые словари русского языка [ФОСРЯ; ФСРЯ; ФССРЛЯ; ФССРЯ и др.]. Всего исследовано 34 фразеологические единицы. Из анализа были исключены явные диалектизмы.

В значении 9 фразеологических единиц присутствует один из семантических признаков эталона совести:

- 1) личностно-нормативный признак (1): *свобода совести*;
- 2) волевой признак (3): *идти против совести; сделка с совестью; кривить совестью*;
- 3) рефлексивный признак (1): *очистить (свою) совесть*;
- 4) эмоциональный признак (4): *помириться (примириться и т.д.) с (своей) совестью; с чистой совестью; угрызения, укоры и т.п. совести; совесть мучит, терзает и т.п. кого-л.*

Можно отметить, что волевой признак представлен только «с отрицательным знаком»: в описываемых фразеологизмами ситуациях совесть не может воспрепятствовать совершению человеком действия, противоречащего его личным нормам; несмотря на свои убеждения, человек действует против них.

Семантика прочих фразеологизмов (16) отсылает к другим смыслам. Можно выделить две их большие группы: этическую (12) и эмоциональную (4). К этической отнесем фразеологизмы, чье значение отсылает к этическим характеристикам и качествам характера: добропорядочности (*ходячая совесть*), надежности и добросовестности (*на совесть; не за страх, а за совесть*), честности (*по совести говоря (сказать); по (чистой) совести; верь (верьте, верите) совести*), злоупотреблении чем-либо (*пора [надо] <и> совесть знать*), ответственности (*больная совесть, для очистки совести; брать (взять) на совесть что-л.; что-л. (лежит) на совести кого-л. (у кого-л.); оставлять на совести*). Эмоциональную группу составят фразеологизмы, чье значение связано с испытываемым человеком чувствами – здесь речь идет о стыде (*совести (не) хватает; совесть зазрела; без зазрения совести*) или о спокойствии, отсутствии

беспокойства (*со спокойной совестью*). Тонкая семантическая грань, отделяющая некоторые фразеологизмы этой группы от представленных чуть выше представителей эмоционального признака семантического эталона – это грань между угрызениями совести и чувством стыда.

Некоторые фразеологизмы согласно словарным определениям могут иметь как смыслы, соответствующие семантическому эталону совести, так и не имеющие к нему прямого отношения. Фразеологизм *совесть заговорила* толкуется как «человек задумался о последствиях своих дурных поступков» [ТСРЯД, 2003, с. 1249], что отсылает к рефлексивному признаку. Но он же в другом источнике имеет определение «кто-л. начал испытывать чувство стыда за свои действия, поступки» [БСРП, 2007, с. 629], что позволяет включить этот фразеологизм в эмоциональную группу фразеологизмов из предыдущего абзаца. Семантически близок к нему фразеологизм (*пробудившийся, проснувшийся и т.п.*) *голос совести*.

Отдельную группу составят фразеологизмы, связанные с наличием либо отсутствием совести (б): *человек с совестью/без совести; совести нет в глазах у кого-л.; нет ни капли совести; потерять совесть/остатки совести; ни стыда, ни совести; без стыда, без совести*. Все они связаны с интегральной характеристикой поведения человека, который не задумывается о последствиях своих поступков и не раскаивается в них, даже если они считаются аморальными (см. [ТСРЯД, 2003, с. 1249]): такой человек *не имеет совести*.

Если спутниками или синонимами совести во фразеологизмах могут являться *душа* (*кривить душой = кривить совестью; от совести = от всей души* (донской диалектизм)), *честь* (*пора и совесть знать = пора и честь знать*) и *стыд*, то ее антиподом выступает *страх*.

Таким образом, меньше трети из исследованных фразеологизмов отсылают к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. В их значениях представлены все выделенные в Главе 1 семантические признаки, причем лидером является эмоциональный. Оставшиеся фразеологизмы разделены между

большой группой фразеологических единиц (ФЕ), состоящих из этических характеристик и описаний эмоциональных состояний (стыда и спокойствия), и меньшей группой ФЕ, дающих интегральную этическую оценку (наличие/отсутствие/активизация совести). Именно это, видимо, дало основание В. П. Литвинову утверждать, что в обыденных диалогах слово «совесть» всегда употребляется не в собственном его значении, а с некоторой смысловой деформацией [Литвинов, 2013, с. 214]: фразеологизмы, частые в обыденной речи, могут отправлять к иным, несловарным значениям лексемы. Таким образом, можно отметить, что в некоторых фразеологизмах сохраняется архаичное понимание совести как морального сознания, отправляющее ко второму этапу эволюции лексемы по В. В. Колесову.

2.2.2. Понятийная составляющая в паремиологии

Считается, что в паремиологическом фонде языка хранятся специфические черты обыденного сознания этноса. Под паремиями понимаются «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях» [Савенкова, 2002, с. 67]. Отмечается, что паремиологически отраженное знание, представленное в языковых системах, опирается на повседневный опыт и вековые наблюдения людей как членов конкретных этнокультурных общностей, на традиции, обычаи и верования народов, выполняя тем самым кумулятивную функцию [Савенкова, 2002, с. 115; Верещагин, Костомаров, 1983, с. 94; Дмитриева, 1996, с. 67; Тарланов, 1999, с. 3; Маккена, 1996, с. 88 и др.]. Поэтому для обеспечения полноты исследования лингвокультурного концепта «совесть» необходимо проанализировать его паремиологическую реализацию.

Вместе с тем вопрос о том, как именно отражается конкретная этнокультурная модель в семантике паремиологического фонда и в чем состоит отраженная в нем культурно значимая специфика современного лингвоменталитета, на сегодняшний день остается открытым [Телия, 1996, с. 235]. Отмечается, что паремиологические представления, как и языковая картина мира в целом, несколько архаизированы и не всегда отражают установки современного сознания [Попова, Стернин, 2001, с. 68, 82]. Кроме того, паремии часто рождались в определенных социальных группах, и, следовательно, не обязательно отраженные в них представления могут быть релевантны для общества в целом [Гоннова, 2004, с. 27].

Тем не менее, в этих народных изречениях отражается не мнение отдельного автора, как в художественном произведении, а оценка, по сути, целого народа. Именно поэтому не каждое изречение становится пословицей, а только то, которое отражает в своей сути мнение тысяч людей, которое остается в памяти народа столетиями. В паремиях практически нейтрализуются личностный и временной факторы, в отличие, например, от материала, собранного из опросов респондентов. В последнем случае информация, полученная подобным методом, является менее объективной, т.к. на результаты оказывает влияние личность и жизненный опыт опрашиваемых. Пословицы «выросли спонтанно на почве многовекового человеческого опыта, представляя собой плоды рефлексии над сложностью и многосторонностью мира» [Хлебда, 1994]. Архаизированность паремиологических представлений служит отправной точкой для прослеживания эволюции ЯКМ.

В лингвистике имеется узкое и широкое понимание того, что подразумевается под паремией. Как правило, к паремиям относят пословицы и поговорки. В более широком понимании к ним относятся также афоризмы, крылатые слова и выражения, а также современные трансформанты, например, антипословицы [Зайкина, 2018, с. 108]. В данной работе в группу исследуемых паремий, помимо давно закрепившихся в речи пословиц и поговорок, включены

некоторые афоризмы, которые фиксируются современными словарями пословиц без указания их авторства.

Материалом для исследования паремиологического представления о совести в русском языке послужили словари пословиц и поговорок русского языка В. И. Даля [Даль, 1994], М. И. Михельсона [Михельсон, 1997], В. П. Жукова [Жуков, 1991], В. П. Аникина [Аникин, 1988], А. И. Соболева [РПС, 1983], Е. Ю. Нещименко [РПН, 2002], В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [БСП, 2007]. Также были использованы электронные справочники. Обязательным условием выступало наличие сигнальной лексемы в составе паремии. Корпус анализируемых паремий составил 84 единицы.

Первым шагом в анализе русских паремий станет сведение их в логемы. Логема (термин П. В. Чеснокова, см. [Чесноков, 1966, с. 284] – это логико-семантическая единица обобщенного характера, под которую могут быть подведены отдельные группы паремий. Логема выступает в качестве обобщающей исходной мысли, объединяющей группы конкретных характеристик и оценок отдельных культурно значимых смыслов, выявляемых в паремиологическом фонде. При этом следует учитывать, что сведение паремий в логемы осуществимо только в общем виде вследствие возможности различных субъективных восприятий пословичной семантики [Савенкова, 2002, с. 46, 112]. Основные суждения о совести были сведены нами к 13 логемам, причем в редких случаях паремия может принадлежать более чем одной логеме.

1. Совесть слаба (15 паремий)

1.1. Совесть подчинена человеку (3 паремии): *Стыд под каблук, а совесть под подошву. Робка совесть, поколе не заглушишь ее. У него совесть в голике (в кулаке, под порогом и пр.).*

1.2. Желания, потребности и обстоятельства сильнее голоса совести (4 паремии): *Соблазн велик – и совесть молчит. Когда наелся, тогда и засовестился. Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло. Напала совесть и на свинью, как отведала полена.*

1.3. Совесть может погибнуть или вовсе отсутствовать (8 паремий): *У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась. Что того и совесть, у кого нет совести. Совесть у меня чистая – я ей не пользуюсь. Бывает палач с совестью, а судья без совести. Когда совесть раздавали, его дома не было. У него совесть на кнуте просвистана. У него ни на полушку совести нет. Волосом сед, а совести нет.*

2. Чистая совесть – залог спокойствия и счастья (12 паремий): *Счастлив тот, у кого совесть спокойна. Когда совесть спокойна, тогда и человек счастлив. У кого совесть чиста, тому ничего не страшно. Лучше камень на шее носить, чем с нечистой совестью жить. Чем чище нынешняя совесть, тем краше будущая повесть. Было бы здоровье да совесть чиста. Деньги потеряешь – можно нажить, а совесть потеряешь – беду узнаешь. Совесть – как сосед: чем с ней дружнее, тем лучше. Непременным признаком чистой совести является безмятежный сон: Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста. Совесть спать не дает. Коль совесть чиста, спи спокойно до утра. Чистая совесть – самая лучшая подушка.*

3. С эластичной совестью или совсем без совести жить удобно (10 паремий): *С его совестью и помирать не надо. У тебя совесть, что розвальни: садись и катись. Про его совесть можно сказать повесть. У него совесть в рукавичках ходит. У него совесть дырявое решето. Заскоружлой совести не проймешь. У него совесть мешок: что хошь положи. С его совестью жить хорошо, да умирать плохо. Потерявшему совесть всегда весело. В ком совесть есть, тому удачи нет.*

4. Совесть – внутренний судья и палач человека (9 паремий): *Злая совесть стоит палача. Совесть не волк, а загрызет. Совесть без зубов, а загрызет. Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает. У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица. Совесть не волк, а ест поедом. Совесть придумали злые люди, чтобы она мучала добрых. Совесть – лучший контролер. Мой враг – моя совесть.*

5. Совесть вездесуща, избежать ее суда невозможно (7 паремий): *С совестью не разминуться. От человека утаишь, от совести не утаишь. Как не мудри, а совести не перемудришь. Добрая совесть не боится клевет. Добрая совесть любит обличение. Совесть не повесть – в архив не сдашь. Совесть не сосед, от нее не уйдешь.*

6. Совесть представляет собой огромную ценность (6 паремий): *За совесть да за честь – хоть голову снести. Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека. Без совести и при большом уме не проживешь. Совесть потеряешь – другой не купишь. Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи. Разум, совесть да честь – лучшее, что у человека есть.*

7. По внешности нельзя судить о совести (5 паремий): *Рожа кривая, да совесть прямая. Бородка Минина, а совесть глиняна. Платье черненько, да совесть беленька. Волосом сед, а совести нет. Вес не попова совесть.*

8. Совесть – внутренний закон, которому нужно следовать (5 паремий): *Говори по делу, живи по совести. Надо и совесть знать. Пора и совесть (честь, стыд) знать. Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука. Делай по своей совести, да других не соблазняй.*

9. Стыд и слезы – спутники совести (4 паремии): *Есть слезы – есть и совесть. В ком стыд, в том и совесть. Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет. Стыд под каблук, а совесть под подушку.*

10. Совесть не связана с религией (3 паремии): *Вес не попова совесть. Душа христианская, да совесть-то цыганская. Божница домашняя, а совесть продажна.*

11. Совесть нельзя приобрести (3 паремии): *К кафтану совести не пришьешь. Богатый совести не купит, а свою погубляет. Совесть потеряешь – другой не купишь.*

12. Деньги губят совесть (2 паремии): *Богатый совести не купит, а свою погубляет. Хоть мошна пуста, да совесть чиста.*

13. Совесть имеет божественную сущность (2 паремии): *Добрая совесть – глаз Божий. Менять веру – менять и совесть*¹.

Существуют также единичные паремии, которые нельзя подвести под выделенные логемы. Так, например, совесть другого человека – загадка (*Чужая совесть – могила*). Нечистая совесть отражается на физиологическом уровне (*Глаза не на месте – совесть не чиста*).

Противоречивый характер паремий о совести отражается и в логемах. Противоречат друг другу логемы 1 и 5, 2 и 3. Но, по определению польского поэта и писателя Станислава Ежи Леца, «пословицы противоречат друг другу. И именно в этом – народная мудрость» [Лец, 2013, с. 54]. Противоречащие представления о совести дополняют друг друга. Многие из них связаны с религией: пословицы и поговорки берут свое начало в этике крестьянства, а краеугольным камнем крестьянской нравственности является православие. Налицо одновременная сакрализация и десакрализация концепта, что характерно для аксиологичных концептов в языковом сознании носителей восточнославянских языков [Шкуран, 2018, с. 1614].

Очевидно присутствие в русской паремиологии оппозиций «чистая совесть – нечистая совесть» и «добрая совесть – злая совесть». Чистая совесть обеспечивает человеку покой, нечистая же лишает человека покоя и заставляет его бояться.

В паремиологии, как и во фразеологии, присутствует представление о том, что обладание совестью не является неотъемлемым качеством человека. Ее можно утратить («потерять»), деактивизировать (заставить замолчать), или вновь активизировать, пусть и не во всех случаях. Эластичность совести позволяет человеку спокойно сосуществовать с ней. Заметим, что схожее отношение в паремиях выражается и к закону внешнему, формальному (*Закон что дышло*). Согласно С. Г. Воркачеву, для русского языкового сознания совершенно очевидна

---

¹ Пословица *Менять веру – менять и совесть* может интерпретироваться как «вероотступничество является одним из тяжких грехов» [Жамалетдинова, 2016, с. 35]; однако такая интерпретация представляется, как минимум, не единственно возможной.

различная природа правосудия и справедливости [Воркачев, 2010], а А. В. Свиридова замечает, что в русском сознании закон и совесть в какой-то степени противопоставлены [Свиридова, 2010, с. 318].

Рассмотрим случаи актуализации семантических признаков совести в поговорках. Личностно-нормативный признак проявляется в поговорках, акцентирующих индивидуальный характер совести (13 поговорок): *Чужая совесть – могила. Делай по своей совести, да других не соблазняй. Менять веру – менять и совесть. С его совестью и помирать не надо. У тебя совесть, что розвальни: садись и катись. Про его совесть можно сказать повесть. У него совесть в рукавичках ходит. У него совесть дырявое решето. Заскорузлой совести не проймешь. У него совесть мешок: что хошь положи. С его совестью жить хорошо, да умирать плохо. Божница домашняя, а совесть продажна. Бородка Минина, а совесть глиняна.*

Волевой признак встречается редко, причем в том числе и «с отрицательным знаком» (2 поговорки): *Глаза – мера, душа – вера, совесть – порука. Стыд под каблук, а совесть под подушку.*

Собственно рефлексивный признак, как и волевой, актуализируется достаточно редко (3 поговорки): *Добрая совесть не боится клевет. Добрая совесть любит обличение. Совесть – лучший контролер.* Однако выводной из рефлексивного пантогностический признак (всезнание совести) встречается несколько чаще (5 поговорок): *С совестью не разминуться. От человека утаишь, от совести не утаишь. Как не мудри, а совести не перемудришь. Совесть не повесть – в архив не сдашь. Совесть не сосед, от нее не уйдешь.*

Эмоциональный признак, представленный чаще других, проявляется в двух группах поговорок. В первой говорится о спокойной совести (5 поговорок): *Счастлив тот, у кого совесть спокойна. Когда совесть спокойна, тогда и человек счастлив. Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста. Коль совесть чиста, спи спокойно до утра. Чистая совесть – самая лучшая подушка.* Более многочисленная группа (9 поговорок) говорит о

действии нечистой совести, отбирающей покой и мучающей человека: *Совесть спать не дает. Злая совесть стоит палача. Совесть не волк, а загрызет. Совесть без зубов, а загрызет. Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает. У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица. Совесть не волк, а ест поедом. Совесть придумали злые люди, чтобы она мучала добрых. Есть слезы – есть и совесть.*

Таким образом, семантические признаки присутствуют только в 37 паремиях (меньше чем в половине исследованного корпуса паремий). Отметим также большие группы паремий, в которых говорится о наличии или отсутствии совести (12 паремий), о ее активизации или деактивизации (13 паремий). По мнению В. П. Даниленко, совесть содержит всю совокупность нравственных норм, имеющих в сознании человека, и является синонимом нравственности. Таким образом, человек с совестью является нравственным, а человек без совести – безнравственным [Даниленко, 2017, с. 340]. Впрочем, как мы видели выше, лексема *нравственность* отсутствует в числе синонимов совести, приводимых в лексикографических источниках. По поводу пары «совесть – нравственность» В. В. Дементьев замечает, что вторая лексема уже, беднее по значению и сферам употребления, меньше способна к экспрессии и словообразованию; эта пара входит в длинный список лексических пар, представляющих оппозицию персонального, личностного начала с одной стороны и социального – с другой [Дементьев, 2013, с. 83–84]. Следование всей совокупности социальных нравственных норм лучше описывается лексемой *порядочность*, отправляющей к интегральному моральному качеству (см. [Воркачев, 2016, с. 56]).

Еще в одной группе паремий совесть (преимущественно «чистая совесть») является предметом общей оценки, преимущественно положительной (15 паремий). Любопытно заметить в этой связи, что совесть входит в число ценностей, которые на том или ином основании ассоциируются с ценностными доминантами и определяются как предпочитаемые иным ценностям в русских, белорусских, итальянских и немецких паремиях [Ничипорчик, 2016, с. 29–30].

В пословицах и поговорках совесть идет рука об руку с душой, честью, стыдом, верой. Порой они даже взаимозаменяемы: *Пора и честь (стыд, совесть) знать; Чужая совесть (душа) – могила*. И если душа порой противопоставляется совести (*Душа христианская, да совесть-то цыганская*), то стыд всегда выступает спутником совести: *В ком стыд, в том и совесть*. В. П. Даниленко в своем труде, посвященном пословичной картине мира, анализирует совесть совместно со стыдом, так как, по его утверждению, стыд возникает от угрызений совести [Даниленко, 2017, с. 340]. С. Г. Воркачев в своей работе, посвященной концептам «правда» и «справедливость», отмечает, что «совесть» и «правда» в паремиях включены в отношения семантического и синтаксического параллелизма – ср.: *С совестью не разминуться – Правда прямо идет, а с ней не разминешься; Как ни мудри, а совести не перемудришь – Как ни хитри, а правды не перехитришь*. Согласно автору, «совесть для русского человека – это, прежде всего, орган для обнаружения неправды» [Воркачев, 2009, с. 107].

Противопоставление внутреннего и внешнего мира человека находит свое отражение и в группе паремий о совести: о совести нельзя судить ни по внешности, ни по одежде. Сложившаяся веками неприязнь простого народа, непосредственного автора пословиц и поговорок, к богатым породила пословицы *Богатый совести не купит, а свою погубляет* и *Платье черненько, да совесть беленька* (под черным платьем подразумевалась не грязная, а недорогая одежда, которую носили бедные люди). Следовательно, совесть и богатство – вещи несовместимые.

Также совести противопоставляется возраст человека: *Волосом сед, а совести нет*. Предполагается, что с годами человек приобретает не только жизненный опыт, но и совесть – или, по крайней мере, не теряет ее.

Кроме личностного характера у совести в паремиях выявляется и общественный характер: *Совесть – глаз народа*. Также в паремиях подмечается зависимость человеческой этики от профессиональной и национальной

принадлежности: *Подпись судейская, а совесть лакейская. Душа христианская, да совесть-то цыганская.*

Большинство описанных выше паремий были зафиксированы в языке еще В. И. Далем. За последнее столетие группа паремий о совести пополнилась незначительно. Семьдесят лет правления коммунистической партии обогатили русский язык, пожалуй, лишь двумя паремиями о совести. Из политических лозунгов они превратились в образцово-показательные советские пословицы (об отличиях советских пословиц от собственно русских см. [Хлебда, 1994]): *Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи* и *Совесть – лучший контролер*. Принимая во внимание ту роль, которую играла партия в жизни государства, можно сделать вывод, что совесть, наряду с честью и умом, по-прежнему возводилась в высокий ранг, но ценность она представляла только как контролирующий орган на службе государства. Как пишут Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, правящий режим пытался заставить человека жить не по своей, а по чужой совести; это покушение на индивидуальную совесть выразилось в подмене ее совестью коллективной [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 389]. Работа совести ожидалась от людей «в пространстве и в свете партийного воздействия» [Литвинов, 2013, с. 229]. Как бы то ни было, можно согласиться с И. В. Бойчуком: «не вызывает сомнений, что концепт *совесть* в русской лингвокультуре в течение определенного времени испытывал довольно мощное влияние официальной идеологии» [Бойчук, 2013б, с. 48].

Со сменой политического режима в обществе произошла и смена ценностей. Совесть может становиться препятствием к достижению своих целей. Нами зафиксировано лишь две паремии, «рожденные» в постперестроечный период: *Совесть у меня чистая – я ей не пользуюсь* и *Совесть придумали злые люди, чтобы она мучила добрых*. В обоих случаях ярко выражено иронично-пренебрежительное отношение к совести; ее больше не считают моральной ценностью.

Проведенный анализ семантических признаков русских паремий наряду с логемным анализом позволяет сделать следующие выводы. Хотя в русской паремиологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков, доля таких паремий составляет меньше половины. Сильнее всего в паремиях представлен эмоциональный признак, за ним следует личностно-нормативный. Далее следует рефлексивный (вместе с выводным пантогностическим), волевой же представлен единичными случаями, в том числе «с обратным знаком» – постулируется слабость совести, ее неспособность управлять действиями человека. Таким образом, в паремиях чаще всего отражаются обуславливаемые совестью эмоции или их отсутствие, а также многообразие личных норм поведения, эластичность личной совести. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), а также о возможности отсутствия совести, возможности ее активизации/деактивизации и удобстве жизни без нее. В паремиях совесть идет рука об руку с душой, честью, стыдом и верой.

2.2.3. Понятийная составляющая в корпусе примеров

Помимо паремиологического и фразеологического фонда языка, материал исследования составил выборочный корпус художественной литературы. Использованный в данной работе корпус иллюстративных материалов на русском языке составил 338 художественных произведений различных жанров (научная фантастика, фэнтези, детская литература, детектив, производственный роман, исторический роман и т.д.), изданных в 1920–2019 гг. и принадлежащих 96 авторам. Общее количество проанализированных примеров составляет 2337 (1601 случай употребления лексемы *совесть* и 736 случаев употребления однокоренных лексем).

Актуализация личностно-нормативного признака в корпусе иллюстративных материалов очевидна в тех случаях, когда речь идет о личных нормах, правилах, законах поведения, этических принципах. Можно выделить большую группу примеров, в которых совесть выступает в роли советчика – она подсказывает, учит, велит, требует, зовет: *Простимся со всем, что нам было дорого, с нашими привычными понятиями, с тем, как мы мечтали жить и чему нас учила совесть, простимся с надеждами, простимся друг с другом* (Б. Пастернак, 1955); *Но человека здесь оставляете. Значит, совесть требует знать, на кого* (К. Симонов, 1970); *Поступайте, как подскажет вам совесть, сэр, но не путайте служебных дел с семейными и помните о Библии* (А. Казанцев, 1984); *В конце концов, чем она виновата? Тем, что следовала велению своей совести, точно так же, как я следовал своей?* (Н. Перумов, 2004); *Нужно верить в судьбу, Фриц, и выполнять свой долг так, как велит нам совесть* (А. Мартьянов, Е. Хаецкая, 2013).

Отметим, что иногда этот призыв к действию можно полностью ослабить, свести на нет – «освободить совесть»: *Суждено быть, так будет, – утешал себя Ипатий, освобождая совесть от необходимости действия* (В. Иванов, 1961); *В том беда, что надежда на американцев освобождает нашу совесть и расслабляет нашу волю: мы получаем право не бороться, подчиняться, жить по течению и постепенно вырождаться* (А. Солженицын, 1968).

Другую группу составят случаи, в которых подчеркивается индивидуальный характер совести: – *Гляди, как бы сочувственные эти тебя не купили. Большую совесть иметь надо. – А ты мою совесть мерял?* (В. Кожевников, 1957); *Оно так справедливее: человеку свободная совесть дана и свобода дело вершить своим разумением и под свой суд* (В. Иванов, 1967); *Одному человеку в совести другого разобраться трудно* (А. Иванов, 1976); *Подсознанию испытуемого предлагались явно конфликтные ситуации, ставившие его в почти неразрешимую коллизию между приказом, теми принципами и идеями, которые он исповедовал публично,*

и глубинными свойствами характера, в том числе и так называемой совестью (В. Звягинцев, 2004).

В отдельную подгруппу можно выделить примеры с риторическим вопросом о качестве чужой совести: Какую совесть надо иметь, чтобы опоздать, а потом делить поровну со своим напарником его заработок! (В. Беляев, 1956); Какую же они имеют совесть драть такие деньги за то, что от природы достается даром? (А. Солженицын, 1967). Здесь совесть имеет индивидуальный характер, вполне соответствуя семантическому прототипу.

Все прочие случаи представлены единичными примерами: представление о законах совести, вопросы совести, обязательства перед совестью, долг перед совестью и прочее: Не важно, верите вы в бога или нет. Это – дело ваших убеждений, вашей совести (М. Шолохов, 1940); Как и для всех советских людей, вопрос о том, выходить или не выходить на работу при власти немцев, был для Володи и Толи одним из самых трудных вопросов совести (А. Фадеев, 1951); Он был убежден, что действует в полном согласии со своей совестью (Г. Брянцев, 1955); Законы, установленные людьми, не могут противоречить законам совести (А. Рыбаков, 1983); В конце концов, ничего особо противного уму и совести мне не предлагали (В. Пелевин, 2016).

Требованию совести человек может и не подчиниться. Актуализация волевого признака включает все случаи употребления лексемы, в которых совесть безальтернативно заставляет, позволяет либо не позволяет что-либо сделать. Эти случаи можно разделить на следующие группы:

1. Совесть заставляет что-либо делать: Это было то мгновенное движение души, когда человек, подчиняясь только голосу совести, совершает нелепые на первый взгляд поступки (А. Рыбаков, 1955); Нечистая совесть погнала его из дома, где вместо прежнего спокойствия и веселья царил тревога (А. Волков, 1963); Этот голос, голос моей совести, едва слышимый, тем не менее пробился на поверхность сознания и заставил меня поднять Арию (Е. Гуляковский, 2003).

2. Совесть позволяет что-либо делать или наделяет полномочиями: *Так называемая совесть позволяет им судить о действиях партии и государства, то есть о ЕГО действиях* (А. Рыбаков, 1988); *Ты, к примеру, можешь шестилетним пацанам гранаты раздать, чтобы они рыбки поглушили, раз захотелось? Пусть даже тебя никто не увидит, и при любом исходе отвечать тебе не придется. Совесть или здравый смысл позволяют?* (В. Звягинцев, 1993); *Но если тебе непонятно, что значит это слово, пусть я буду для тебя просто равнодушным прохожим. Прохожим, у которого нет никаких полномочий, кроме данных ему собственной совестью...* (В. Пелевин, 2011).

3. Совесть не позволяет, удерживает, ограничивает: *Потом я стал рабом Файга, выкреста и пошляка, и он меня тоже выгнал, как собаку, так как мне не позволила совесть поставить тройку стоеросовой дубине и болвану Ближенскому только потому, что он, изволите видеть, сын миллионера* (В. Катаев, 1936); *Подумал я и решил рассказать обо всем командиру полка, а убивать не дозволила совесть* (М. Шолохов, 1940).

4. Совесть борется либо с какой-то эмоцией, либо с самим человеком: *В душе мальчика снова началась жестокая борьба с совестью, и борьба эта продолжалась всю дорогу, вплоть до самого участка* (В. Катаев, 1936); *Вы не знаете, как дерутся, борются два чувства: страх и совесть* (А. Бек, 1945).

5. Человек идет против совести тем или иным образом или вступает с ней в сделку, и совесть оказывается бессильной остановить его – здесь волевой признак актуализируется «с отрицательным знаком»: *Петя остановился, немного поторговался со своей совестью и решительно прибавил: «Он извергался!..»* (В. Катаев, 1936); *Зарницкий улыбнулся: немец явно шел на сделку с совестью, но колебался, недоверчиво поглядывая то на подполковника, то на переводчика* (Г. Гончаренко, 1957); *Не для того мы людей убивали и нас убивали, чтобы после совесть свою продавать* (А. Проханов, 1989); *С точки зрения Торина, Фолко уже сейчас поступал против совести* (Н. Перумов, 1995); *Переступив свою совесть, он не жалел пермяков, но все же тяжесть оставалась на душе, ведь его*

крещение – пока полуправда, потому что за ним идет правда: московитская кабала (А. Иванов, 2003); Глядишь на нее и думаешь – слиться с ней в любви есть высшее счастье. Идешь ради этого на сделку с судьбой и совестью, и вот она твоя (В. Пелевин, 2011).

В случаях актуализации признака рефлексивности совесть выступает как беспристрастный, объективный собеседник, но чаще – как судья, одновременно обвинитель и защитник человека: *Я слушал вас, господа, я беседовал с моей совестью... (А. Толстой, 1934); И ответ тебе придется держать не только перед собственной совестью, но и перед всем народом, перед партией (Л. Кассиль, М. Поляновский, 1949); Ни на кого не хочу оглядываться, совесть мне высший судья (А. Рыбаков, 1950); Внутренний чистый голос совести говорил ему, что он, особенный человек, с опытом прошлого подполья, потому и был выдвинут на это чрезвычайное дело в чрезвычайных обстоятельствах, чтобы своей волей, опытом, организационным навыком преодолеть все и всякие опасности, трудности, лишения, препятствия, ошибки других людей, от которых зависело это дело (А. Фадеев, 1951); Перед собственной совестью я призналась, что лучшие друзья были правы, считая меня подлецом (В. Каверин, 1956); Над князем россичей не стояла Судьба, заслоняя извечным предначертаньем ответственность перед своей совестью, перед людьми (В. Иванов, 1961); Вопросы веры я оставляю на суд твоей совести, но помни, что, останешься ли ты еврейкой или перейдешь в христианство, ты всегда будешь одинаково дорога нам (А. Волков, 1963).*

Оценка человеком своих или чужих поступков проявляется в том, что его совесть получает определение чистой или нечистой: – *Трусит, – сказал король. – Совесть нечиста, и трусит. Дверь запирает (К. Булычев, 1996); Тогда тебя никто не обвинит в воровстве, твоя совесть будет чиста (Д. Глуховский, 2005).* Отметим, что выражение «чистая совесть»/«совесть чиста» встречается примерно в три раза чаще, чем «нечистая совесть»/«совесть нечиста».

В редких случаях отмечена актуализация выводного из рефлексивного пантогностического признака: *Но такова правда. Я от всех ее скрывал, но от совести не скроешь* (А. Бек, 1945); *Борис был подлинным артистом — в его голосе звучала то прорвавшая преграды страсть, то глухой минор раскаяния, то шепот соблазна, и все вместе неведомо как создавало у слушателя чувство, что сурок, о котором он поет, — это совесть, господний ангел, тихо парящий над плечом лирического героя, записывая на небесную видеопленку все его дела* (В. Пелевин, 2003); — *Потому что я — совесть народная. Я все время за ними наблюдал* (Э. Успенский, 2011).

Другой выводной признак — релятивистский — еще более редок: *Позже изворотливая совесть находила оправдание его гнусным поступкам, и он успокаивался* (Г. Брянцев, 1955).

Эмоциональный признак — переживание своего несоответствия должному — актуализируется в относительно высокой доле примеров:

1. Чаще всего речь идет об угрызениях, муках совести; о том, что совесть не оставляет в покое: *Уже содрав с себя одежду, я сообразил, что очередь, собственно, не моя, а Симонэ, но никаких угрызений совести не ощутил* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1970); *И сейчас барон, как и всякий хороший военачальник, не умевший лгать себе, понимал, что жена сказала ему истинную правду: он гнусный предатель, и совесть теперь не оставит его в покое* (Н. Перумов, 1995); *Но недолго он и предавался размышлениям, хорошо или плохо это было, что он ввязался в драку, недолго и мучился совестью* (В. Распутин, 2003).

2. Нечасты упоминания спокойной совести: *Но дело в том, что Пете ввиду событий самым строжайшим образом было запрещено выходить за ворота. Теперь же совесть его могла оставаться совершенно спокойной: он здесь ни при чем, такова воля Гаврика, которому он обязан беспрекословно подчиняться* (В. Катаев, 1936); *Нечестного он не сделал ничего, и совесть его спокойно дремала, как дымчатый кот в ненастный день* (А. Толстой, 1941); *Мое весеннее*

настроение испортилось, несмотря на хороший улов. Впрочем, совесть была спокойна. Я не считала, что совершаю кражу – я взяла плату за вызов (В. Пелевин, 2004).

3. Еще реже речь идет о попытках облегчить муки совести – успокоить ее: *С кем ни познакомимся, сразу стрельба... Правда, каждый раз они начинают первыми, а мы вроде защищаемся, что слегка успокаивает совесть (В. Звягинцев, 1983); Я вижу, вас что-то гнетет. Не желаете, так сказать, облегчить свою совесть? (Н. Перумов, 2002).*

В некоторых случаях при употреблении лексемы актуализируются одновременно сразу несколько семантических признаков.

Личностно-нормативный и волевой признаки одновременно актуализируются в тех случаях, когда:

1) речь идет об измене совести или ее законам: *Своему долгу, своей совести я не изменил (А. Бек, 1945); Хедин не был человеком, преступившим законы своей совести, чтобы отправить Ученика, воспитанника и последователя на верную смерть; Хедин был Магом (Н. Перумов, 1995);*

2) описывается проверка или испытание чьей-то совести: *Куча зашевелилась — из-под нее вылез Мазин. – Хотел совесть у ребят испытать, – заявил он при общем смехе (В. Осеева, 1951); Они, эти мальчики наши, солдаты – такое богатство! Им, этим мальчикам, совесть свою в трудах проверять, в дружбе, в любви. А мы их в бой посылаем, губим! (А. Проханов, 1989);*

3) речь идет о надежде на чужую совесть или о доверии ей: *Я слышал, что она выразила надежду на совесть самого преступника (А. Грин, 1928); Я на его совесть полагалась... Неужели надо было его к юбке моей привязывать? (М. Шолохов, 1940); Международные соглашения и конвенции не для хищников писаны. Надеяться на их совесть? Легче уговорить акулу не жрать сельдь с иваси во время нереста (Л. Линьков, 1961); Но я доверяю его совести. Видимо, он чувствует себя способным докомандовать дивизией (К. Симонов, 1970).*

В единичных случаях отмечена одновременная актуализация:

1) личностно-нормативного и рефлексивного признака: *Еще не так давно у нас существовали кабинеты совести. Туда приходили люди, чтобы оценить свои поступки, выяснить их мотивы или узнать, как следует поступить, с помощью широкой информации, справедливых и ясных умов людей с глубокой интуицией (И. Ефремов, 1958); Однако совесть не умолкала и все настойчивее твердила свое: «Я ведь хочу, чтоб ты был лучше. Я не могу спать, когда вижу, что ты поступаешь скверно» (Н. Носов, 1958).*

2) личностно-нормативного и эмоционального признака: Совесть своей болью ставит задачи, разум – выполняет. Совесть задает идеалы, разум ищет к ним дороги (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969);

3) рефлексивного и волевого признака: *Он нес в себе груз тяжкого преступления, в котором не раскаялся. И в каждой острой ситуации инстинкт самосохранения был бы все сильнее, а совесть все тише... и сговорчивее (А. Вайнер, Г. Вайнер, 1972).*

4) волевого и эмоционального признака: *Совесть – это не только когда болит. Это когда делаешь* (А. Иванов, 2003).

Нужно отметить, что когда совесть получает определение, указывающее на партийную, профессиональную либо иную принадлежность человека, она указывает на групповые нормы, на этические принципы, следование которым ожидается от человека как члена группы. Это не столько отрицание личного характера совести, сколько акцентуация определенных убеждений человека: *По чьему указанию, спрашивает, создан отряд. Лецинер ему говорит: по указанию партийной совести* (В. Ардаматский, 1963).

Вместе с тем достаточно очевидно, что подобная совесть семантически уже совести без определений, и разные ее виды нетождественны: как справедливо отмечает А. Е. Бочкарев, «революционная совесть, относительно которой определяются революционно настроенные солдаты и рабочие, не имеет, надо полагать, ничего общего с христианской, ни тем более девичьей совестью» [Бочкарев, 2016, с. 42]. Подобные системы ценностных нормативов теоретически

могут уживаться в одном человеке, что в случае их противоречия друг другу может приводить к внутреннему этическому конфликту.

Частота актуализации дефиниционных признаков семантического эталона в корпусе иллюстративных материалов приведена в таблице 1.

Таблица 1. Семантические признаки лексемы *совесть* в иллюстративном корпусе текстов

Признак	Количество примеров	%
Эмоциональный	343	42
Рефлексивный	202	25
Волевой	135	17
Личностно-нормативный	109	13
Личностно-нормативный + волевой	12	2
Личностно-нормативный + эмоциональный	9	1
Волевой + рефлексивный	3	< 1
Пантогностический	5	< 1
Релятивистский	1	< 1
Эмоциональный + волевой	1	< 1
Личностно-нормативный + рефлексивный	1	< 1
Всего	821	100

Таким образом, можно сделать вывод, что в текстах представлены все признаки, причем в большинстве своем – в чистом виде (на долю смешанных случаев приходится менее 4%). Бесспорным лидером является эмоциональный признак (42 %).

Родовые, а не дефиниционные признаки актуализируются в тех случаях, когда совесть перечисляется в ряду других качеств без уточнения: *Стоило ли пролить столько крови, налгать выше гор о совести, общем благе, душе, боге, вечном блаженстве, чтобы сменить легионного орла на знак креста!..* (В. Иванов, 1961); *Тебе чудится, что ты знаешь, где находится в тебе совесть, где воля, где память, где возникают желания и откуда берутся запреты и ограничения* (В. Распутин, 1985); *Отец сам нарывается на арест, не понимает, что в нынешних условиях нет места таким понятиям, как порядочность и совесть* (А. Рыбаков, 1994); *Наши с вами исконные враги тевтоны – такие же нормальные люди, с чувствами, с совестью и благородством* (В. Звягинцев, 1999); *И вот тогда, сынок, – полковник сделал особый упор, особое ударение на «сынке», – мы с тобой поговорим о долге, совести, приказе и офицерской чести* (В. Миронов, 2001).

В таких случаях родовое понятие-гипероним упоминается довольно редко: это лексемы *понятие, слово, оружие*, а также выражения *Божий дар; комплекс, приобретенный в результате воспитания; неосязаемый чувствами звук* – все по одному примеру. Таким образом, гипероним может указывать на семантическую (*понятие*), лингвистическую (*слово*), психологическую (*комплекс*), физическую (*звук*), инструментальную (*оружие*) либо религиозную (*Божий дар*) категорию. Анализ контекстуальных синонимов совести, использующихся в таких случаях, позволяет выстроить их частотный ряд следующим образом: *разум* (2 случая), *жизнь, плоть, порядочность, сострадание к противнику [и] ближнему, честь, добро, душа, поруганные святыни* – по одному случаю.

В тех случаях, когда гипероним отсутствует, анализ контекстуальных синонимов совести демонстрирует иную картину. Чаще всего рядом с *совестью* можно увидеть *честь* (20 случаев), реже – *разум* (5) и *страх* (5), еще реже – *долг* (3), *волю* (3), *любовь* (3), *жалость* (3), *ум* (2), *сострадание* (2), *память* (2), *веру* (2), *душу* (2), *сердце* (2), *благородство* (2). Лишь по одному разу встречаются лексемы или словосочетания *дело, знание, милосердие, приказ, общее благо, бог,*

вечное блаженство, дух, человек, убеждения, идеология, чувства, моральное право убивать врагов, человечность, история, научный социализм, доброта, честность, множество добрых дел, желания, поступки, намерения, помощь, поиски выхода, божественная сущность, очищение, литературный вкус, мораль, колебание, слава, стыд.

Распределение контекстуальных синонимов по семантическим областям в таких случаях является следующим:

- этическая (*честь, долг, благородство, моральное право убивать врагов, человечность, доброта, честность, мораль*): 8 синонимов, 31 случай;
- эмоциональная (*страх, любовь, жалость, сострадание, милосердие, чувства, желания, стыд*): 8 синонимов, 17 случаев;
- когнитивная (*разум, ум, память, знание*): 4 синонима, 10 случаев;
- психическая (*воля, дух*): 2 синонима, 4 случая;
- религиозная (*душа, бог, вера, вечное блаженство, божественная сущность*): 5 синонимов, 7 случаев;
- социальная (*общее благо, история, слава*): 3 синонима, 3 случая;
- идеологическая (*убеждения, идеология*): 2 синонима, 2 случая;
- физиологическая (*сердце*): 1 синоним, 2 случая;
- прочее (*дело, приказ, человек, научный социализм, множество добрых дел, поступки, намерения, колебание, помощь, поиски выхода, очищение, литературный вкус*): 12 синонимов, 12 случаев.

Таким образом, большая часть контекстуальных синонимов относятся прежде всего к этической и эмоциональной сферам.

Лишь в двух случаях отмечено использование контекстуальных антонимов: это *сила* и *гордыня, духовная слепота*: – *А ведь главное не совесть, а сила! — Лохматый занес над Димкой здоровенный кулак* (В. Железняков, 1981); *По-видимому, для тебя не существует и такой категории, как совесть, в том смысле, как ее понимают лучшие наши писатели и мыслители. Вся деятельность*

таких, как ты, — это одна сплошная гордыня, духовная слепота, следствие которых — разрушение природы, разрушение национальной жизни, разрушение семьи, нашей с тобой семьи, разрушение себя самого! (А. Проханов, 1989).

Особый случай составляет употребление в текстах фразеологизмов с лексемой *совесть*, имеющих иное, не связанное со значением сигнальной лексемы значение, хотя и семантически близкое к ней. Случаи употребления фразеологизмов, исследуемые в русском иллюстративном корпусе и отсортированные по частоте, суммированы в таблице 2.

Таблица 2. Фразеологизмы с лексемой *совесть* в иллюстративном корпусе текстов

Фразеологизм	Значение	Количество	%
по совести	честно	99	26
[лежать] на совести / брать на совесть	об ответственности или вине	70	18
на совесть	добротно, качественно	66	17
с чистой совестью	оправданно, правомерно	32	8
не за страх, а за совесть	усердно, честно	27	7
для очистки совести	на всякий случай	25	7
свобода совести	свобода иметь любые убеждения	16	4
без зазрения совести	спокойно, не испытывая чувства стыда	13	4
ни стыда ни совести	о бесстыдстве	6	2
совесть зазрила	стыдно	6	2
совесть убивает	стыдно	5	1
узник совести	заклученный из-за убеждений	4	1

ум, честь и совесть	часть советского лозунга	4	1
совесть точит	стыдно	3	< 1
по совести	по нраву	2	< 1
брать/принимать на совесть	верить	2	< 1
топтать честь и совесть	унижать	2	< 1
Прочие		4	1
Всего		386	100

Итак, можно констатировать, что наиболее частотны фразеологизмы *по совести, на совести и на совесть*. Вместе они составят 61% случаев использования фразеологизмов в корпусе. Практически все они встречаются в словарях фразеологизмов: исключениями являются только *совесть точит* (явный донской диалектизм, встречающийся только в романе М. Шолохова «Тихий Дон») и *топтать честь и совесть* (авторское выражение, встречающееся только в романе Вс. Иванова «Русь Великая»).

В отдельную группу выделим случаи употребления разнообразных вариантов фразеологизма *человек с совестью/без совести*: *Кочегар Бакланов, лежа на палубе животом вверх, лениво процедил: – Подлизывается к нашему брату, продажная тварь. – У хорька больше совести, чем у него, – промолвил кто-то* (А. Новиков-Прибой, 1932); *Как блохи, сновали сотни юрких людишек с глазами, в которых можно было прочесть все, кроме совести* (Н. Островский, 1934); *Ваши Попурри и Мирошки люди без совести. Говорят одно, а делают другое* (Б. Пастернак, 1955); *– А воздуха здесь столько же, сколько совести у миссис Хент, – вставил Том Годвин, стараясь скрыть смущение* (А. Казанцев, 1960); *– У него совести, сколь у меня денег, – вставил Антип. – Валялась в кармане копейка, да и ту пришлось разменять* (А. Иванов, 1963); *Но пока я жив, пока жива моя совесть, я не буду пешкой ни в чьей грязной игре* (Е. Коршунов, 1971).

Иногда в текстах встречаются утверждения о наличии или отсутствии групповой совести: *Плечи у вас крепкие, головы умные, совесть пионерская* (В. Осеева, 1951); *Пусть лучше мне впереди лишняя звезда не светит, да зато совесть коммуниста при мне останется!* (К. Симонов, 1970). Изредка о групповой совести говорится как об образце, эталоне: *Пусть ученики сами оценивают успехи друг друга путем голосования. Мы должны прививать им чувство гражданской совести.* (В. Кожевников, 1957).

Употребление лексемы *совесть* в данной группе иногда отсылает к каким-то конкретным проявлениям совести, «совестливым актам», например:

1) к помощи другим: *Она жила большей частью без меня, приспособилась авоськи вязать да загонять их возле вокзала, хотя это были не монеты, а кошачьи слезы. У меня тоже совесть есть, я ей посылал, и за ту проклятую икру она быстро и сполна рассчиталась* (В. Чивилихин, 1967);

2) к готовности говорить правду: *«Он же у нас чистенький! – крикнул Валька. – У него совесть есть, мог и признаться»* (В. Железников, 1981);

3) к проявлению чувства стыда: *Кнопочка сказала: – Он покраснел под конец, а это значит, что у него совесть еще не совсем пропала* (Н. Носов, 1958); *Мне уж совестно с тебя тянуть, только тянуть да тянуть, и ничего, ни одной крошки взамен. Кой-какая совесть еще, видать, сохранилась* (В. Распутин, 1974);

4) к неготовности к аморальным поступкам: *...ну а во-вторых, должна же у нее быть совесть – у Николая семья, неужели она ее возьметса разрушить?* (Т. Толстая, 2015);

5) к преданности убеждениям, идеалам: *Если вам легче, чтобы фашисты вас к стенке поставили, чем своей рукой комиссарские звезды срывать, – это значит, что у вас совесть есть* (К. Симонов, 1970).

Равным образом и упоминание отсутствия совести отсылает к каким-то частным свойствам характера или поступкам: корыстолюбию, недобросовестному исполнению рабочих обязанностей, неблагодарности и др. Впрочем, контекст предложения и даже абзаца далеко не всегда позволяет определить, о чем

конкретно идет речь. Однако в общем можно утверждать, что подобные суждения указывают на ожидание от человека следования некоторым нормам – совершения некоторых действий или, напротив, воздержания от них. Подчеркнем, что эти нормы не тождественны законам или религиозным заповедям: зачастую это неписанные правила поведения. Действия, вызывающие подобные суждения, часто связаны с окружающими и с потенциальным вредом, который они могут принести. Соответственно, «отсутствие совести» в этих случаях подразумевает способность индивида действовать, не учитывая интересы окружающих (общества, коллектива или конкретной группы лиц). В русской ЯКМ такому человеку в принципе отказывается в наличии совести. Здесь, очевидно, сохраняется архаичное значение лексемы «совесть» как морального чувства; выражение «у X нет совести» синонимично выражению «X не знает либо игнорирует неписанные правила поведения». Пожалуй, в этом случае тоже можно ставить знак равенства между совестью и нравственностью, как это делает В. П. Даниленко, описывая паремиологическое представление о совести [Даниленко, 2017, с. 340]: здесь совесть некоторым образом тождественна порядочности. Очевидно, что подобное понимание совести, нивелирующее ее индивидуальный характер и сближающее ее со стыдом, носит архаичный характер: это вторая ступень семантической эволюции лексемы по В. В. Колесову, сохранившаяся в фразеологизмах – однако совершенно утратившая религиозные коннотации.

Отдельную группу, весьма близкую к вышеописанной и связанную с ней, составит текстовая реализация рече-поведенческой тактики «Где же твоя нравственность?» по Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову. Это так называемая медиальная рече-поведенческая тактика: с их помощью коммуникант управляет ходом разговора, причем это управление касается именно откровенности (установления степени правдивости, обличения уловок, вскрытия противоречий и т. д.). С помощью данной тактики коммуникант ссылается на нравственные нормы [Верещагин, Костомаров, 2005, с. 618, 635]. В эту группу можно отнести:

1) выражения вида *имей совесть*: – Имел бы совесть, Иван, – сказал стармех, – всем ведь только по четыре штучки давали (В. Аксенов, 1962); *Возвращаюсь домой в девять вечера и вижу, что они опять сидят у меня в саду, в тени и, правда, не целуются, но надо же все-таки совесть иметь* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1968); – *Ты, Полина Егорова, совесть поимей. Солдатка ты или дамочка какая?* (Б. Васильев, 1969).

2) риторические вопросы вида *совесть есть?*: *После схода старики собрались у деда Ефима; вздыхали, качая головами: – Вот и поди ты к нему, Ефим, спроси: есть у него совесть или нет?* (В. Осеева, 1951); – *Ты что, Хлоп, совсем? – урезонил его Таракан. – У тебя есть совесть? Ты грабишь государство! Позор!* (Э. Успенский, 2003);

3) риторические вопросы вида *где совесть?*: *А наших пошто перебили? Где у вас совесть была?* (А. Волков, 1961); *Почему товарищ Сталин про это от вас не знал, хотя бы за неделю, ну за три дня? Где же ваша совесть? Почему не доложили товарищу Сталину?* (К. Симонов, 1970).

Сюда же можно отнести любые риторические вопросы о совести, сформулированные иначе: *А вот насчет совести как?* (А. Вайнер, Г. Вайнер, 1971).

Также можно выделить схожую по смыслу группу случаев, в которых используются варианты фразеологизма *потерять совесть*, иногда с серьезными семантическими и синтаксическими трансформациями: *Посмотрел я в злые, с кошачьей прозеленью глаза Яшки и понял, что у этого человека совести осталось очень немного* (В. Беляев, 1956); *Накормив Винтика, коротышки точно таким же образом накормили и Пончика, который, как уже говорилось, потерял не только вес, но вместе с ним и остатки совести, не потеряв, однако ж, при этом своего аппетита* (Н. Носов, 1965); *И чем дольше он думал так, тем сильнее ему казалось, что с Марией у него ничего не вышло как раз потому, что он не мог переступить некоей черты, за которой начиналась потеря совести* (В. Мелентьев, 1982); *Бизнес во главе всего, превыше даже здравого смысла —*

это я тоже очень хорошо понимаю... Но совесть! Хотя бы крупинка! Хотя бы столь почитаемые нашим Президентом наночастицы совести должны же оставаться! (А. Константинов, 2010).

Сюда же можно отнести своеобразный антоним этого фразеологизма *спасти/сохранить совесть*, отсутствующий во фразеологических словарях: *Эта возможность возвращала мне достоинство, и только таким образом, делая что-то для других, я мог спасти свою совесть, свою личность (Л. Улицкая, 2006); Хоть свою совесть сберегу (Д. Глуховский, 2009).*

Наконец, в текстах присутствуют близкие по смыслу к ФЕ *потерять совесть* выражения, в которых совесть отличается от эталона, «портится»: *Порой меня точила мысль: не оказался ли он калекой совести? Не намеренно ли в ту ужасную ночь отбился от нас, бросил свою роту? (А. Бек, 1945); И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести (А. Солженицын, 1968); Честности ни у кого ни на грош... совесть у вас давно прокисла... в душах у вас моль завелась... (Л. Давыдычев, 1969); Не только камзол, но и совесть изнасилась? (А. Казанцев, 1986).*

Нормальное состояние или простое наличие совести в вышеописанных случаях становится синонимом соблюдения неписаных правил, маркером нравственного, порядочного поведения.

Таким же образом можно выделить группу случаев употребления разнообразных вариантов фразеологизмов *совесть проснулась/пробудилась* и (*пробудившийся, проснувшийся и т.п.*) *голос совести*: *Постараюсь выбить из них детский эгоизм и слюнтяйство, добиться, чтоб в них заговорила человеческая и рабочая совесть (В. Чивилихин, 1969); – Я не понимаю, вы что – пугаете меня или пробуждаете во мне голос совести? – спросил он наконец (А. Вайнер, Г. Вайнер, 1972); *Боярчик подумал; осознал человек свое недостойное поведение, совесть в нем пробудилась, и он оставил его клуб в покое (В. Астафьев, 1992); – Только Кан-Кендарат говорила: покалечишь врага, он еще больше озлобится. А надо, чтобы совесть проснулась (М. Семенова, 1995); Значит, сумел вправить**

зажравшемуся бюрократу мозги, осадить гонор, значит, совесть заговорила, значит, спас в нем человека, значит, еще не все потеряно (М. Евстафьев, 2006); Коломийцев вдруг осознал, что так называемые «простые» люди, некрасивые, ужасающе бедные, сами частенько бессовестные, обладают в этой стране необъяснимым свойством пробуждать совесть у людей успешных, не испытывающих в этом качестве никакой личной нужды (О. Славникова, 2008); И вообще – будем считать, что вчера вы меня убедили и во мне проснулись остатки совести (А. Константинов, 2010). Заметим, что словосочетание *голос совести* употребляется в единичных случаях: главным образом речь идет о пробуждении самой совести.

Активизацию совести, выполняемую извне, то есть прямую апелляцию к совести, описываемую иными средствами, также можно отнести к этой группе: Вид у оратора был измученный, он бил себя растопыренной ладонью, поднимал вверх поочередно то одну, то обе руки. Он обращался к сознательности и совести солдат (А. Гайдар, 1930); Вы искусственно выключили всяческую общественность, вам не к кому, оказалось, апеллировать, кроме как к их совести, а это вещь шаткая (Вс. Иванов, 1932); Турканов думал, что в древности, на сборище судившего народа, подобные показания, взывая к совести массы, предрешали и суровый приговор и его немедленное исполнение (В. Иванов, 1956). Сюда же можно отнести выражения вида *совестью молю*: Так я тебя совестью молю, отдай вилы! (В. Кожевников, 1957).

В апелляции к совести другого, как верно замечает В. П. Литвинов, содержится требование соответствия внешнему требованию [Литвинов, 2013, с. 211], и, таким образом, подобное словоупотребление отправляет к понятию о моральном эталоне. По мысли Ю. Д. Апресяна, «мы можем взывать к совести другого человека: мы делаем это в уверенности, что в конечном счете он руководствуется теми же нравственными истинами, что и мы» [Апресян, 1995, с. 41]. Однако представляется, что это утверждение справедливо не всегда: можно

взывать к чужой совести, но не разделять принципов, которыми руководствуется ее обладатель.

При описании действий, совершающихся *без совести*, речь идет об атрибуте не столько субъекта действия, сколько самого действия: *Брошусь ему в ноги и расскажу, как его слуги нас без совести гнетут* (А. Волков, 1969); *Кто-то из Крапивиных сотоварищей начал вслух рассуждать, как, наверное, их недруг без совести убирает в брюхо ту снедь, которую они сами из-за него же оставили* (М. Семенова, А. Константинов, 1998). Очевидно, здесь конструкция «глагол + *без совести*» имеет то же значение, что и наречие *бессовестно*.

Случаи данных вариантов употребления ФЕ с лексемой *совесть* сведены в таблицу 3.

Таблица 3. Группы фразеологизмов, отправляющих к совести как моральному чувству, в иллюстративном корпусе текстов

Вариант использования лексемы в ФЕ	Количество	%
Маркер поведения (есть/нет/потеряна/сохранена)	165	62
Риторические вопросы вида <i>совесть есть?</i> + <i>где совесть?</i> + прочие	19 + 13 + 1	12
Активизация совести	28	11
Прямая апелляция к совести	18	7
Выражения вида <i>имей совесть</i>	17	6
Действие <i>без совести</i>	4	2
Всего	265	100

Особым случаем являются рассуждения о том, что такое *совесть*, и попытки дать ее определение. Иногда автор явно отказывается давать определение: *Объяснить это почти невозможно, ибо совесть – понятие туманное, вроде словечка «рябь». Попробуйте объяснить словечко «рябь» – ничего не выйдет, начнете дрыгать в воздухе пальцами* (Ю. Трифонов, 1971). В иных случаях герои признаются, что понятие «*совесть*» потеряло для них всякий смысл: *Сам того не*

ведая, попал Василий Кружилин в самое больное место Полипова. Тот никогда не знал и никогда не понимал, что это такое, человеческая совесть, но, когда ему о ней говорили, он зеленел, весь начинался злостью, а под старость стал взрываться прямо порохом, как и сейчас произошло (А. Иванов, 1976); – Почки знаю, печень знаю, желудок тоже знаю, а вот совесть? Нет, не знаю. (В. Миронов, 2001); Известно же, что совесть и душу наука не нашла, а русский народ не смог доказать их существование опытным путем (А. Терехов, 2009); Но и эти слова тоже, по совести говоря, ничего для Артема не значили, и смысл их он взвесить не мог: ну, душа, ну, ад – положил одно слово на одну ладонь, второе на другую – веса никакого нет в них, ладони – пусты и мерзнут. Картошка с треской весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада (З. Прилепин, 2014). В уста отрицательных героев вкладывается понимание совести как пустого понятия или химеры: В заключение Зуппе процитировал фюрера: – «Я освобождаю человека от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека» (В. Кожевников, 1965); Спиридон утверждал, что совесть – это пустое понятие, придуманное для обозначения внутренних переживаний человека, делающего не то, что ему делать надлежит (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1968). Иногда размышляющий герой приходит к выводу, что совесть тождественна самой человеческой личности, душе: Вот что такое совесть! Совесть — это я сам (Н. Носов, 1950); Или совесть и правда, существующие сами по себе, меж собой сообщаясь и друг друга пополняя, или они не самостоятельны и склоняются перед чем-то более важным? Перед чем? Перед душой? А что душа, хлопочущая о примирении, готова служить и вашим и нашим? Но если и вашим тоже, если она ищет правду и совесть там, где они не ночевали, значит, и правда не правда и совесть не совесть, а только ищущая и страдающая душа (В. Распутин, 1985).

Изредка лексема *совесть* используется для номинации, выступая в качестве ответа на вопрос «как это назвать?»: – Антоныч, как еще это назвать? Совесть,

должно быть (А. Проханов, 1989); – *Но так и речь не о крайних случаях! Просто о том, что это возможно, и ваш хваленый защитный механизм, развоплощение..., назовем его просто совестью, может отказать* (С. Лукьяненко, В. Васильев, 2000).

Особняком стоят немногочисленные случаи, в которых человека метафорически называют совестью организации, группы или территории: *Он принадлежал к тому типу рабочих России, которых называли в старину совестью рабочего класса* (А. Фадеев, 1951); *Я называл ее совестью Центральной Америки* (Л. Володарский, 1988). Согласно словарю, значение лексемы в этом случае – это воплощение лучших нравственных качеств [ТСРЯД, 2003, с. 1250].

Обратная метафора – группа людей называется совестью отдельного человека или группы – встречается крайне редко и имеет авторский, окказиональный характер: *Моя совесть – это семья* (Н. Островский, 1936); *Комсомол был – наше знамя! наша совесть! романтика, бескорыстие наше – вот был комсомол!* (А. Солженицын, 1968). Только в одном примере один человек называется совестью другого: – *Слишком уж вы беспардонно поддакиваете мне, господин Воронин-второй, совесть моя желтая, резиновая, польвованный ты презерватив...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1972).

Случаи вышеописанных вариантов употребления лексемы *совесть* в корпусе иллюстративного материала представлены в таблице 4.

Таблица 4. Семантические варианты лексемы *совесть* в иллюстративном корпусе текстов

Вариант использования лексемы	Количество	%
Актуализация дефиниционного или имплицитивного признака	821	51
В составе фразеологизмов	386	24
В составе фразеологизмов, отправляющих к коллективной нравственности	265	17

Актуализация родового признака при перечислении	62	4
Определение совести	33	2
Воплощение лучших нравственных качеств	29	2
Авторская метафора	3	< 1
Совесть как номинация	2	< 1
Всего	1601	100

Таким образом, чаще всего лексема *совесть* употребляется в значении, отправляющем к семантическому прототипу, с актуализацией дефиниционных признаков (чуть больше половины случаев). Реже она используется в составе фразеологизмов, в которых обретает иное значение, отсылая в т.ч. к соблюдению неписаных норм поведения.

Заметим, что лексема *совесть* оказывается безусловным лидером среди однокоренных лексем по частотности (1601 случаев): следующая за ней лексема *добросовестно* встречается в корпусе только 173 раза. Всего же другие лексем с корнем *совест-* встречаются в текстах 736 раз, однако к семантическому эталону отправляют только некоторые случаи употребления лексем *совестливый* (всего 18). Встречаются и указания на совесть как на этическое чувство, связанное с общественной моралью (главным образом в случае употребления лексем *бессовестный*). Большинство прочих случаев приходится на употребление лексем *добросовестно* и ее производных (329 случаев), а также *совестно* со специфической предикативной семантикой, о которой уже говорилось выше (169 случаев). Антоним совести – лексема *бессовестность* – встречается в корпусе лишь 6 раз.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы. При использовании лексем «совесть» в текстах корпуса иллюстративных материалов представлены примеры актуализации всех семантических признаков эталона, причем в подавляющем большинстве – в чистом виде. Безусловным лидером является

эмоциональный (42%), за ним идет рефлексивный (25%), волевой (17%) и личностно-нормативный (13%). Редки случаи, в которых происходит актуализация лишь родового признака – при перечислении совести в ряду других понятий. В большей их части общий гипероним отсутствует. При этом бóльшая часть контекстуальных синонимов относятся к этической, а также к эмоциональной и когнитивной сферам; прежде всего это *честь*. Отмечено лишь два случая использования лексемы с контекстуальными антонимами.

Лексема довольно часто встречается в составе фразеологизмов; наиболее частотны из них *по совести, на совести* и *на совесть*. Отдельные группы организуются вокруг фразеологизмов со значением совести как коллективной нравственности наличия/отсутствия совести, ее утраты и обретения, а также активизации – однако по сравнению с выделенными выше фразеологизмами они менее частотны.

Итак, чаще всего лексема *совесть* употребляется в своем словарном значении, с актуализацией дефиниционных признаков (51%). Реже она используется в составе фразеологизмов с иным значением (41%), в т.ч. отсылает к соблюдению неписаных норм поведения (17%). Таким образом, языковой образ совести по данным русского корпуса иллюстративных материалов противоречив: с одной стороны, это современное научное понимание, характеризующееся индивидуальным характером личных норм поведения, с другой – это архаичное понятие совести как морального чувства, связанного с неписаными правилами поведения, несоблюдение которых человеком ведет к отрицанию наличия у него совести. Апелляция к совести больше подходит к этому второму пониманию, в то время как активизация совести не противоречит обоим.

Оба понимания включают в себя общие признаки – волевой, эмоциональный и рефлексивный. Личностно-нормативный признак является главным отличием от архаичного понятия совести, в котором его место занимает признак, который можно назвать коллективно-нормативным: он указывает на осознание неписаных норм поведения, связанных с окружающими (что тождественно наличию совести

или эталонному ее состоянию). В семантической модели такой совести можно выделить признак неперманентности, отражающийся в представлениях о возможности ее утраты (переходу в пассивное состояние) и активизации под влиянием извне, при помощи апелляции к ней. Второе понимание совести сохраняет свою актуальность и поныне: это часть современной русской ЯКМ, а не ее прошлое. Вполне возможно, что свой вклад в консервацию этого понимания внесла коллективистская идеология советского периода.

2.3. Образная составляющая

2.3.1. Образная составляющая во фразеологии

Согласно С. Г. Воркачеву, образный компонент концепта составляют различные образные ассоциации, коннотативные и метафорические, которые окружают понятийное ядро концепта. Он опредмечивает в языковом сознании когнитивные метафоры, при помощи которых постигаются абстрактные сущности [Воркачев, 2002, с. 83]. Как отмечает Т. Ю. Тамерьян, к образной составляющей, помимо метафорического, можно отнести прецедентный и символический пласты концепта, однако их дифференциация является наименее разработанным вопросом лингвоконцептологии [Тамерьян, 2011, с. 70]. В данной работе мы ограничимся исследованием метафорического слоя образной составляющей.

Анализ когнитивных метафор совести в русском фразеологическом и паремиологическом фондах, а также в корпусе иллюстративных материалов, проведенный согласно семиотической классификации по вспомогательному субъекту сравнения (см. [Москвин, 1996, с. 105–106]), позволяет выявить наличие различных типов семантического переноса. Совесть является абстрактным существительным, а, согласно В. А. Успенскому, «образная» картина мира, в которой абстрактные существительные представлены своими вещными коннотациями, еще более специфична для каждого языка, чем наивная картина [Успенский, 1979, с. 148].

Исследование образной составляющей концепта «совесть» уместно начинать с рассмотрения фразеологических единиц. Как отмечает В. Н. Телия, «система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, 1996, с. 215]. Кроме того, национально-культурную специфику фразеологизмов обуславливает стереотипность, символичность или эталонность образного основания фразеологизмов [Там же, с. 250].

Образная составляющая концепта «совесть» представлена во фразеологии при помощи зачастую противоречащих друг другу образов.

Не вызывает удивления, что совесть, как и прочие феномены психической жизни человека, в языке реифицируется и выступает атрибутом человека: она представляется его собственностью точно так же, как и воля, разум и многое другое – и в том числе чувства и убеждения. Совесть может присутствовать или отсутствовать (*человек с совестью, без совести, совести нету кого-л., без стыда, без совести, ни стыда, ни совести в ком-л., у кого-л., не имеет кто-л.*) – ее наличие, в частности, можно понять по глазам (*совести нет в глазах у кого-л.*). Ее можно потерять (*потерять (последние) остатки совести, (всякую) совесть*), но не обрести, откуда можно сделать вывод, что она дана человеку с рождения.

В другой группе ФЕ используется пространственная метафора. Поступки человека лежат на его совести: *на совести у кого или на чьей (лежит, имеется и т.п.)*, можно *брать (взять) на совесть что-л.*, и можно *оставить* чужие поступки на совести этого человека: *оставлять что-л. на чью-л. совесть, на чьей-л. совести*. Нехватка совести выступает ограничителем предосудительных поступков: *совести хватает, хватило у кого-л.* – иными словами, большая, обширная совесть разрешает своему обладателю многое. Заметим, что устойчивое выражение *свобода совести*, имеющее значение «право человека самому формировать свои убеждения», не противоречит этому образу. При этом совесть

эластична и податлива: человек может изменять ее границы таким образом, чтобы позволять себе некоторые действия. А в ФЕ *кривить совестью* совесть предстает как нечто, что можно искривить. Таким образом, совесть осмысливается как своего рода поверхность. Она может быть *чистой* или *нечистой* (но при этом не **грязной*, как верно замечено в [Карасик, Китанина, 2019]), и человек может самостоятельно ее очистить (*очистить (свою) совесть, для очистки совести*).

С другой стороны, совесть осмысливается как некая норма, как идеальный образ действия. Человек действует (прежде всего говорит), сообразуясь с нею: *говорить/признаваться по (чистой) совести*. Совесть как мотивация противопоставляется страху: *не за страх, а за совесть*. Делать что-либо *на совесть* – делать хорошо, старательно. Человек, знающий норму, воздерживается от ненужного действия, знает меру: *пора и совесть знать, (надо, пора) знать совесть*. Но человек вполне способен и поступать иначе (*идти против совести*) – норма сама по себе не может остановить его. Нужно отметить, что далеко не во всех подобных случаях можно говорить об использовании метафоры собственно совести – переносное значение могут получать и другие лексемы фразеологического оборота (см. [Падучева, 2004, с. 202]).

Когда совесть выступает как самостоятельная сущность, очевидно использование биоморфной метафоры в ее зооморфной и антропоморфной ипостасях. Антропоморфная совесть уподобляется человеку: она наблюдает за его поступками (*совесть зазрила, без зазрения совести*), она может говорить (*голос совести, совесть заговорила*) – однако, по меткому наблюдению Н. Д. Арутюновой, не шептать [Арутюнова, 2000, с. 75]. Совесть может причинять и страдания человеку – как в антропоморфном, так и в зооморфном виде (*угрызения, укоры совести, совесть мучит, терзает и т.п. кого-л.*). Это дало основание Н. Д. Арутюновой описывать представление о совести как о «когтистом и острозубом существе, находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека», а также говорить об образе совести как «докучного собеседника», как «врага, преследователя и мучителя человека» [Арутюнова,

1999, с. 387]. Совесть не терзает человека, когда она *спокойна*. Человек может примириться с антропоморфной совестью (*помириться (примириться и т.д.) с (своей) совестью*), заключить с ней сделку (*сделка с совестью*). В ФЕ *верьте/верите совести* акцентируется представление о совести как о «внутреннем человеке», всегда говорящем правду.

Таким образом, можно констатировать противоречивость образных представлений о совести, содержащихся в русском фразеологическом фонде. Совесть принадлежит человеку, но в то же время самостоятельна. Она может говорить, она может причинять страдания человеку, как некий зверек-грызун, но с ней можно договориться, и тогда она будет молчать. Ее можно даже потерять. При этом весьма распространен образ совести как эластичной поверхности, поддающейся манипуляциям по расширению (чем «шире» совесть, тем она спокойнее), которую можно загрязнить или очистить.

2.3.2. Образная составляющая в паремиологии

В русском паремиологическом фонде, как и во фразеологическом фонде, также представлены разнообразные типы метафор. Наиболее ярко представленной оказывается биоморфная метафора: совесть предстает как живое существо (всего 22 паремии). В общем виде такие паремии говорят о спокойной или беспокойной совести (3 паремии): *Счастлив тот, у кого совесть спокойна; Когда совесть спокойна, тогда и человек счастлив; Совесть спать не дает.*

В случае употребления отчетливо антропоморфных метафор (14 паремий) совесть разнообразна: с ней можно дружить или враждовать; встреча с ней неизбежна; ее голос беспокоит, но можно заставить ее замолчать; ее невозможно обхитрить, но можно погубить, и пр.: *Совесть – как сосед: чем с ней дружнее, тем лучше; У него совесть в рукавчиках ходит; Мой враг – моя совесть; Злая совесть стоит палача; Совесть с молоточком: и постукивает и наслушивает;*

Совесть – лучший контролер; С совестью не разминуться; От человека утаишь, от совести не утаишь; Как не мудри, а совести не перемудришь; Добрая совесть не боится клевет; Добрая совесть любит обличение; Богатый совести не купит, а свою погубляет; Робка совесть, поколе не заглушишь ее; Соблазн велик – и совесть молчит.

В паремиях, демонстрирующих зооморфные метафоры, совесть грызет и мучает человека, хотя смертна и сама (5 паремий): *Совесть не волк, а загрызет; Совесть без зубов, а загрызет; Совесть не волк, а ест поедом; Совесть придумали злые люди, чтобы она мучала добрых; У него совесть еще в прошлом году в бутылке задохлась.*

Следующей по частоте является пространственная метафора – совесть как поверхность (13 паремий). Главным признаком такой совести является ее (не)чистота или белизна (12 паремий из 13): *Совесть у меня чистая – я ей не пользуюсь; У кого совесть чиста, тому ничего не страшно; Лучшие камень на шее носить, чем с нечистой совестью жить; Чем чище нынешняя совесть, тем краше будущая повесть; Было бы здоровье да совесть чиста; Не оттого бывает спокоен сон, что постель мягка, а оттого, что совесть чиста; Чистая совесть – самая лучшая подушка; Коль совесть чиста, спи спокойно до утра; У кого совесть не чиста, тому и тень кочерги – виселица; Платье черненько, да совесть беленька; Хоть мошна пуста, да совесть чиста; Глаза не на месте – совесть не чиста.* Один раз встречается указание на прямую совесть: *Рожка кривая, да совесть прямая.* Заметим, что в русском языке употребление определения *прямой* в переносном смысле в общем случае указывает на то, что объект соответствует своей канонической форме, а значит, устроен правильно [Спиридонова, 2004, с. 239]: *прямая* совесть – это норма, а *кривая* (ср. ФЕ *кривить совестью*) – отклонение от нее.

В случаях реификации совести (8 паремий) она часто предстает мелким предметом, который можно спрятать (*Стыд под каблук, а совесть под подошву; Стыд под каблук, а совесть под подушку; У него совесть в голике (в кулаке, под*

порогом и пр.); ее можно потерять или вообще ею не обладать (Когда совесть раздавали, его дома не было; У него совесть на кнуте просвистана; Деньги потеряешь – можно нажать, а совесть потеряешь – беду узнаешь); ненормальна загрубевшая (Заскоружлой совести не проймешь), а также «глиняная» совесть, т.е., видимо, рыхлая или непрочная: Бородка Минина, а совесть глиняна.

Также встречаются сравнения совести с органом тела (*Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло; Хорошая совесть – глаз Божий*), товаром (*У него ни на полушку совести нет; Совесть потеряешь – другой не купишь*), хранилищем (*У него совесть дырявое решето; У него совесть мешок: что хошь положи*).

Единичны сравнения совести с болезнью (*Напала совесть и на свинью, как отведала полена*), средством передвижения (*У тебя совесть, что розвальни: садись и катись*), могилой (*Чужая совесть – могила*).

2.3.3. Образная составляющая в корпусе примеров

В корпусе иллюстративных материалов представлена большая часть ФЕ и соответствующих метафор совести.

Образная, а не когнитивная метафора (о функциональной классификации метафор см. [Арутюнова, 1999, с. 366]) представлена случаями переноса смысла слова *совесть* на человека и организацию, которые могут называться совестью как группы лиц, так и организации, страны, территории или времени: *Словом, киевлянка была общепризнанной совестью двора* (А. Волков, 1969); *На Руси писатели всегда считались совестью народа – Пушкин, Толстой, Достоевский, Чехов...* (А. Рыбаков, 1988); *Я называл ее совестью Центральной Америки* (Л. Володарский, 1988); *Шестипалый сразу понял, что перед ним — один из Двадцати Ближайших, самая что ни на есть совесть эпохи* (В. Пелевин, 1990).

Можно отметить, что синтаксически исходная «ядерная» модель N P N встречается только два раза: *Моя совесть – это семья* (Н. Островский, 1936); *У других коротышек совесть как совесть, а у меня какая-то змея подколотная!* (Н. Носов, 1958). Один раз встречается и сравнительная модель: *По-моему, совесть – это что-то вроде человека внутри человека* (Н. Носов, 1950). Наиболее частотна генитивная модель: *платье совести, весы совести, работа совести, калека совести, химера совести, узник совести, укол совести* и пр.

К пространственной метафоре можно отнести представление о совести как о поверхности. На этой поверхности находятся (лежат или висят) разнообразные предосудительные поступки и грехи, иногда в свою очередь описываемые метафорически, глагол при этом часто опускается: *И притом, почти наверняка, на его совести – человеческие жизни* (С. Лукьяненко, В. Васильев, 2000). У человека есть возможность принять или взять эти поступки на эту поверхность: *Только этого мне не хватало — взять на свою совесть еще и дела гестапо!* (В. Ардаматский, 1963), *Так почему же он готов принять на свою совесть те многие жизни и не хочет одну – эту?* (В. Звягинцев, 2004). Также можно отметить редкое употребление ФЕ *принимать/брать на совесть* в значении «поверить», отсутствующее во фразеологических словарях: *Я-то взял на совесть, над кроватью для памяти повесил, вижу – борода седая на патрете и собою подходящий человек, навроде из купцов, а сотник, стал быть, доглядел и спрашивает: «Откель взял этот патрет, такой-сякой?»* (М. Шолохов, 1940).

На такую совесть можно наступить: *Датчане сохранили и такое, ибо честь и совесть короля общи с пастушескими по своей беззащитности: кто хочет, тот и наступит* (В. Иванов, 1967), с нее можно и сойти: *Не с ума вы сошли. Вы с совести соскочили* (А. Вайнер, Г. Вайнер, 1988).

Находящиеся на этой поверхности поступки своим весом отягощают ее и иногда напрямую сравниваются с камнем: *Жить с таким камнем на совести мы все равно не сможем* (Н. Перумов, 1993); *Но теперь что-то болезненное, огромное, тяжелое упало – и лежит посреди совести: не сдвинуть* (З. Прилепин,

2019). Человек имеет возможность снять этот груз, облегчив совесть, освободив ее от тяжести: – *Суждено быть, так будет, – утешал себя Ипатий, освобождая совесть от необходимости действия* (В. Иванов, 1961); *Олег надеялся, что такого не окажется, как всего, что нужно, и совесть его, и плечи его будут разом освобождены от тяжести* (А. Солженицын, 1967).

Помимо веса находящихся на ней предметов, другой характеристикой этой поверхности является ее размер: *И если бы у него, у двоечника, была совесть нормальных размеров, он вполне бы мог сделать следующее почти официальное заявление: — Во-первых, никого ко мне впредь не прикрепляйте* (Л. Давыдычев, 1979). Эти размеры не статичны, а поддаются изменению: *И поэтому, когда за работу принимается разум, холодный, спокойный разум, он начинает искать средства достижения идеалов, и оказывается, что средства эти не лезут в рамки идеалов, и рамки нужно расширить, а совесть слегка подрастянуть, подправить, приспособить...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969).

Еще одна характеристика этой совести – это ее чистота: *Он хорошо знал теперь, что он сделает, и совесть его была чиста* (В. Осеева, 1951); *Что ты за фигура такая, чтоб из-за тебя руки и совесть пачкать?* (В. Звягинцев, 1997); *Вот тогда-то и произошел у нас разговор о совести и пятнах на ней* (Г. Брянцев, 1960); *По-моему, так поступают или неудачники, или те, у кого нечиста совесть* (В. Пелевин, 2004); – *А совесть мы потом отмоем* (В. Железников, 2006).

Нечистая совесть может также называться черной или темной: *В эту ночь Чугай и председатель ревкома пробрались в артиллерийский парк, где на охране остались только свои люди, разбудили Мартыненко, и Чугай сказал ему так: – Пришли по твою черную совесть, товарищ, хуже, как ты поступаешь, – некуда...* (А. Толстой, 1941); *Мама шьет, наклонив голову, и тихо поет: Как дело измены, как совесть тирана, Осенняя ночка темна* (А. Рыбаков, 1948).

Иным типом метафоры, представленным в текстах, является реиморфная («вещная») метафора: совесть уподобляется предмету. «Предметная» совесть может характеризоваться твердостью: *Добудиться их оказалось не так-то легко,*

потому что люди с крепкой совестью спят крепко даже на тюремной койке (А. Волков, 1963); Али сильно большие дела творят, про маленькие забыли, а при больших-то делах совесть, однако что, жалезная, ничем ее не укусить (В. Распутин, 1976); Потому что совесть у меня дубленая... (А. Лазарчук, 1997). При этом *мягкая совесть в корпусе не встречается. Такая совесть имеет и вес: Картошка с треской весит больше, чем совесть, а клопы наглядней ада (З. Прилепин, 2014).

В корпусе примеров присутствует и «газожидкостная» метафора – совесть уподобляется некоей текучей и несчетной субстанции: Я вас спрашиваю, хоть капля совести у вас осталась? (К. Симонов, 1970); Чувствую, что мое дело, мой ум, моя совесть сливаются с делом, знанием, совестью многих людей, с целым народом (А. Проханов, 1989). Совесть может быть мало, к ее количеству применимы операции сравнения: – У хорька больше совести, чем у него, — промолвил кто-то (А. Новиков-Прибой, 1932); Презрительно говорил о них: – У хозяина совести да разума мало, а корысти и глупости – этого довольно (А. Рыбаков, 1955); – У него совести, сколь у меня денег, — вставил Антип (А. Иванов, 1963).

Биоморфная метаформа представлена значительным числом употреблений. Иногда она присутствует в общем виде, иногда конкретизируется до своей зооморфной или антропоморфной разновидности.

Прежде всего биоморфная совесть может быть живой или мертвой: Совесть-то у писателя была жива... (А. Бек, 1964); Очевидно, совесть у него еще не умерла, его мучило то, что он делал: участвовал в допросах с применением пыток, сопровождал грузы кокаина, наблюдал за его изготовлением (Л. Володарский, 1988). Во многих случаях биоморфная совесть спит или просыпается: Боярчик подумал; осознал человек свое недостойное поведение, совесть в нем пробудилась, и он оставил его клуб в покое (В. Астафьев, 1992); Нечестного он не сделал ничего, и совесть его спокойно дремала, как дымчатый кот в ненастный день (А. Толстой, 1941). Аналогично по смыслу описание

молчащей (*Каждый встает на ту сторону, которая заставит молчать его совесть – если, конечно, у него есть выбор и есть совесть.* – Н. Перумов, 1993), спокойной или беспокойной совести: *Теперь же совесть его могла оставаться совершенно спокойной: он здесь ни при чем, такова воля Гаврика, которому он обязан беспрекословно подчиняться* (В. Катаев, 1936); *Не успел Незнайка это сказать, как совесть успокоилась, и он моментально уснул* (Н. Носов, 1958); *В последующие годы для успокоения совести Захар несколько раз писал в Курск* (А. Иванов, 1963).

Биоморфная совесть может двигаться и издавать звуки: *Или совесть, черт возьми, у вас зашевелилась...* (А. Толстой, 1937); *Но так как, конечно, ничего замечательного в том, чтобы лезть за деньгами в чужой ящик, не было, то остатки совести, которые слабо барахтались где-то в моем сердце, подняли тихий шум и вой* (А. Гайдар, 1939); – *Вернее, кажется мне иногда – жжет тебя внутри какой-то огонь, остатки совести, что ли, человеческой в тебе шевелятся, и ты заливаешь, глушишь эти остатки водкой* (А. Иванов, 1976); *Набедокурила, а теперь совесть в тебе кувыркается* (А. Казанцев, 1988).

Биоморфная совесть в человеке мучается и терзается: *В конце концов, один день не играет роли, а завтра он будет спокойнее и сумеет лучше выразить все, что сейчас терзает его совесть* (Г. Брянцев, 1955), и эти муки в свою очередь терзают самого человека: *Нет больше глухоты, нет больше мучений от голода, холода, боли, мук совести* (В. Миронов, 2001); – *Хочешь знать, терзают ли меня ночами муки совести?* (О. Славникова, 2006).

Биоморфная совесть неотвратимо преследует человека (*По исконным собственным русским воззрениям на внутренний мир человека и на обязанности другим людям, Святополк бежал от собственной совести. Да разве от нее убежишь!* – В. Иванов, 1967) и даже убивает: *Затем уложил его на Шурика, удобно уселся на кучу и долго и нудно объяснял, чем им грозит борьба со мной и понимают ли они, что двум молодым на одного старика нападать нечестно, и*

убивает ли их совесть (В. Чивилихин, 1969). Впрочем, глагол «убивать» имеет здесь переносный смысл.

Антропоморфная совесть как «внутренний человек» независима: – *Интересно, как вела бы себя твоя совесть, если бы экспертом на «Анарде» был кто-либо другой?* (С. Павлов, 1983), с ней можно остаться наедине: *Не знаю, сколько времени я провел наедине с совестью, – в какой-то момент мое внимание привлек монотонный голос Тимура Тимуровича* (В. Пелевин, 1996). Она говорит внутри самого человека: *Постараюсь выбить из них детский эгоизм и слюнтяйство, добиться, чтоб в них заговорила человеческая и рабочая совесть* (В. Чивилихин, 1969); *Захаров понял, что ответ не откровенен, и спросил: – Значит, не рассчитывал, что совесть в нем заговорит?* (К. Симонов, 1970), при этом может и бредить: – *Кацман сказал, что Красное Здание – это бред взбудораженной совести* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1972)

Антропоморфная совесть говорит и с самим человеком: *Я слушал вас, господа, я беседовал с моей совестью...* (А. Толстой, 1934); *А ты тогда уж сам с собой, со своей совестью говори и оценивай, что к чему* (Г. Гончаренко, 1970). Она подсказывает ему: *Неумолкающий правдивый голос совести подсказывал ему, что где-то в чем-то он поступил неправильно* (А. Фадеев, 1951); *Поступайте, как подскажет вам совесть, сэр, но не путайте служебных дел с семейными и помните о Библии* (А. Казанцев, 1984), она упрекает и укоряет его: *Доведем поиски до конца, чтобы совесть не упрекала нас* (В. Обручев, 1924); *Не выдержав укоров совести, они отпускали узников на свободу, после чего их начинали терзать сомнения, правильно ли они поступили, нарушив закон* (Н. Носов, 1958).

Также антропоморфная совесть является судьей: *Ни на кого не хочу оглядываться, совесть мне высший судья* (А. Рыбаков, 1950); *Моим судьей была моя совесть — и она вынесла мне справедливый приговор* (Е. Коршунов, 1971). Перед такой совестью как высшей инстанцией человек держит ответ: *И ответ тебе придется держать не только перед собственной совестью, но и перед всем*

народом, перед партией (Л. Кассиль, М. Поляновский, 1949); – Она еще не знала или не хотела говорить, что не миновать ей этой пожизненной каторги под спросом совести и теперь... (В. Распутин, 2003); он оправдывается: Чем тогда они смогут оправдаться перед собственной совестью? (Н. Перумов, 1993), он исповедуется: Так в свой предсмертный час исповедовались друг перед другом и перед своей совестью Андрей Валько и Матвей Шульга (А. Фадеев, 1951) и несет обязательства: Уж их-то, последних, непременно уберечь он был должен, обязан был перед совестью своей мужской и командирской (Б. Васильев, 1969).

Совесть учит человека: Простимся со всем, что нам было дорого, с нашими привычными понятиями, с тем, как мы мечтали жить и чему нас учила совесть, простимся с надеждами, простимся друг с другом (Б. Пастернак, 1955); дает ему советы: Кто давал совет: страх или совесть? (В. Иванов, 1956), наделяет его полномочиями: Проходим, у которого нет никаких полномочий, кроме данных ему собственной совестью... (В. Пелевин, 2011).

Антропоморфная совесть, как и сам человек, может возмущаться чем-либо: От вопросов, которые могли возмутить его, коммуниста, разум и совесть, он уходил, ускользал простейшим способом: не мое дело, меня это не касается, не мне судить (А. Бек, 1964); Ваша совесть возмущена существующим порядком вещей, и ваш разум послушно и поспешно ищет пути изменить этот порядок (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969), она не может примириться с происходящим вокруг: Но совесть возрожденца не могла примириться, чтобы светлоумных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам (А. Солженицын, 1968).

Согласно Ю. Д. Апресяну, совесть в русской языковой картине мира мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний или побуждений [Апресян, 1990, с. 40–41]. Однако здесь скорее можно согласиться с Е. В. Урысон («совесть является тормозом человеческой деятельности в той же степени, в какой она является и ее стимулятором» [Урысон, 2000, с. 188]): в корпусе иллюстративных материалов встречаются примеры,

демонстрирующие двоякую роль совести в вопросе побуждения человека к действию. С одной стороны, совесть подвигает человека на действия – требует, заставляет, повелевает: *А все-таки пошел, потому что тебя твоя совесть рабочая заставила* (Н. Островский, 1934); *Ваша совесть подвигает вас на изменение существующего порядка, то есть на изменение стремлений миллионных человеческих масс по образу и подобию ваших стремлений* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969); *Если мы потерпим неудачу, вы не думайте обо мне и поступайте как велит ваша совесть* (Н. Перумов, 1993); *Тут кота Матроскина совесть подтолкнула* (Э. Успенский, 2011). С другой стороны, совесть удерживает человека от совершения некоторых поступков, удерживая и связывая его: *Мальчик хотел сказать «а как же», но, как видно, гвардейская совесть удержала его* (В. Катаев, 1944); *Предпочитал он событиям смысл, и судьба людей казалась ему важнее судеб империй: люди связаны совестью, империи – насилем* (В. Иванов, 1967); *Но зачем ему узы брака, когда можно наслаждаться его радостями без всяких уз, налагаемых церковью и совестью?* (А. Казанцев, 1986).

Совесть всячески беспокоит, донимает человека: *Короче говоря, его начала донимать совесть* (Н. Носов, 1958); *И сейчас барон, как и всякий хороший военачальник, не умеющий лгать себе, понимал, что жена сказала ему истинную правду: он гнусный предатель, и совесть теперь не оставит его в покое* (Н. Перумов, 1995). Она наносит ему удары: *Испытал человек смертельный удар совести и лишил себя жизни* (К. Симонов, 1970), она может и засмеять: *Ведь вас же и совесть и все окружающие засмеют, когда вы будете ходить в лучшем костюме, чем ваш старший товарищ, да вам, наконец, и самим будет стыдно* (Вс. Иванов, 1932).

Однако совесть не всесильна – с ней можно бороться: *В душе мальчика снова началась жестокая борьба с совестью, и борьба эта продолжалась всю дорогу, вплоть до самого участка* (В. Катаев, 1936) и побеждать: *Так что, когда в страшной борьбе с совестью победа осталась все-таки на стороне Пети, а*

совесть была окончательно раздавлена, оказалось, что мальчики зашли уже довольно далеко (В. Катаев, 1936); Со своей совестью Мейседон уж как-нибудь бы справился, жизнь, а особенно служба в Пентагоне хорошо закалили его в этом отношении (Ю. Тупицын, 1986); Шооран видел, что его вмешательство лишь усиливает потоки крови, но понимал, что эта кровь неизбежна, и, зажав в кулак жалость, совесть, все остальные не успевшие истлеть чувства, продолжал строить (С. Логинов, 1994).

Впрочем, взаимодействие человека и совести не сводится к отношениям насилия. Человек может ладить со своей совестью, играть с ней, торговаться и вступать с ней в сделки: Петя остановился, немного поторговался со своей совестью и решительно прибавил: «Он извергался!..» (В. Катаев, 1936); Как могло случиться, что он с такой легкостью, так бездумно, без сопротивления вошел в сделку со своей совестью? (Г. Брянцев, 1955); Таким образом, он нашел очень хороший способ ладить со своей совестью (Н. Носов, 1958); Заработать деньги можно и честно, но вот заработать много денег – тут никогда не обходится без маленькой игры с собственной совестью (С. Лукьяненко, В. Васильев, 2000). Человек может следовать своей совести: Спрашивал не потому, чтобы игумен мог ответить правителю города, но следуя своей совести (В. Иванов, 1967).

Совести теоретически можно изменить или обмануть ее: Своему долгу, своей совести я не изменил (А. Бек, 1945); А совесть все равно не обманешь, поэтому про нее можно не думать (В. Пелевин, 2004). Голос совести можно заглушить или перекрыть: Именно эти утешительные слова нашептывал ему некий внутренний голос, и ему, этому вкрадчивому голосу, почти что удалось заглушить беспокойные протесты чувствующей неладное совести (Н. Перумов, 1995); И кто-то другой во мне, себялюбивый, боящийся, способный перекрыть строгую совесть, – не знал толком, радоваться или страшиться: вдруг злая судьба мне отольет всё то, что мимо них пронесла? (М. Семенова, 1995); Не придется зато совесть глушить, – сказал Артем, чувствуя, как через усталость подступает зуд: все рассказать (Д. Глуховский, 2015). Совесть может помочь

человеку, как бы перейдя на его сторону, из судьи став адвокатом: *Позже изворотливая совесть находила оправдание его гнусным поступкам, и он успокаивался* (Г. Брянцев, 1955).

С другой стороны, совесть также можно беречь, щадить и спасать: *С другой стороны – в пояс обнаженное женское тело, над красивым лицом вместо волос извиваются змеи и надпись: «Ум, совесть и сердце оберегая от зла, побеждает змея змеями же и молнию – молнией»* (В. Иванов, 1967); *Степан слегка все-таки щадил свою совесть* (В. Шукшин, 1971); *Эта возможность возвращала мне достоинство, и только таким образом, делая что-то для других, я мог спасти свою совесть, свою личность* (Л. Улицкая, 2006).

К чужой антропоморфной совести можно обращаться, как к человеку: *Он обращался к сознательности и совести солдат* (А. Гайдар, 1930); – *Вы искусственно выключили всяческую общественность, вам не к кому, оказалось, апеллировать, кроме как к их совести, а это вещь шаткая* (Вс. Иванов, 1932); *В один из наиболее горьких для нас дней, будто сумасшедший, он стал звонить своим бывшим коллегам, взывая то к их совести, то к благоразумию* (Е. Водолазкин, 2005). Ее можно смутить (– *Привратник выпустил бы вас через главный вход, но зачем смущать совесть доброго старика?* – А. Волков, 1963), на нее можно надеяться и полагаться, ей можно доверять: *Я слышал, что она выразила надежду на совесть самого преступника* (А. Грин, 1928); *Я на его совесть полагалась...* (М. Шолохов, 1940); – *Но я доверяю его совести* (К. Симонов, 1970).

В случае использования зооморфной метафоры совесть, как зверь, колет, грызет, глодает, пожирает человека: *Фронтовики где-то позади – совесть точит* (М. Шолохов, 1940); *Смолкина никогда не мучили угрызания совести, ничто не смущало его жизнерадостной беззаботности* (А. Рыбаков, 1950); *Меня совесть совсем загрызла, честное слово!* (Н. Носов, 1958); *С тех пор меня гложет совесть: может быть, если бы мы были вместе...* (Е. Гуляковский, 1994); *Тогда ветер смыкал и размыкал ее ветви, и дерево становилось похоже на руку,*

воздетую из-под земли и шарившую... шарившую... и человеческим стоном надрывалась душа, заключенная в корявом стволе... люди в избах, снедаемые страхом и совестью, теряли покой (М. Семенова, 1995); Я почувствовал укол совести – моими обязанностями было запустить программу консервации корабля, а не оставлять это командиру (С. Лукьяненко, 1997).

Совесть может выступать как человеческий орган, чаще всего больной: *Все время, пока Ларьки с товарищами не было, болела совесть: зря послал в Москву* (В. Шукшин, 1971); *Эта дума излилась на хворую совесть, как ласковое топленое сало, и совесть притихла* (М. Семенова, 1995); *Отрезать от совести кровоточащий кусок и спрятать подальше...* (М. Семенова, 1996); – *А если все ж таки терзает вас воспаленная совесть, мой милый гардемарин, то можете совершенно безупречное оправдание к себе применить* (В. Звягинцев, 1999); *То было слезливое утреннее раскаяние пьянчуги, пропившего деньги на хлебушек детям, – колики вялой совести, тающие с похмельным стаканом* (М. Елизаров, 2007). Как мышца, совесть может напрягаться: *Она потребует такого напряжения совести, что вы много раз пожалеете о своем согласии* (А. Лазарчук, 1997), ее можно тренировать и упражнять: *Вероятно, надо еще побродить, посмотреть. Потренировать совесть...* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1969); *Вместо того, чтобы уйти в подполье (где, как я полагаю, томится большинство его коллег по Резерву), он содержит целый штат сомелье и юристов, которые мониторят информационную среду и дают вежливую, но резкую отповедь каждому, кто начинает упражнять свое остроумие или гражданскую совесть по поводу его суров* (В. Пелевин, 2011).

Встречаются случаи осмысления совести как болезни: *Лин увидел его издали, и, как всегда, ему стало невыносимо больно при виде этого смелого, веселого когда-то человека, так страшно сломленного собственной совестью* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1962); *К слову сказать, приступ пресловутой либеральной совести может случиться в ближайшее время* (Л. Володарский,

1988); Иногда спазм совести все же охватывал кого-либо из нас, и мы говорили ей вслед: «Мам!» (Т. Толстая, 2015).

Иногда совесть может осмысляться и как предмет купли-продажи: *Напрасно Велизарий покупал совесть Стефана* (В. Иванов, 1961); *Не для того мы людей убивали и нас убивали, чтобы после совесть свою продавать* (А. Проханов, 1989). Поэтому нельзя согласиться с мнением В. В. Колесова, согласно которому для русской ментальности «честью можно торговать, а совестью нет» [Колесов, 1999, с. 231].

Еще реже встречается «термическая» метафора – совесть, как пламя, горит и обжигает: *Если б я верил в совесть, я бы сказал, что она у вас запылала* (Вс. Иванов, 1932); *Но главное все-таки в том, что в тебе совесть жжется, а вот теперь, может, и у других совесть... вскинется* (В. Мелентьев, 1982); – *То человек двадцать лет себя насиловал, совесть и страх попеременно его изнутри выжигали, а теперь наконец сам собой становится* (В. Звягинцев, 1999).

Наконец, единичны сравнения совести с грузом (*Здесь это не считается предательством, и никто не терзается совестью, совесть – лишний, обременительный груз на войне*. – В. Астафьев, 1994), парусом (*Видно, хоть совесть и сплошь в заплатках, а держит еще божий ветер*. – А. Иванов, 2003), нитью (*И сквозь этот частокол невежества и жестокости из поколения в поколение веками протягивались золотые нити чистой любви, совести, благодатного сострадания, помощи и самоотверженных поисков выхода из инферно*. – И. Ефремов, 1958), тканью (*Тут привыкнуть надо, душой зачерстветь, и не такие бойцы, как Евгения, а здоровенные мужики тяжело и мучительно страдали, пока на новый лад перекраивалась их совесть*. – Б. Васильев, 1969), весами (*Конечно, смотрел, конечно, все видел, и горевал, и, взвешивая события на зыбких весах совести, нагружал золотую чашу добра своими благими желаньями, чтобы она перевесила черную чашу действительности*. – В. Иванов, 1967), питьем (*Честности ни у кого ни на грош... совесть у вас давно прокисла... в душах у вас моль завелась... –*

Л. Давыдычев, 1969) и одеждой (*Не только камзол, но и совесть изнасилась?* – А. Казанцев, 1986).

Итак, во всех видах источников присутствует пространственная, реиморфная и биоморфная (зооморфная и антропоморфная, но не ботаническая) метафоры. Специфичны для художественной литературы «газожидкостная» и «термическая» метафоры. Во фразеологии также отсутствует представление о совести как о телесном органе, болезни и предмете купли-продажи.

Случаи употребления различных видов метафор совести в русской фразеологии, паремиологии и художественной литературе можно свести в таблицу 5.

Таблица 5. Употребление различных видов метафор совести в русской фразеологии, паремиологии и художественной литературе

Тип метафоры	Фразеология	Паремиология	Корпус
Пространственная	+	+	+
Реиморфная (твердый предмет)	+	+	+
Газожидкостная (текучая субстанция)	-	-	+
Зооморфная (зверь)	+	+	+
Антропоморфная (человек)	+	+	+
Термическая (огонь)	-	-	+
Телесный орган/мышца	-	+	+
Болезнь	-	+	+
Предмет купли- продажи	-	+	+

Выводы

Русское слово *совесть* обычно возводят к старославянскому *съвьсть*, употребляемого для передачи в переводных памятниках греческих слов *συνείδός* и *συνείδησις*. Предполагается, что старославянское *съвьсть* является простым переводом при помощи калькирования этого последнего. История этого слова отражает переход от конкретно-чувственного переживания к абстрактной нравственной норме. Слово *съвьсть* долго употреблялось для выражения внешней формы знания. Семантическая эволюция трансформировала совместное знание в сознание, осознание: таков был второй этап развития слова. На третьем этапе сознание превращается в самосознание: совесть окончательно становится принадлежностью отдельного человека, приобретает личный характер.

В современных толковых словарях русского языка у лексемы *совесть* чаще всего выделяется лишь одно значение; в некоторых случаях оно распадается на два. Большинство словарей определяет совесть как чувство или сознание моральной ответственности за свое поведение как перед самим собой, так и перед обществом. Иногда к этому определению добавляется определение совести как личных этических принципов в качестве второго значения слова. Отметим, что в некоторых словарях это значение отделено от первого точкой с запятой, что указывает на их семантическую близость: по-видимому, обособление этих определений в качестве различных значений слова достаточно субъективно.

Существительное *совесть* дало начало существительному *совестливость*, *добросовестность*, *бессовестность*, глаголам *совестить* и *совеститься*, прилагательным *совестный*, *совестливый*, *добросовестный*, *бессовестный* и соответствующим наречиям *совестливо*, *добросовестно*, *бессовестно*. Также в русском языке существует возможность образования предиката *совестно* со специфической семантикой.

По данным толковых словарей, из всех однокоренных лексем сохранили свою связь с понятием совести только прилагательные *совестливый*, *совестный* и *бессовестный*, наречие *совестливо* и существительное *бессовестность*.

Лексема *совесть* достаточно слабо представлена в словарях синонимов русского языка. Среди таковых перечислены только *стыд*, *ответственность* и *убежденность*. Антонимом *совести* выступает *бессовестность*.

В словарных определениях лексемы *совесть* представлены личностно-нормативный, а также иногда рефлексивный (при определении совести как сознания) и эмоциональный (при определении совести как чувства) семантический признак. В словарях в явном виде не представлен волевой признак, но иногда присутствует отсылка к обществу, что несколько размывает подчеркнuto личностный характер семантического прототипа совести.

В русской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Но только треть из исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. Оставшиеся фразеологизмы разделены между группой ФЕ, состоящих из этических характеристик (честность, ответственность и др.) и описаний эмоциональных состояний (стыд, спокойствие), и группой ФЕ, дающих интегральную этическую оценку (наличие либо отсутствие совести). Спутниками или синонимами совести во фразеологизмах могут являться душа, честь и стыд, а ее антиподом выступает страх.

В русской паремиологии также представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков, но доля таких паремий составляет меньше половины. Ярче всего в паремиях представлен эмоциональный признак, за ним следует личностно-нормативный. Далее следует рефлексивный (вместе с выводным пантогностическим), волевой же представлен единичными случаями, в том числе «с обратным знаком» – постулируется слабость совести. Таким образом, в паремиях чаще всего отражаются обуславливаемые совестью эмоции или их отсутствие, а также многообразие личных норм поведения, эластичность личной совести. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), а также о возможности отсутствия совести,

возможности ее активизации/деактивизации и удобстве жизни без нее. В паремиях совесть идет рука об руку с душой, честью, стыдом и верой.

В иллюстративном корпусе русских текстов (проанализирован 1601 случай употребления лексемы *совесть* и 736 случаев употребления однокоренных лексем) при употреблении лексемы представлены примеры активизации всех эталонных семантических признаков, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Безусловным лидером является эмоциональный (42%), за ним идет волевой (25%), рефлексивный (17%) и личностно-нормативный (13%). Импликативные семантические признаки встречаются довольно редко. Редки и те случаи, в которых происходит актуализация лишь родового признака – при перечислении совести в ряду других понятий.

В тех случаях, когда лексема встречается в составе фразеологизмов, наиболее частотными фразеологизмами оказываются *по совести*, *на совести* и *на совесть*. Отдельные группы употребления лексемы могут быть выделены вокруг разнообразных вариантов фразеологизмов со значением наличия или отсутствия совести, ее утраты или активизации. Подобные суждения указывают на ожидание от человека следования некоторым нормам – совершения некоторых действий или, напротив, воздержания от них. Эти нормы не тождественны законам или религиозным заповедям: это неписанные правила поведения. Действия, вызывающие суждения о наличии или отсутствии совести, связаны с окружающими и зачастую с потенциальным вредом, который они могут им нанести. Соответственно, «отсутствие совести» в этих случаях подразумевает способность индивида действовать, не учитывая интересы окружающих (общества, коллектива или конкретной группы лиц). В русской ЯКМ такому человеку в принципе отказывается в наличии совести. Здесь, очевидно, сохраняется архаичное значение лексемы «совесть» как внешнего знания; совесть, утратившая религиозные коннотации, преобразуется в подобие порядочности. Это вторая ступень семантической эволюции лексемы по В. В. Колесову, сохранившаяся в фразеологизмах и лишившаяся всяких религиозных коннотаций.

Возможно, что свой вклад в консервацию этого понимания совести внесла коллективистская идеология советского периода.

В корпусе иллюстративных материалов лексема *совесть* чаще всего употребляется в своем словарном значении, с актуализацией дефиниционных признаков (51%). Значительно реже она используется в составе фразеологизмов с иным значением (41%), в т.ч. в составе фразеологизмов, указывающие на неписанные нормы поведения (17%). Лексема *совесть* оказывается безусловным лидером среди однокоренных лексем по частотности, а ее антоним – лексема *бессовестность* – встречается в корпусе очень редко.

Таким образом, языковой образ совести предстает как смешение противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, это современное, научное понимание совести, отличающееся индивидуальным характером этических норм, с другой – это представление совести как морального чувства, связанного с неписаными правилами поведения, которых должны придерживаться все окружающие; их нарушение человеком ведет к отрицанию наличия у него совести. Апелляция к чужой совести больше подходит к этому второму пониманию, в то время как представление о возможности активизации совести не противоречит обоим.

Личностно-нормативный признак является главным отличием от архаичного понятия совести, в котором его место занимает признак, который можно назвать коллективно-нормативным: он указывает на осознание неписанных норм поведения, связанных с окружающими (что тождественно наличию совести или эталонному ее состоянию). В семантической модели такой совести можно выделить признак неперманентности, отражающийся в представлениях о возможности ее утраты (переходу в пассивное состояние) и активизации под влиянием извне, при помощи апелляции к ней.

Пожалуй, теснее всего с совестью в русской ЯКМ оказывается связан стыд. Совесть и стыд оказываются вместе и во фразеологии, и в паремиологии.

Можно констатировать противоречивость образных представлений о совести, содержащихся в русском фразеологическом фонде. Совесть принадлежит человеку, но в то же время самостоятельна. Она может говорить, она может причинять страдания человеку, как некий зверек-грызун, но с ней можно договориться, и тогда она будет молчать. Ее можно даже потерять. При этом весьма распространен образ совести как эластичной поверхности, поддающейся манипуляциям по расширению (чем «шире» совесть, тем она спокойнее), которую можно загрязнить или очистить.

В русском паремиологическом фонде также представлены разнообразные типы метафор. Наиболее ярко представленной оказывается биоморфная метафора: совесть предстает живым существом. В общем виде такие паремии говорят о спокойной или беспокойной совести.

В случае употребления отчетливо антропоморфных метафор совесть разнообразна: с ней можно дружить или враждовать; встреча с ней неизбежна; ее голос беспокоит, но можно заставить ее замолчать; ее невозможно обхитрить, но можно погубить, и пр. В паремиях, демонстрирующих зооморфные метафоры, совесть грызет и мучает человека, хотя смертна и сама.

Следующей по частоте является пространственная метафора – совесть как поверхность. Главным признаком такой совести является ее (не)чистота или белизна. Один раз встречается указание на прямую совесть.

В случаях реификации совести она часто предстает мелким предметом, который можно спрятать; ее можно потерять или вообще ею не обладать; ненормальна загрубевшая, а также «глиняная» совесть, т.е., видимо, рыхлая или непрочная.

Также встречаются сравнения совести с органом тела, товаром, хранилищем. Единичны сравнения совести с болезнью, средством передвижения, могилой.

В корпусе иллюстративных материалов представлена большая часть ФЕ и соответствующих метафор совести.

К пространственной метафоре можно отнести представление о совести как о поверхности. На этой поверхности находятся (лежат или висят) разнообразные предосудительные поступки и грехи, иногда в свою очередь описываемые метафорически. Человек имеет возможность снять этот груз, облегчив совесть, освободив ее от тяжести. Помимо веса находящихся на ней предметов, другими характеристиками этой поверхности является ее размер, поддающийся изменению, и чистота (нечистая совесть может также называться черной или темной).

Иным типом метафоры, представленным в текстах, является реиморфная метафора: совесть уподобляется предмету, который может характеризоваться твердостью и весом. В корпусе примеров присутствует и «газожидкостная» метафора – совесть уподобляется некоей текучей и несчетной субстанции. К количеству этой совести применимы операции сравнения, ее может быть мало или много.

Биоморфная метаформа представлена значительным числом употреблений. Иногда она присутствует в общем виде, иногда конкретизируется до своей зооморфной или антропоморфной разновидности. Биоморфная совесть может двигаться и издавать звуки. Она сама мучается и терзается. При этом она неотвратимо преследует и даже убивает человека.

Антропоморфная совесть как «внутренний человек» независима от человека, с ней можно остаться наедине. Она говорит внутри самого человека, при этом может и бредить. Антропоморфная совесть говорит и с самим человеком: она подсказывает ему, она упрекает и укоряет его. Совесть учит человека, дает ему советы, наделяет его полномочиями. К чужой совести тоже можно обращаться, как к человеку. Ее можно смутить, на нее можно надеяться и полагаться, ей можно доверять.

Антропоморфная совесть, как и сам человек, может возмущаться чем-либо, она не может примириться с происходящим вокруг. Также антропоморфная

совесть является судьей. Перед такой совестью как высшей инстанцией человек держит ответ, он оправдывается, исповедуется и несет обязательства.

С одной стороны, совесть подвигает человека на действия – требует, заставляет, повелевает. Человек может следовать своей совести. С другой, она удерживает человека от совершения некоторых поступков.

Совесть всячески беспокоит, донимает человека. Она наносит ему удары, она может и засмеять. Однако совесть не всемогуща – с ней можно бороться и побеждать. Но человек и может ладить со своей совестью, играть с ней, торговаться и вступать с ней в сделки, беречь, щадить и спасать.

Совести теоретически можно изменить или обмануть ее. Голос совести можно заглушить или перекричать. Совесть может и помочь человеку, как бы перейдя на его сторону, из судьи став адвокатом.

В случае использования зооморфной метафоры совесть, как зверь, колет, грызет, глодает, пожирает человека.

Совесть может выступать как человеческий орган, чаще всего больной. Как мышца, совесть может напрягаться, ее можно тренировать и упражнять. Встречаются и случаи осмысления совести как болезни, а также как предмета купли-продажи. Еще реже встречается «термическая» метафора – совесть, как пламя, горит и обжигает. Наконец, единичны сравнения совести с грузом, парусом, нитью, тканью, пищей и одеждой.

Таким образом, во всех исследованных видах источниках присутствуют пространственная, реиморфная и биоморфная (зооморфная и антропоморфная, но не ботаническая) метафоры. Специфичны для художественной литературы «газожидкостная» и «термическая» метафоры. Во фразеологии также отсутствует представление о совести как о телесном органе, болезни и предмете купли-продажи.

ГЛАВА 3. СОВЕСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

3.1 Значимостная составляющая

Этимология французского слова *conscience* очевидна: оно произошло из латыни, как и ее аналоги в других романских языках. Толковые словари французского языка отмечают это следующим образом: от lat. *conscientia* «*connaissanse*» [GRLF], du latin *conscientia*, de *cum*, et *scientia*, *science* [LEDLF], du latin *conscientia*, «*connaissance en commun*», d'où «*connaissance, connaissance intérieure*» [DAF9], du latin *conscientia*, de *scire*, *savoir* [LDF]. Все эти данные не противоречат друг другу: французское слово *conscience* произошло от лат. *conscire* – знать вместе, знание, разделенное со всеми. Согласно М. К. Голованивской, оно по своему значению колебалось между «доверием» и «соучастием, сговором». Слово употреблялось для обозначения ясного знания, родившегося внутри человека, и, таким образом, развилось в другое значение «интуитивное чувство того, что хорошо и плохо, интуитивное знание добра и зла», которое оставалось единственным значением этого слова вплоть до XVII в. [Голованивская, 2009, с. 205]. Первое упоминание о *conscience* встречается в 1165 г. в значении «внутреннего чувства о том, что есть хорошо и что есть плохо» (*Livre des Rois*), в 1230 г. зафиксировано выражение *bone conscience*, в 1306 г. в текстах встречается *en leur conscience* [TLFi]. *Liberté de conscience*, согласно LEDLF, обнаружено в 1569 г. в мемуарах принца Конде, а в 1609 г. впервые упоминается *cas de conscience*. Фразеологизм *mettre la main à la conscience* появляется в 1673 г. в комедии Мольера «Мнимый больной» [TLFi]. Позже слово приобретало дополнительные дефиниции, которые зафиксированы в толковых словарях французского языка и которые будут рассмотрены ниже. Эволюцию смыслов *conscience* можно наблюдать на примере словаря Французской Академии. В ее первом издании 1694 г. у слова фиксируется только одно значение – «внутренний свет, чувство, благодаря которому человек отдает себе отчет о

добре или зле, которое он совершил». При этом в интерпретации предложения *Vous aurez cela sur votre conscience* есть отсылка к связи *conscience* с Богом: *Si vous agissez en cela contre votre conscience, vous en répondrez devant Dieu* (DAF1). В 9-м издании словаря Французской Академии (его первый том, в котором присутствует статья *conscience*, вышел в 1992 г.) у слова фиксируется уже 9 значений и ни одно из них не является напрямую религиозным [DAF9].

Согласно TLFi, *conscience psychologique* впервые упоминается во французских текстах в 1676 г.: первым его использует философ-метафизик Николя Мальбранш в значении «внутреннего чувства о чем-то, о чем невозможно сформировать ясное и четкое представление». Однако, как упомянуто выше, в словаре Французской Академии 1694 г. это значение еще не зафиксировано. В 1762 г. *conscience psychologique* упоминается у Руссо в значении «чувства осознания человеком своего состояния и своих поступков» [LEDLF].

Упомянутый выше знаменитый словарь французского языка Эмиля Литтре [LEDLF], изданный в конце XIX в., первым значением лексемы предлагает «чувство самосознания, которое позволяет оценивать свое существование», далее следует «нравственное чувство, тайное проявление души». Третьим отдельным значением автор называет «религиозный термин, чувство совершенных ошибок». Затем перечисляются «область сердца, как место обитания *conscience*», «упор при работе со сверлом» и «типогр. термин».

В современных французских толковых словарях словарная статья, посвященная *conscience*, делится на два больших раздела: *conscience psychologique* и *conscience morale*. В каждом из них описываются несколько значений. Некоторые словари к этим двум разделам добавляют дополнительные значения. В целом, в исследуемых словарях современного французского языка у лексемы *conscience* отмечается от 6 до 19 значений. Ниже перечислены значения, отмечаемые словарями.

GRLF: 1) «способность познавать и оценивать свою собственную реальность/ мгновенное и рефлексивное знание, которые имеют некоторые живые организмы,

в частности человек, о своей психической активности»; 2) «способность интуитивного осознания себя»; 3) «часть жизни и психической активности, цель которой – интуитивное знание»; 4) «действие или состояние, в котором объект осознает себя тем, кем он является, и отделяет себя от того, что ему знакомо»; 5) «мгновенное интуитивное более-менее четкое знание в какой-либо ни было области»; 6) «спонтанное интуитивное осознание ситуации»; 7) «место обитания осознанных психических явлений, а именно убеждений и верований»; 8) «человек как носитель убеждений, верований»; 9) «интуитивное знание человеком того, что хорошо и что плохо, которое его толкает выносить суждения о моральной ценности собственных поступков»; 10) «нравственное чувство»; 11) «высоконравственный человек»; 12) тех. «упор-нагрудник (деревянный или металлический брусок, на который опираются грудью при работе с дрелью)».

DAF9: 1) «впечатление присутствия себя в мире»; 2) «более или менее обдуманное чувство нашего состояния и наших поступков, которые составляют нашу внутреннюю жизнь, нашу личность»; 3) «восприятие объектом ситуации, поведения; знание, которое из этого следует»; 4) «способность различать добро и зло; внутреннее чувство, благодаря которому человек осознает, что он сделал что-то хорошее или плохое»; 5) «воля к добру»; 6) «способность оценивать свою внутреннюю жизнь и поступки в соответствии с религиозными, философскими и иными убеждениями»; 7) «внутреннее требование нравственной чистоты»; 8) «человек, как нравственное существо»; 9) «человек, служащий образцом или тот, к кому обращаются за советом».

LDF: 1) «интуитивное или мгновенно продуманное знание о своем существовании и о существовании внешнего мира»; 2) «четкое ментальное представление о существовании, реальности чего-то»; 3) псих. «функция синтеза, которая позволяет объекту анализировать свой опыт с учетом структуры своей личности и проецировать себя в будущем»; 4) «способность, которая заставляет выносить суждения о ценности собственных поступков; нравственное чувство»;

5) «чувство долга; аккуратность, тщательность»; 6) «место обитания личных чувств и сокровенных мыслей».

TLFi: 1) «организация психики, которая позволяя осознавать свое состояние, поступки и их нравственную ценность, позволяет чувствовать свое существование»; 2) «осознание человеком своего состояния, поступков и их нравственной ценности»; 3) «человек как носитель сознания»; 4) «интуиция, при помощи которой человек получает мгновенное знание о своем существовании, состоянии и своих поступках»; 5) «особенность сознания, позволяющая выносить мгновенные суждения о нравственной ценности своих поступков, основанные на различии добра и зла»; 6) «интуитивное знание, внутреннее чувство нравственной ценности своих поступков»; 7) «группа людей как олицетворение нравственного сознания»; 8) «человек, одаренный особенно живым нравственным сознанием, которым он руководствуется без компромиссов»; 9) «нравственное сознание как отдельная личность, которую спрашивают и к которой обращаются, которая судит и с которой можно договориться, перед которой нужно оправдываться, которая показывает свое одобрение или неодобрение до или после совершения поступка»; 10) «нравственное сознание как сила и право судить и действовать согласно этому суждению»; 11) «нравственное сознание, как собрание суждений, согласно которым человек действует»; 12) «нравственное сознание, как место обитания самых сокровенных мыслей и чувств»; 13) «нравственное сознание, обитающее в сердце»; 14) «скрупулезная честность в выполнении своей работы в дополнении с желанием с ней справиться наилучшим образом, каковы бы ни были трудности»; 15) «прилежание, тщательность в выполнении чего бы то ни было»; 16) типогр. «профессиональная деятельность в типографии, отличающаяся особенной аккуратностью, для выполнения которой необходима профессиональная сознательность работника (оплачивается по часам или по дням, а не сдельно)»; 17) «группа рабочих в типографии, выполняющих эту типограф. работу»; 18) «место в типографии, где выполняют эту работу»; 19) «нравственное сознание в применении к религиозным обязательствам».

Анализ этих смыслов позволяет выделить следующие положения.

1. Во всех словарях французского языка *conscience* вначале определяется как понятие, тождественное русскому «сознанию» или «осознанию»; именно физиолого-психологический смысл лексемы выступает для лексикографов на первый план, он насчитывает от 3 [DAF1, LDF] до 7 [GRLF] значений.

2. Для определения словарями понятия *conscience*, тождественного русской «совести», используется та же лексема *conscience* с прилагательным *morale*, т.е. *conscience*-совесть трактуется через *conscience*-нравственное сознание, что говорит о близости этих значений для лексикографов. Более того, вопросы веры и убеждений в некоторых источниках находятся в ведении *conscience*-сознания, а не *conscience*-совести [GRLF].

3. Во французском языке у лексемы *conscience* путем метонимии образовались следующие значения:

a) «человека, наделенного сознанием»: *On ne peut pas réaliser que les autres gens sont des consciences qui se sentent du dedans comme on se sent soi-même, dit Françoise* (S. de Beauvoir, L'Invitée, 1943, p.14 – TLFi);

b) значение «места обитания осознанных психических явлений, а именно убеждений и верований»: *Liberté de conscience* [GRLF];

c) «человека как носителя убеждений, верований»: *Opprimer, violer les consciences, diriger, éclairer les consciences* [GRLF].

4. Во французском языке существуют несколько особенных «технических» значений лексемы, которые напрочь отсутствуют в русском языке [GRLF, TLFi].

Таким образом, у лексемы *conscience* можно выделить несколько семантических кластеров: 1) «сознание/осознание»; 2) непосредственно «совесть»; 3) «человек, наделенный принципами, убеждениями»; 4) «усердие, добросовестность в т.ч. профессиональная»; 5) «технические термины».

Очевидно, что к концепту «совесть» имеют отношение п. 2 «совесть» и п. 3 «человек, наделенный принципами, убеждениями». Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что значение «усердие,

добросовестность» также сохранило связь с изучаемым концептом. Так, согласно TLFi, *conscience (professionnelle)* означает «*la conscience morale appliquée aux obligations professionnelles*» (нравственное сознание, применимое к профессиональным обязанностям), из которого, в свою очередь, следует значение «*application, minutie, soin que l'on apporte à l'accomplissement d'un acte quelconque*» (усердие, тщательность в выполнении действия).

По мнению современного французского философа Андре Конт-Спонвиля, *conscience*-сознание считается одним из самых трудных для определения слов – возможно, потому, что всякое определение апеллирует к сознанию и подразумевает сознание [Конт-Спонвиль, 2013]. Неудивительно, следовательно, что *conscience*-совесть определяется через *conscience*-сознание, т.к. само *conscience*-сознание зачастую определяется через сознание.

Итак, в словарных определениях лексемы *conscience* превалирует рефлексивный признак (при определении лексемы как сознания/осознания). Во всех лексикографических источниках также представлен личностно-нормативный признак (при определении лексемы как свода правил и суждений) и эмоциональный признак (при определении *conscience* как чувства). В некоторых источниках у лексемы *conscience* также актуализируется волевой признак, когда она характеризуется как воля к добру или требование нравственной чистоты.

Разнообразие синонимического ряда лексемы *conscience* сильно варьируется в зависимости от исследуемых источников. В традиционных словарях предлагается всего несколько синонимов. Так, например, LDF отмечает следующие синонимы: к значению «способности выносить суждения о моральности собственных поступков» – *sens morale*; к значению «чувство долга, щепетильность» – *application, zèle*; к значению «место обитания чувств и мыслей» – *âme, cœur*.

Электронные словари предлагают гораздо больший выбор синонимов: *âme, scrupule, vertu, honnêteté, cœur, moralité, sensation, sentiment, soin, pensée,*

perception, discernement, idée, jugement, notion, connaissance, acuité, cœur, cognition, force, intuition, lucidité, savoir, sens [SAF].

Однако лексикографы французского языка предлагают еще один подход к изучению синонимии. Он разрабатывается на стыке разных наук – вычислительной лингвистики, психолингвистики, информатики, математики и статистики. Группа ученых создает семантический атлас, где в текстовой и графической форме показаны синонимические связи слов, выделенные на базе лингвистического корпуса определенного языка. Авторы утверждают, что их метод позволяет статистически проанализировать связи, установленные между лексическими единицами, и показать смысловые тенденции и семантическое богатство каждого слова [Jacquemin, Ploux, 2007].

В нашем случае для исследования полного синонимического ряда лексемы представляется целесообразным воспользоваться не отдельно взятыми словарями синонимов современного французского языка, но результатами коллективного труда команды CRISCO (Centre de Recherches Inter-langues sur la Signification en Contexte университета г. Кан, Нормандия). В электронной версии этого исследования содержится, помимо прочего, Dictionnaire électronique des synonymes, составленный на базе семи словарей французского языка: Guizot (1864), Lafaye (1858), Bailly (1946), Bénac (1956), Du Chazaud (1971), Grand Larousse de la Langue Française (1971), Grand Robert de la Langue Française (1985) [Manguin, 2004].

Общее количество словарных статей в словаре CRISCO насчитывает 49000 единиц, между которыми фиксируется 204000 синонимичных связей. Для лексемы *conscience* словарь предлагает 37 синонимов (в алфавитном порядке): *âme, advertance, application, attention, cœur, connaissance, courage, croyance, délicatesse, dévouement, esprit, estime, être, éveil, exactitude, foi, for intérieur, honnêteté, idée, intuition, lucidité, minutie, moralité, notion, pensée, pressentiment, probité, régularité, remords, représentation, scrupule, sens, sens moral, sentiment, sérieux, soin, zèle.*

Согласно источнику, *conscience* входит в состав 44 лексико-семантических групп (ЛСГ):

1. application, attention, conscience, exactitude, régularité, soin
2. conscience, exactitude, minutie, régularité, scrupule, soin
3. application, attention, conscience, soin, zèle
4. application, conscience, sérieux, soin, zèle
5. cœur, conscience, esprit, pensée, sentiment
6. connaissance, conscience, idée, notion, sentiment
7. connaissance, conscience, intuition, notion, sentiment
8. conscience, croyance, idée, pensée, sentiment
9. conscience, délicatesse, honnêteté, scrupule, soin
10. conscience, exactitude, honnêteté, scrupule, soin
11. conscience, idée, notion, pensée, sentiment
12. conscience, intuition, notion, sens, sentiment
13. âme, cœur, conscience, esprit, pensée
14. attention, conscience, délicatesse, soin
15. cœur, conscience, courage, sentiment
16. cœur, conscience, courage, zèle
17. cœur, conscience, délicatesse, soin
18. cœur, conscience, dévouement, zèle
19. cœur, conscience, intuition, sentiment
20. cœur, conscience, soin, zèle
21. connaissance, conscience, idée, représentation
22. conscience, délicatesse, honnêteté, probité
23. conscience, esprit, lucidité, sens
24. conscience, esprit, sens, sentiment
25. conscience, exactitude, foi, honnêteté
26. conscience, foi, honnêteté, probité
27. conscience, honnêteté, moralité, probité

- 28.conscience, idée, pensée, représentation
- 29.conscience, idée, pressentiment, sentiment
- 30.conscience, intuition, pressentiment, sentiment
- 31.conscience, sérieux, scrupule, soin
- 32.âme, cœur, conscience, courage
- 33.âme, cœur, conscience, intuition
- 34.être, âme, conscience, esprit
- 35.connaissance, conscience, lucidité
- 36.conscience, croyance, foi
- 37.conscience, foi, zèle
- 38.conscience, moralité, régularité
- 39.conscience, moralité, sens moral
- 40.advertance, conscience
- 41.conscience, estime
- 42.conscience, for intérieur
- 43.conscience, remords
- 44.éveil, conscience

Степень близости синонима к исследуемой лексеме определяется количеством лексико-семантических групп, в которые они оба входят. Так, по этому принципу ближайшим синонимом лексеме *conscience* является лексема *sentiment*, т.к. они обладают 11 общими смыслами. Ниже приведены наиболее близкие синонимы лексемы *conscience* (по степени убывания количества общих смыслов): *sentiment* – 11 ЛСГ; *soin* – 10 ЛСГ; *cœur* – 10 ЛСГ; *zèle* – 6 ЛСГ; *honnêteté* – 6 ЛСГ; *intuition* – 5 ЛСГ; *esprit* – 5 ЛСГ; *notion*, *scrupule*, *exactitude*, *connaissance*, *âme*, *délicatesse*, *foi* – 4 ЛСГ. Остальные синонимы имеют меньшее количество семантических связей со словом-vedette.

Возможно предположить, что признаки, выделенные нами ранее для концепта «совесть» в научном сознании, отражают только 3 лексико-семантические группы из 44-х: 27) *conscience*, *honnêteté*, *moralité*, *probité*; 39)

conscience, moralité, sens moral; 43) *conscience, remords*. Соответственно, только около 7% всех семантических связей лексемы *conscience* коррелируют с семантической моделью концепта в научном сознании.

Далее рассмотрим вышеперечисленные синонимы лексемы *conscience* в толковых словарях французского языка. Из вышеперечисленных 37 синонимов нами отобраны всего несколько, в описании значений которых имеется отсылка к *conscience* – *âme, cœur, moralité, scrupule, remords*.

Французское слово *âme* произошло от латинского *anima*, означающее «дыхание, воздух» [Голованивская, 2009, с. 200]. Прежде *âme* писалось как *anme*, затем *alme* и даже *arme*, и только с 1798 г. в этом слове по инициативе Французской Академии появился диакритический знак, который указывает не просто на произношение, но и на пропущенную букву.

В исследованных лексикографических источниках у лексемы *âme* выделяются от 7 [DAF9] до 12 [TLFi] значений: 1) духовное начало Божественного происхождения, очаг религиозной жизни, где добро борется со злом; 2) духовное начало как противопоставление телесному; 3) бессмертное начало; 4) сочетание моральных и умственных качеств; 5) эмоциональное начало, место обитания чувств; 6) основа и место обитания психических процессов; 7) место обитания нравственного сознания и нравственной жизни; 8) представитель группы, обладающий всеми ее характеристиками; 9) человек, живое существо; 10) центральная важная часть какого-то устройства; 11) ласковое обращение; 12) человек как двигатель предприятия, коллектива; 13) внутренняя сущность человека.

Очевидно, что значения, общие со значениями лексемы *conscience*, – это 7) «место обитания нравственного сознания и нравственной жизни». Оно встречается лишь в одном словаре [TLFi] и занимает среднее место. Однако, поскольку определение свидетельствует не о самом нравственном сознании, а о месте его обитания, то даже в этом значении *âme* можно считать частичным синонимом лексемы *conscience*, т.е. квазисинонимом.

Слово *cœur* пришло во французский язык из вульгарной латыни от слов *cor, coris*, образованных от слов классической латыни *cor, cordis*. Согласно античному представлению, сердце является средоточием жизни, страстей, чувств, ума, памяти и воли. Греческая медицина называла сердце и верхнюю часть желудка словом *kardia*, что, согласно LEDLF, объясняет происхождение выражения *mal au cœur*. У лексемы *cœur* в вышеупомянутых лексикографических источниках насчитывается от 11 [DAF9] до 28 [TLFi] значений: 1) внутренний орган; 2) центр чувств; 3) очаг внутренней жизни; 4) эмоциональный центр; 5) грудь; 6) сочетание эмоциональных качеств и нравственных чувств как противопоставление разуму; 7) нравственное чувство, совесть; 8) хранилище чувств; 9) сокровенная мысль; 10) любовь, привязанность; 11) человек, как носитель чувств; 12) живой интерес; 13) храбрость; 14) щедрость, благородство; 15) главный интерес; 16) желудок; 17) центральная часть чего-либо; 18) объект, имеющий форму сердца; 19) ласковое обращение; 20) спец. термины (9 значений).

Значение «нравственное чувство, совесть» встречается во всех словарях, но занимает в них совсем не первые места.

Лексема *moralité* образована от лат. *moralitatem*, впервые встречается во французских текстах в XII веке. В толковых словарях фиксируется от 3 [DAF9] до 7 [TLFi] ее значений: 1) нравственные размышления; 2) нравственный смысл, мораль произведения; 3) моральная пронизательность; 4) нравственные принципы; 5) средневековое драматическое произведение; 6) человек, живущий согласно моральным принципам; 7) нравственное чувство, совесть.

Значение «нравственное чувство, совесть» отмечено лишь в одном лексикографическом источнике [TLFi] и не занимает в словарной статье центрального места.

Слово *scrupule* произошло от латинского *scrupulum, scrupulus*. *Scrupulus* означало маленький острый камень, который мешал, например, ходить, если попадал в обувь. Отсюда это слова стало означать чувство беспокойства, затруднения, угрызений совести. В этом значении его впервые использует

Цицерон в своей речи в защиту Секста Росция из Америи: «*ex animo scrupulum evellere*», «убрать беспокойство из ума» или фигурально «удалить занозу из ноги». Слово также широко употреблялось в значении «24-я часть унции». Ранее также употреблялся глагол *scrupuler*, означающий *examiner avec scrupule*.

Scrupule дало название психологическим проблемам личности – *maladie du scrupule*. Это заболевание является формой неврастения, характеризующейся бесконечными терзаниями перед совершением какого-то действия, недовольством собой после него и манией вернуться назад и все проверить [TLFi].

Словарные статьи предлагают от 4 [LDF] до 6 [TLFi] значений лексемы *scrupule*: 1) мера веса; 2) астр. термин; 3) то, что обременяет совесть, сомнения в нравственной ценности совершенных поступков; 4) точность в соблюдении правил; 5) строгость создателя к своему творению; 6) оставшийся страх, сомнения, трудности; 7) требовательность сознания, взывающая судить с прямоотой и строгостью; 8) чрезмерное беспокойство сознания, вызванное острым чувством перфекционизма, в т.ч. христианского.

Очевидно, что несмотря на то, что ряд значений лексемы *scrupule* толкуются посредством лексемы *conscience*, в т.ч. в ее значении «совести/нравственного сознания», они лишь передают те или иные признаки или состояния нравственного сознания (*trouble, inquiétude, exigence*), но не обозначают его всецело, поэтому *scrupule* является квазисинонимом *conscience*.

Аналогичная ситуация выявляется при анализе значений лексемы *remords*. В словарях у нее зафиксированы два значения: 1) нравственные терзания, вызванные совестью; 2) чувство досады, дискомфорта. Ни первое, ни второе не позволяют дифференцировать лексему *remords* как синоним лексемы *conscience*; в одном из значений они являются квазисинонимами.

Sens moral, заявленный некоторыми источниками как синоним лексемы *conscience*, по понятным причинам отсутствует как отдельная статья в исследованных толковых словарях французского языка. Однако это

словосочетание присутствует в статье «*Sens*» словаря TLFi со значением «нравственного сознания, мгновенного чувства добра и зла».

В словарных статьях остальных синонимов лексемы *conscience* нами не выявлено значений, синонимичных искомому.

В словарных определениях лексем *âme*, *cœur*, *remords* представлен только эмоциональный семантический признак. Словарные определения лексемы *scrupule* отражают волевой, рефлексивный и эмоциональный признак, однако, как и определения остальных синонимов, не отсылают к личностному характеру. Словарные определения лексемы *moralité* актуализируют лишь родовой признак рефлексивности.

Следовательно, возможно утверждать, что ядерной лексемой французского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «совесть», является лексема *conscience*. Ближнюю периферию составит лексема *scrupule*, к дальней периферии можно отнести лексемы *âme*, *cœur*, *moralité*, *remords*.

А. В. Свиридова полагает в этом отношении, что можно говорить о неспециализированном «размытом» способе языкового воплощения понятия «совесть» во французском языке: французская «культурная основа» понятия «совесть» «растворена» в лексемах *conscience*, *loi* и *scrupule* [Свиридова, 2010, с. 320–321]. Мы, однако, склонны считать, что *conscience* как имя концепта является ядерной лексемой и должно рассматриваться в первую очередь; прочие лексемы, в некоторых случаях употребляемые для передачи соответствующего понятия, в свою очередь являются многозначными и отсылают также и к другим концептам.

Поэтому в дальнейшей работе для более глубокого и детального анализа понятийной, значимостной и образной составляющей концепта мы ограничимся главным образом лексемой *conscience*, широко и разнообразно представленной во фразеологическом фонде и корпусе иллюстративных примеров французского языка. Подробное исследование остальных лексем, составляющих периферию концепта, может стать предметом другой работы, продолжающей и дополняющей данную.

Среди однокоренных слов лексемы *conscience* словари указывают следующие лексемы: *consciencieux, consciemment, consciencieusement, inconscience, inconscient, inconsciemment, subconscient u subconscience*.

Согласно исследованиям Университета г. Чикаго, число употреблений лексемы *conscience* на 1 млн. слов составило: в 1600 г. – 131, в 1650 г. – 241, 1700 г. – 97, 1750 г. – 133, 1800 г. – 257, 1850 г. – 359, 1900 г. – 576, 1950 г. – 494 [DVLFF]. Как видно, слово получило более широкое употребление в XIX и XX веках, после того как в нем укрепилось новое значение «сознания».

Прилагательное *consciencieux* имеет несколько значений, первое из которых тесно связано с *совестью* – «тот, кто скрупулезно выполняет требования совести/*conscience morale*». *Ce Grey, paraît-il, est le type de l'Anglais consciencieux, un peu défiant, un peu timoré, pas très généreux, mais d'un grand loyalisme de pensée et d'action* (R. Martin du Gard, Les Thibault, L'Été 1914, 1936, p. 517 – TLFi). Второе значение отсылает к понятию «добросовестности»: *Vous n'hésitez pas au dernier moment! Leda. – Je vous l'ai promis. Je suis très consciencieuse en amitié* (Giraudoux, Amphitryon 38,1929, II, 6, p. 153 – TLFi). Примечательно, что в обоих значениях прилагательное способно определять не только субъект действия, но и неодушевленный объект: *La période du bon motif. Probité. Consciencieux besoin de réparer une faute commise. En l'espèce : l'obligation morale de consacrer à Lara la somme que ses parents ont péniblement économisée: (...).*Gide, Les Faux monnayeurs, 1925, p. 1045 - TLFi; *Difficultés de l'exégèse catholique, pointillées de référence de détail, de chiffres et renvois consciencieux* (Malegoue, Augustin, t. 1, 1933, p. 342 - TLFi).

Прилагательное *consciencieux* в период 1600–1750 лет встречается менее 1 раза на 1 млн. слов, в период 1800–1950 – от 5 до 7 раз. Его вариация с буквой “t” *consientieux* встречается 2 раза на 1 млн. слов в 1600 г., но сходит до нуля к 1750 г. Соответственно, в самом начале превалировало слово *consientieux*, образованное от лат. *conscientia*, но с течением времени закрепилось *consciencieux* от французского *conscience* [DCLF].

Производное от *consciencieux* наречие *consciencieusement* (*conformément aux exigences de la conscience morale, observées avec scrupule et application* /в соответствии с требованиями совести, соблюдаемыми прилежно и тщательно) также имеет отношение к концепту *совесть*. Словари указывают его два значения – «согласно требованиям совести» и «в соответствии с профессиональной добросовестностью»: *Sans doute, il était de bonne foi, et il devait avoir examiné consciencieusement les pièces soumises à son contrôle; mais rien n'est plus illusoire, car pour étudier à fond une comptabilité, il faut en refaire une autre, entièrement* (Zola, *L'Argent*, 1891, p. 269 – TLFi); *Il avait l'habitude de faire consciencieusement son métier, de le faire méticuleusement, et personne de « bonne foi » ne pouvait lui adresser un reproche* (Peisson, *Parti de Liverpool*, 1932, p. 51 – TLFi). *Consciencieusement* впервые употребляется в 1650 г., но относительно часто встречается только в 1900 г. (50 употреблений) и 1950 г. (58 употреблений). *Consciencieusement* в период с 1800 по 1950 гг. употребляется 4-5 раз на каждые 1 млн. слов.

Прилагательное *conscient* впервые встречается в 1755 г.; в словарях оно связано исключительно с понятием «сознание» и к интересующему нас концепту отношения не имеет.

Производное от *conscient* наречие *consciemment* (*avec une pleine et claire conscience, de façon consciente, syn. délibérément* / в полном и ясном сознании, сознательно, син. намеренно) также не связано по смыслу с понятием «совесть». Впервые оно употребляется в 1800 г., но относительно часто встречается только в 1900 г. (7 употреблений) и 1950 г. (20 употреблений).

Производное существительное *inconscience* в первом значении имеет отношение к сознанию, в т.ч. обозначает состояние его отсутствия. *Ce que Freud a appelé le travail de rêve implique, outre l'inconscience des thèmes affectifs qui alimentent le rêve, l'inconscience des mécanismes d'élaboration : les « relations » multiples de type associatif dans lesquelles se résument ces divers mécanismes agissent sans être connues...*(Ricœur, *Philos. volonté*, 1949, p. 374. – TLFi). Однако словари

фиксируют также его дополнительное значение «отсутствие морального чувства» (*absence réelle ou apparente de sens moral*) *Là encore, à cette barre, il n'avait ni remords ni scrupules, d'une absolue inconscience* (Zola, *Bête hum.*, 1890, p. 277 – TLFi). *Inconscience* впервые употребляется в 1794 г., но значение «отсутствия морального чувства» зафиксировано LEDLF только в 1867 г. В 1850 г. у лексемы было 9 употреблений, в 1950 г. – 19.

Прилагательное *inconscient* впервые встречается в 1820 г. У лексемы фиксируется несколько значений. Устаревшим значение прилагательного *inconscient* является «не наделенный сознанием», напр. *atome inconscient, matière inconsciente*. Современное значение этого прилагательного эквивалентно русским прилагательным «бессознательный, неосознанный», значение *inconscient* в форме существительного эквивалентно русским психологическим терминам «бессознательное, подсознание», и, соответственно, является синонимом лексем *subconscient* и *subconscience*. В период с 1850 по 1950 гг. прилагательное *inconscient* употребляется от 18 до 50 раз.

От прилагательного *inconscient* образовано наречие *inconsciemment*, которое имеет два значения – «неосознанно, ненамеренно» и «безрассудно, необдуманно». Ни первое, ни второе значение не имеет отношения к совести.

Существительные *subconscience* и прилагательное *subconscient* являются психологическими терминами и имеют отношение исключительно к понятию «сознание».

Таким образом, из всех вышеперечисленных дериватов только лексемы *consciencieux, consciencieusement* и *inconscience* сохранили связь с концептом «совесть».

3.2. Понятийная составляющая

3.2.1. Понятийная составляющая во фразеологии

При анализе понятийной составляющей концепта «совесть» представляется оправданным в первую очередь провести общее исследование связанных с концептом фразеологизмов. Материалом для исследования представлений о совести во французской фразеологии послужили фразеологические и толковые словари французского языка [LDF, TLFi, DAF9, GRLF, LEDLF, ФРФС, ФРСАТ]. Всего исследовано около 100 фразеологических единиц.

Можно частично согласиться с мнением, что лексема *conscience* имеет положительную коннотацию, поскольку такие словосочетания, как *conscience propre, conscience tranquille, liberté de conscience, en toute conscience, répondre en son âme et conscience, par acquit de conscience* включают данную лексему в свой состав. Напротив, такие сочетания, как «угрызения совести» (*remords*), «без зазрения совести» (*sans scrupules, sans vergogne*) или однокоренное «бессовестный» (*malhonnête, effronté, impudent*) используют другие лексемы [Бойчук, Шульдешова, 2017]. Однако анализ ФЕ доказывает, что *conscience* осмысливается не только как благо и нечто положительное, обязательное для каждого человека [Там же]; лексема также передает и другие признаки семантического эталона совести. Так, в более половины ФЕ отчетливо присутствуют один или несколько признаков.

1) Личностно-нормативный признак. Фразеологические единицы передают идею о совести как о норме, своде правил, которому следуют, а также указывают на индивидуальный характер совести (7): *liberté de conscience; agir en conscience; (faire qqc.) selon, suivant sa conscience; directeur de conscience; avoir sa conscience pour soi; il me reste ma conscience.*

2) Волевой признак. Говорится о слабости и бессилии совести (9): *(faire qqc.) contre sa conscience; opprimer, violenter les consciences; composer, transiger, trouver*

des accommodements avec sa conscience; vendre sa conscience; marchander, acheter la conscience de qqn.

3) Рефлексивный признак. Транслируется идея о том, что совесть – защитник или обвинитель. Путем рассуждений совесть приобретает положительные или отрицательные качества (11): *examen de conscience; objecteur de conscience; conscience droite; (être) une haute conscience; tenir qqn pour une conscience; avoir bonne conscience; se donner bonne conscience; donner bonne conscience (à qqn); avoir mauvaise conscience; donner mauvaise conscience (à qqn); être la mauvaise conscience de qqn.*

4) Эмоциональный признак. Передается идея о спокойной или беспокойной совести (32): *décharger sa conscience; crise, drame de conscience; (avoir la) conscience nette, pure; être de conscience pure; conscience sans reproche; (avoir la) conscience tranquille; (faire qqc.) avec la conscience tranquille; avoir sa conscience en règle; se mettre en règle avec sa conscience; avoir la conscience en paix, en repos; assurer le repos de sa conscience; (faire qqc.) pour le repos de sa conscience; pour apaiser sa conscience; conscience timorée; avoir la conscience large, facile, souple, élastique; conscience bourrelée, inquiète; remords de conscience; être tourmenté par sa conscience; se faire un scrupule de conscience de qqc.; blesser, gêner la conscience de qqn; par acquit de conscience; pour l'acquit de sa conscience, charger la conscience de qqn; peser sur/à la conscience de qqn.*

Следует отметить, что волевой признак представлен только «с отрицательным знаком»: в описываемых фразеологизмами ситуациях совесть не может воспрепятствовать совершению человеком действия, противоречащего его личным нормам.

Семантика прочих фразеологизмов отсылает к другим смыслам. Так, к этической группе можно отнести фразеологизмы, чье значение отсылает к этическим характеристикам и качествам характера: добросовестности (*mettre beaucoup de conscience dans son travail; faire (un travail) avec conscience; travailler en conscience; (travail) qui est de conscience*), честности (*en (toute) conscience; en*

mon âme et conscience, dans ma conscience); (*mettre*) *la main sur la conscience*; (*s'interroger*) *en toute honnêteté*), ответственности (*avoir qqc. sur la conscience*; *en avoir gros sur la conscience*; *se charger la conscience*; *mettre, laisser qqc. sur la conscience de qqn*). К зоне ответственности можно отнести и ФЕ *homme de conscience*, которая в словарных статьях синонимична фразеологизму *homme de devoir*. Долг связан с совестью еще в одном французском фразеологизме – *avec la conscience du devoir accompli*. В русском языке ему эквивалентен фразеологизм «с чувством выполненного долга». Однако во французском сознании за выполнение долга отвечает именно совесть. Она судит, выполнен ли долг согласно системе моральных ценностей индивида (*avec la conscience du devoir accompli - en jugeant avoir accompli son devoir conformément au système moral accepté* – TLFi).

Целый ряд фразеологизмов передают взаимосвязь совести и веры. *Cas de conscience* в первом значении указывает на «нравственную проблему, которую сложно решить из-за отсутствия четких религиозных правил поведения в данном случае» (*difficulté créée par une situation ambiguë où la conscience hésite à se déterminer dans un sens précis faute d'une prescription religieuse à laquelle se référer dans un tel cas*). Далее смысл фразеологизма эволюционировал до «сложной в решении нравственной проблемы» (*situation conflictuelle délicate à résoudre, sa solution engageant la conscience morale du sujet; scrupule*). Его производное *se faire un cas de conscience de qqc.* имеет два значения – «испытывать угрызения, идя вопреки совести» (*avoir scrupule à faire quelque chose que l'on ressent comme allant à l'encontre de sa conscience morale*) и «считать себя обязанным сделать что-либо из-за моральной ответственности» (*se tenir pour obligé de faire quelque chose parce que l'on en ressent l'obligation morale*). В первом случае фразеологизм относится к эмоциональной группе, во втором случае – к этической.

К вопросу веры относится фразеологизм *examen de conscience*, означающий внутренний анализ моральности своих поступков (*examen approfondi de ses actes, du point de vue de leur valeur morale*), а для католиков – обдумывание своих грехов перед исповедью (*recherche de ses péchés en vue de la confession*). Фразеологизм

directeur de conscience означает церковнослужителя, который руководит совестью другого, заботясь о нравственных и религиозных ценностях (*homme d'Église qui dirige la conscience de quelqu'un pour l'aider à vivre selon les valeurs morales et religieuses*). В истории остался фразеологизм *conseil de conscience*, обозначающий духовный совет при дворе, решающий церковные вопросы (*conseil ecclésiastique appartenant au conseil royal et chargé de régler certaines affaires ecclésiastiques*).

В современную жизнь прочно вошли новые фразеологизмы, сохранившие косвенную связь с верой и религией – например, *liberté de conscience*. Это словосочетание встречается во французских текстах с XVI века и часто его путают со свободой вероисповедания. Помимо свободы вероисповедания свобода совести подразумевает свободу выбора принципов и ценностей, а также свободу им следовать [Avon, 2017]. Свобода совести представляет неотъемлемую ценность для Франции и записана в ряде государственных документов. Словари фиксируют ФЕ *respecter la liberté de conscience, reprendre sa liberté de conscience*. Однако для подавления свободы совести используются ФЕ *étouffer, opprimer, violenter les consciences*, в которых о *свободе* совести говорится только в толковании фразеологизмов (*empêcher par quelque moyen, en particulier par la force et la répression, l'usage et/ou la manifestation de la liberté de conscience / воспрепятствовать силой или другими способами проявлению свободы совести – TLFi*).

Свобода совести дала рождение фразеологизму *clause de conscience*, означающему разрешение журналисту разорвать контракт с работодателем (*pour des raisons de liberté de conscience / по причине свободы совести – TLFi*) в случае смены газетой ее направленности. Толковые словари дают эту единственную интерпретацию этого понятия, но в современном языке оно вышло за пределы журналистской тематики и означает «право человека не выполнять свои профессиональные обязанности, если они идут вразрез с его этическими принципами». *Clause de conscience* часто встречается в медицинском мире, например, когда идет речь об абортах [Gründler, 2017].

Право отказаться от исполнения обязанностей или долга, в т.ч. военного, в силу религиозных или моральных принципов определяется во французском языке фразеологизмом *objection de conscience*, который также имеет отношение к совести, как своду внутренних правил и убеждений, а также к вере.

Некоторые фразеологизмы, согласно словарным определениям, могут иметь как смыслы, соответствующие семантическому прототипу совести, так и не имеющие к нему прямого отношения. Фразеологизм *avoir bonne conscience* в одних источниках означает «иметь чистую совесть, быть уверенным в том, что поступил правильно, когда не в чем себя упрекнуть» (*avoir la conscience tranquille, en paix, n'avoir rien à se reprocher, être sûr d'avoir bien agi* – LDF, TLFi), что отсылает к эмоциональной группе фразеологизмов. В других источниках уточняется, что фразеологизм *bonne conscience* имеет пейоративный оттенок, подразумевая невысокие моральные требования [GRLF]. В этом случае актуализируется также рефлексивный признак.

Отдельную группу составят фразеологизмы, связанные с отсутствием совести: *homme sans conscience; être sans conscience; faire qqc. sans conscience; manquer de conscience; ne pas avoir de conscience*. Все они связаны с интегральной характеристикой поведения человека, который действует вопреки общепризнанным моральным нормам: такой человек не имеет совести. Примечательно, что противоположное утверждение, что у человека есть совесть, выражается либо ФЕ *homme de conscience*, либо крайне редким фразеологизмом *avoir de la conscience*, отмеченным только в одном источнике [TLFi]. Не существует ФЕ со смыслом активизации совести: она либо есть, либо нет.

Спутниками или синонимами совести во французских фразеологизмах могут являться *cœur* (ср. *mettre la main sur le cœur* и *mettre la main sur la conscience*) или *âme* (*en mon âme et conscience, jurer qqc. sur son âme et conscience*).

Таким образом, большая часть исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. В них

представлены все выделенные в Главе 1 признаки, причем лидером является эмоциональный.

3.2.2. Понятийная составляющая в паремиологии

Пословицы и поговорки можно найти в самых первых книгах, написанных на старофранцузском языке. Само слово *proverbe* не такое старое, оно вошло в употребление только в XIII веке, до этого употребляли слово *resprit*, чуть позже *reprouvier*, пока, наконец, латинское *proverbium* не закрепилось в языке [De Lincy, 1842, с. 29].

Первыми пословицами во Франции стали высказывания древних античных мудрецов. Цицерон, Гораций, Сенека, Диоген, Сократ, Платон, Аристотель и другие оказали влияние на начальную стадию формирования паремического фонда французского языка. Далее свой вклад внесло Священное писание, одарившее французский язык огромным количеством пословиц на самые разные темы жизни человека. Неудивительно, что Библия «разошлась на пословицы» – в Средние века она была главной книгой (*le livre par excellence*), которую изучали прежде других и которая служила образцом большинства других сочинений [Там же, с. 30].

Расцветом французской паремиологии считают средние века. Именно в Средневековье сформировалось так называемое «пословичное мышление». Емкие, краткие, поучительные высказывания закрепились в языке. Они носили дидактически-гносеологический характер, легко запоминались и часто были рифмованы. Авторами этих пословиц были простые люди, передававшие свою житейскую мудрость из уст в уста.

В более поздние периоды пословичный фонд обогащался высказываниями из произведений французских писателей. Рабле, Мольер, Лафонтен, Корнель, Расин подарили французам мудрые и яркие выражения, которые до сих пор широко используются в современном французском языке.

La sagesse des nations, как иначе называют пословицы, аккумулируют в себе мудрость народа, напоминают забытые факты его истории, отражают его дух. «Они (пословицы) являются голосом человечества, поднимающимся над руинам потухших тысячелетий. Это отклик сознания народов, плод жизненного опыта целых поколений (перевод наш)», констатирует Ж. А. де Ланжерак в своем исследовании 1860 г. [De Langerack, 1860, с. 6]. Несмотря на то, что многие пословицы являются универсальными и фигурируют в разных языках, каждая нация создает свой особый пословичный фонд. Давая характеристику французской пословице, тот же автор констатирует, что французская пословица хитра и остроумна от рождения. Правда в ней всегда приправлена изяществом, шармом и свойственной французам тонкостью. Русская же пословица отличается яркостью и выразительностью [Там же, с. 14].

На примере концепта *conscience* попробуем подтвердить мнение французского исследователя и показать какое отражение находит *conscience* во французских пословицах, которые сами являются мудростью, совестью и духом нации.

Большинство пословиц о совести закрепились во французском языке много веков назад. Благодаря кропотливой работе составителей словарей Средневековья эти пословицы не канули в лету, они были зафиксированы в языке и изданы в более поздних сборниках пословиц, сентенций и афоризмов.

Для анализа использовались французские сборники пословиц разных веков [TSDA, LPF, DPFTJ, EHLM, PHAM, QSMPA, RAA, DPIF, DPD, PAF, DEL, BEI].

При первом же приближении к паремиологическим источникам французского языка становится очевидным, что лексема *conscience* не просто встречается гораздо реже, чем в сборниках русских пословиц и поговорок, ее роль намного менее значительна. Ни в одном из исследуемых нами словарей, коих оказалось значительно больше, чем их русских аналогов, не обнаружено словарной статьи *à part*, посвященной *conscience*. Пословицы с этой лексемой

разбросаны по разным тематических группам: *activités intellectuelles, savoir, sens morale, sagesse* и др.

При выборке пословиц нами соблюдалось следующее условие – обязательное наличие сигнальной лексемы *conscience*. Пословицы на морально-этические темы, такие как *La vérité est droite, mais les juges sont tordus*/Суд прямой, да судья кривой; *Il faut être marchand ou larron*/Торгуй правдою, больше барыша будет; *Pour être pauvre, on n'en est pas moins honnête homme*/Гол, да не вор, которые рассматриваются другими исследователями как принадлежащие к группе пословиц о совести [Свиридова, 2012, с. 35], имеют к последней лишь косвенное отношение. Пословицы с лексемами *remords, morale, scrupules* к совести имеют большее отношение: в их переводе на русский язык зачастую присутствует лексема «совесть», например, *Le remords est inséparable du crime*/Угрызения совести неотделимы от преступления, *La morale du monde condamne et réprouve tout ce qui attaque les mœurs*/Людская мораль (совесть) осуждает и порицает то, что наступает на нравы, *Plus on a de désirs, moins on a de scrupules*/Чем больше желаний, тем меньше щепетильности (угрызений совести). Однако мы не включили их в рабочую группу по ранее указанным причинам.

Корпус исследуемых паремий составил 34 единицы. При анализе оказалось, что лишь единичные французские паремии семантически калькируют русские паремии (Коль совесть чиста, спи спокойно до утра /*Une bonne conscience rend le sommeil léger*; Совесть – лучшая подушка /*Une bonne conscience est un bon oreiller*; Брюхо вытрясло, да и совесть вынесло /*Ventre affamé n'a pas de conscience*).

Лишь единичные паремии отражают признаки совести, отмеченные в научном сознании. Личностно-нормативный признак частично актуализируется в одной паремии, в которой дается совет слушать голос совести: *Mieux vault écouter la voix de la conscience, que le bruit de la renommée*. Рефлексивный признак отражается в паремии, где совесть сравнивается с судьей: *Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience*. Он также актуализируется, когда совесть приобретает характеристики – *bonne* (хорошая), *munde* (чистая): *L'argent*

volé vault jamais ce qu'il coûte ; bonne conscience coûte jamais ce qu'elle vault. Qui aime la pratique et science du monde, ne peut avoir la conscience monde. Qui veult sa conscience munde, il doit fouir le monde immunde (здесь и далее сохранена орфография источника). Эмоциональный признак актуализируется в пословицах, где речь идет о спокойной совести: *Une bonne conscience est un bon oreiller. Une bonne conscience se couche et dort sereinement. Une bonne conscience rend le sommeil léger.* Волевой признак во французских паремиях не актуализируется.

Представляется целесообразным при анализе французских паремий снова обратиться к методу логемного анализа, позволяющему увидеть признаки, характерные для французского обыденного сознания.

Из корпуса паремий можно выделить следующие логемы:

1. Совесть представляет собой ценность (8 паремий). *Conscience vault en essence, de mille tesmoins la présence. L'argent volé vault jamais ce qu'il coûte; bonne conscience coûte jamais ce qu'elle vault. Vault mieux les avoir sur les bras que sur la conscience. Mieux vault écouter la voix de la conscience, que le bruit de la renommée. Et on dist piechà: cui conscience ne repret, plus tost au mal qu'au bien entend. Aucun prix ne saurait payer la conscience. Si vous voulez avoir le cœur d'un brave, ne faites pas de fraude à votre bouche, couvrez vous bien la peau et n'ayez rien sur la conscience. Il ne faut rien faire qui puisse charger notre conscience.*

2. Совесть имеет отношение к деньгам (4 паремии).

a. У бедного нет совести (3 паремии). *Ventre affamé n'a pas de conscience. Quand la bourse se rétrécit, la conscience s'élargit. Quand pauvreté se montre à la porte, conscience se jette par la fenêtre.*

b. Нечистая совесть помогает разбогатеть (1 паремия). *Petite conscience et grande diligence font l'homme riche à Vallance.*

3. Спокойный сон – залог чистой совести (3 паремии). *Une bonne conscience est un bon oreiller. Une bonne conscience se couche et dort sereinement. Une bonne conscience rend le sommeil léger.*

4. Совесть – отражение души (3 паремии). *La conscience à l'âme est comme le miroir où quand on est trop laid on ne veut plus se voir. La bonne conscience est la santé de l'âme. Science sans conscience, n'est que ruine de l'âme.*

5. Совесть противопоставляется уму/учености (3 паремии). *De grande science, petite conscience. Qui n'a conscience, n'a honte ni science. Science sans conscience, n'est que ruine de l'âme.*

6. Совесть связана с религией (2 паремии). *Li abis ne fait pas le religieux, mais la bonne conscience. L'avocat purge la bourse, le médecin le corps, et le confesseur la conscience.*

7. В мире нельзя иметь чистой совести (2 паремии). *Qui aime la pratique et science du monde, ne peut avoir la conscience monde. Qui veult sa conscience munde, il doit fouir le monde immunde.*

8. Совесть – внутренний судья (2 паремии). *Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience. La femme qui met la main à sa conscience, ne peut plus dire du mal de sa voisine.*

9. Совесть слаба. Ею можно пренебрегать. Ее можно украсть (2 паремии). *On peut user une fois l'an de sa conscience. Le jeu nous dérobe le temps, l'argent et la conscience.*

10. Нечистая совесть отражается на физиологическом уровне (2 паремии). *À conscience troublée, jambes molles. De grande éloquence, petite conscience.*

Следующие признаки представлены единичными паремиями:

11. Мать – совесть семьи. *La mère doit être la conscience et la dignité de la famille.*

12. Старый друг – вторая совесть. *Un vieux ami est une seconde conscience.*

13. У сильных мира вместо совести – честь. *Les grands n'ont que l'honneur pour seule conscience.*

Как видно из примеров, ни одна паремия не содержит лексему *conscience* в значении «сознание» или «осознание» – обыденное сознание интересуется исключительно моральной составляющей этого концепта в значении «совесть».

Это неудивительно, поскольку «житейская» мудрость далека от науки, будь то психология или физиология человеческой личности.

Прилагательное *propre* указывает, что совесть во французских паремиях обладает личностным характером. Совесть может быть разной у разных людей. *Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience.* Кроме того, у сильных мира сего, в отличие от других людей, совестью является их честь. *Les grands n'ont que l'honneur pour seule conscience.*

В значительной доле паремий *conscience* противопоставляется *science*. Этому есть несколько причин: во-первых, слово *conscience* хорошо рифмуется со словом *science*. Пословицы, как известно, являются элементарной формой поэтической речи, ритмичность и зарифмованность является одним из условий жизнеспособности пословицы. Во-вторых, лексема *science* имеет несколько значений, в т.ч. «ученость» и «ум», и если противопоставление ума и совести зафиксировано в т.ч. и в паремиологическом фонде русского языка, то противопоставление учености/образованности и совести присутствует только во французском языке. В период раннего средневековья, когда рождались французские пословицы, образование осуществлялось при монастырях и церковных приходах. Позже, в XII–XV вв., в связи с ростом потребности в чиновниках образование стало выходить за стены церкви и монастырей, однако оставалось сословной привилегией, будучи доступно только городским жителям и представителям высших сословий. В «обыденном сознании» зафиксировалось неприязненное отношение к людям более высокого сословия.

3.2.3. Понятийная составляющая в корпусе примеров

Использованный в данной работе корпус иллюстративных материалов на французском языке составил 225 художественных произведений различных жанров (научная фантастика, фэнтези, детектив, любовный роман, исторический

роман и т.д.), изданных в 1908–2018 гг. и принадлежащих 62 авторам. При отборе произведений обязательным условием было их принадлежность к разным литературным жанрам, т.к. задачей является анализ общего представления о совести в произведениях французских авторов, не ограничивая его одним жанром или одним авторским идиостилем.

В исследуемых художественных произведениях обнаружено 1887 случаев использования лексемы *conscience* в разных значениях. Примеры, в которых лексема имеет связь со значением «совесть», насчитывают 801 единицу. Эта группа примеров, в свою очередь, содержит следующие подгруппы:

1) примеры, где *conscience* имеет значение «совесть» (750 примеров);

2) примеры, где *conscience* выступает в значении «добросовестности – *conscience professionnelle*» (44 примера);

3) примеры с лексемой *conscience* в значении «усердие, прилежание» (5 примеров);

4) единичные примеры, где лексема *conscience* обозначает честного человека: *Vous savez ce que sont ces ambassades. Il faut que l'or coule à pleines mains, acheter les consciences, les bonnes volontés, les signatures* (A. et S. Golon, 1959); *Son livre était un cri. Elle espérait éveiller les consciences en dénonçant cette nouvelle forme d'esclavage, encourager ses compagnes à se battre pour recouvrer la liberté, comme elle avait trouvé la force de le faire* (M. Rivière, 2016).

Рассмотрим актуализацию дефиниционных признаков в этой группе примеров. Как было отмечено выше, актуализация личностно-нормативного признака в корпусе иллюстративных материалов очевидна в тех случаях, когда речь идет о личных нормах, правилах, законах поведения, этических принципах. Можно выделить большую группу примеров, в которых *conscience* выступает в роли советчика – она советует, приказывает, диктует, предупреждает, ее правилам следуют: *Y a-t-il eu brouille entre elle et le Lord protecteur, cette nuit où chacun devait prendre le conseil de sa conscience?* (M. Druon, 1959); *En regagnant son véhicule, Lucie s'en voulut de posséder ce caractère tenace des gens du Nord. Parce que sa*

conscience lui ordonnait de retourner vérifier, pour le burin... Pour en avoir le cœur net (F. Thilliez, 2007); «*Madame Puvonnier, trancha-t-elle, la santé de mon père avant tout, je fais ce que me dicte ma conscience...*» (F. Dard, 1945); *Talonné par l'approche de la mort et du châtement, il refusait la fuite qui aurait constitué un aveu. Sa monstrueuse vanité le paralysait, niant les avertissements du danger, comme au long de sa vie il avait nié ceux de sa conscience, alors que peu à peu il se laissait asservir par sa passion pour une femme perverse et démoniaque.* (A. et S. Golon, 1972); *Parle pour ta fille qui levait ses robes devant le premier Allemand venu, moi, j'ai suivi ma conscience. Je pensais que la vérité était dans le triomphe* (F. Dard, 1946).

При несоблюдении человеком этических норм *conscience* упрекает его. Глагол *reprocher* является самым частым в данной группе – 14 примеров: *Il y avait trois nuits, elle s'amusaient et dansait à Monégan, et sa conscience était en paix, ne lui reprochait rien de bien grave* (A. et S. Golon); *Elle se méprisait pour ce rôle qu'elle ne pouvait s'empêcher de jouer mais l'amour qui l'habitait était plus fort que les reproches de sa conscience* (J. Benzoni, 1963).

Относительно часто в этой группе примеров встречается выражение *directeur de conscience* – 7 случаев: *Le maire, voyant arriver le prêtre, se précipita. Confit en dévotion il considérait Reynaud comme son directeur de conscience mais aussi son conseiller aux affaires municipales* (G.-J. Arnaud, 2002). Употребление этого словосочетания не всегда обусловлено жанром и религиозным сюжетом произведения, иногда оно встречается в переносном смысле: *Qu'est-ce que c'est encore que cette connerie ? Toujours l'air d'être son père, son directeur de conscience, son patron, d'avoir autorité sur sa vie* (P. Lemaitre, 2011).

Зафиксированы не очень частые случаи, когда призыв к действию можно полностью ослабить, свести на нет – *libérer la conscience, délivrer la conscience: Comment expliquer qu'elle eût choisi d'attendre une occasion pour libérer sa conscience?* (G.-J. Arnaud, 1977); *Mais s'il croit Picquart un traître qui ment, comment peut-il tenir compte de ses révélations et les évoquer comme s'il y trouvait du charme et les croyait sincères? Et si au contraire il voit en lui un juste qui délivre sa conscience,*

comment peut-il le supposer mentant dans sa confrontation avec Gribelin? (M. Proust, 1921).

Группа, в которой подчеркивается индивидуальный характер совести, представлена следующими примерами: *De plus, sa propre conscience lui adressait des reproches.* – *Écoutez-moi, dame Angélique, reprit-il d'un ton mesuré, il faut que vous choisissiez!* (A. et S. Golon, 1961); *Sa parole d'honneur j'y croyais encore un peu. Il était officier après tout, et il avait sa conscience, mais quant à rengainer mon feu, bonsoir!* (A. Hélène, 1951); *Tous les mousquetaires du mousqueton. Ceux qui ont leur conscience pour eux, et celle du ministre de l'intérieur pour les autres!* (San-Antonio, 1968); *Ce n'est pas une religion. Elle permet d'associer ce que nous avons appris depuis des millénaires au plus pur de notre conscience.* (G. Legardinier, 2016); *Sachez que les honnêtes gens s'en moquent, de la police ; moi, j'ai ma conscience pour moi ! – Heureusement, dis-je gentiment, parce que, votre conscience, personne n'en voudrait, même si l'épicier du coin la soldait avec ses salades flétries...* (San-Antonio, 1954).

Все прочие случаи представлены единичными примерами: представление о принципах совести, вопросы совести, состояние совести, проблемы совести и прочее: *C'est un huguenot, et comme tous ceux de sa religion, un esprit chagrin et soupçonneux, plus enclin à imposer à tort et à travers les principes de sa conscience rigide qu'à servir avec souplesse les intérêts de son roi.* (A. et S. Golon, 1959); *J'aime trop le marc, le vieux chagrin, l'odeur du pain frais, les gosses qui naissent et la bêtise humaine pour dénoncer quelqu'un, toute question de conscience mise à part...* (F. Dard, 1949); *Des problèmes ? – De conscience, précise-t-il. – Ce sont les plus beaux.* (San-Antonio, 1990).

Исключением в этой подгруппе является часто употребляемое словосочетание *cas de conscience* – 16 случаев: *L'abus étant à peu près régulier dans la profession, et les propriétaires y étant d'ailleurs résignés, on n'avait pas à s'en faire un cas de conscience, quoique Michaud se fût toujours senti un peu gêné d'en tirer profit* (M. Aymé, 1946); *Non, décidément, il fallait que je parle à Julius, que j'essaye de clarifier les choses et, même si je devais ainsi me couvrir de ridicule à ses yeux, je*

me sentirais plus à l'aise à l'avenir pour affronter les autres. J'arrivai chez moi, littéralement harassée par mes cas de conscience, à l'instant où le téléphone sonnait (F. Sagan, 1974).

Волевой признак актуализируется в корпусе примеров французского языка преимущественно «с отрицательным знаком». Большая группа примеров доказывает, что *conscience* оказывается слабой и бессильной. Человек может идти против совести или управлять ею, совесть можно уничтожить, ее можно ослепить, можно заставить ее замолчать и прочее: *Si vous voulez dire que vous brûlerez ma maison, je ne pourrai vous en empêcher. Mais vous ne me ferez pas marcher contre ma conscience*. (J. Benzoni, 1963); *Non, tu ne me feras pas trahir celui qui guide ma conscience comme tu l'as trahi, toi, le chef des Patsukett, à Newchewanick, l'abandonnant dans la bataille pour suivre la femme blanche*. (A. et S. Golon, 1970); *Ils s'en allaient, ils pulvérisaient leur conscience sans remords, et pour la première fois de leur vie ils se sentaient sereins*. (R. Jauffret, 2001); *Leurs biens, leur bonne conscience, leur tranquillité ne sont plus menacés par les barbares, mais par les gens comme nous*. (A. Chainas, 2008); *À cet instant, elle était encore une adolescente farouche qu'un regard d'homme effrayait. Mais en trois jours elle était devenue une fille hardie, prête à prendre tous les risques et à faire taire sa conscience* (F. Dard, 1965).

Продажность совести актуализируется чаще всего посредством глаголов *acheter* и *vendre*, однако, представлены и другие примеры: *Il faut que l'or coule à pleines mains, acheter les consciences, les bonnes volontés, les signatures* (A. et S. Golon, 1959); *Un homme qui acceptait de vendre sa conscience contre une mitre pouvait aussi bien voler, aussi bien trahir* (M. Druon, 1955); *Le dollar est, aux States plus qu'ailleurs, une clé de papier qui ouvre toutes les consciences!* (San-Antonio, 1993); *Nous trouvons ça cher. Il nous montre le cours du jour de la conscience de douanier allemand*. (F. Cavanna, 1965).

Актуализация волевого признака «со знаком плюс» представлена слабо. Не отмечено примеров, свидетельствующих о том, что совесть способна на борьбу с кем-то; борьба, споры, наоборот, могут происходить внутри самой совести, что

делает ее в итоге еще более слабой и уязвимой: *Ah! le combat terrible et rapide dans le cœur et la conscience de Jacques! Frédéric l'examinait avec des yeux d'épouvante.* (G. Leroux, 1925); *Le choix de ceux qui partiraient ou resteraient donna lieu à des débats de conscience dont Angélique devait, une fois de plus, assumer la direction.* (A. et S. Golon, 1966). Единичны примеры, где совесть позволяет или запрещает делать что-либо: *C'est pas banal ce qui m'arrive, mes lectrices-lecteurs, mais moi que vous connaissez bien, qui suis le plus réglo des poulardins, je me sens intimement autorisé par ma conscience à user d'un compromis avec cet inconnu.* (San-Antonio, 1967); *Ficelle venait de plonger dans le petit établissement. Sa conscience lui en avait interdit l'accès pendant ces deux longues heures de guet* (F. Dard, 1958).

В случаях актуализации признака рефлексивности *conscience* выступает не как судья, но как беспристрастный собеседник, с которым договариваются, который задает вопросы, возражает, одобряет и прочее: *Là, Charlie pique la grande crise. Que j'étais qu'un feignant, que Paris c'est Paris, que la presse, les photos et la fanfare, c'était à Paris qu'ils nous attendaient, pas chez ces foutus ploucs pleins de bouse, qu'il avait parié ses économies sur moi et que, si je continuais pas, il piquait droit dans la flotte, tant pis pour moi, je m'expliquerais avec la veuve, les orphelins et ma conscience.* (F. Cavanna, 1965); *Arrangez-vous avec votre conscience et passez cet appel maintenant.* (M. Levy, 2009); *L'avenir nous le dira. Pour l'instant ma conscience objecte, mais en voilà une qui n'a pas voix au chat-pitre.* (San-Antonio, 1968); *Elle a longuement hésité avant de s'y résoudre. Même si sa conscience proteste, elle est convaincue qu'au final, ce sera pour un mieux.* (G. Legardinier, 2017); *C'est seulement en dernier recours que j'utiliserai ce moyen que ma conscience n'approuve pas entièrement, faut dire* (R. Queneau, 1959).

Оценка человеком своих поступков, размышление об их ценности проявляется в том, что *conscience* получает определение *bonne* или *mauvaise*, а также *pure* и *nette*. Примеры, содержащие словосочетания *bonne conscience* и *mauvaise conscience* встречаются очень часто – 47 и 36 случаев соответственно: – *Tu n'es pas très loin de la vérité. Ils font ça surtout pour se donner bonne conscience et*

pour détecter les maladies contagieuses. Notre santé, ils s'en foutent pas mal, je pense. (F. Baranger, 2013); *Quand j'écrivais, sous la date, « Rien de nouveau », c'était avec une mauvaise conscience : en fait une petite histoire, qui n'est ni honteuse ni extraordinaire, refusait de sortir* (J.-P. Sartre, 1938).

Словосочетания *conscience pure* и *conscience nette* встречаются относительно редко: *Il semblait qu'on dormît solidement et la conscience pure à Port-Royal.* (A. et S. Golon, 1972); *Alors que nous, ma petite Olga, regarde : ces milliardaires du monde entier qui viendront en Borostyrie pour vivre l'expérience de la montée vers l'espace et qu'on va faire raquer, ces braves gens auront en plus la conscience nette puisqu'il va s'agir de financer le premier plan d'étude des variations climatiques un peu sérieux dont la planète a besoin* (A. Goetz, 2015). Примечательно, что *conscience pure* и *conscience nette* не имеют прямого антонима. Для обозначения нечистой совести используется все то же выражение *mauvaise conscience*.

Эмоциональный признак – переживание своего несоответствия должному – актуализируется в высокой доле примеров:

1. Чаще всего речь идет о попытках облегчить, успокоить совесть. Безусловным лидером по частоте употребления в этой группе является глагол *soulager* и его производные – 27 примеров: *Le caviste hésita quelques secondes avant de s'exprimer à regret, comme s'il cherchait à soulager sa conscience* (M. Rivière, 2016); – *Chantage à un commissaire? – Ou soulagement de conscience. Je suis à la retraite.* (J.-Ch. Grangé, 2003); – *Ta gueule, champion. Laisse ton frère soulager sa conscience* (K. Giébel, 2013). Зафиксированы, однако, и другие языковые средства, передающие эту идею: *Pour apaiser leur conscience, ils chuchotaient : — Le roi va le gracier ; le roi usera de son pouvoir de grace* (M. Druon, 1960); *Pour calmer votre conscience, laissez-moi vous faire remarquer que, selon votre propre estimation, cet homme est perdu!* (San-Antonio, 1967); *Un objet de pitié, peut-être? Une bonne action pour rassurer ta conscience?* (K. Giébel, 2013); *Mais il avait trouvé des arguments capables de réconcilier sa soif et sa conscience.* (F. Dard, 1958).

2. Не менее часто встречается упоминание о спокойной совести. Прилагательное *tranquille* характеризует совесть в 26 примерах: *Nous pouvons rentrer à Paris la conscience tranquille, afin de nous installer dans son fauteuil encore tiède.* (F. Beigbeder, 2000); *Alors, elle a la conscience tranquille, mon bon ami, et je vous affirme que votre héritier est né avant terme.* (F. Dard, 1945). Отмечены также другие способы передачи идеи спокойной совести: *L'un après l'autre, ils serrèrent la main du vieux et, la conscience sereine, ils s'en allèrent, sans hâte quoique sur la pointe des pieds* (F. Cavanna, 1965); *Il y avait trois nuits, elle s'amusait et dansait à Monégan, et sa conscience était en paix, ne lui reprochait rien de bien grave.* (A. et S. Golon, 1966); *Pour qu'il soit tranquille. Conscience pépère.* (K. Giébel, 2006); *Il ne laissait personne derrière lui. Sa conscience était en repos.* (H. Troyat, 1952); *Pour la paix de ta conscience, tu souhaites que je trouve une présence féminine.* (F. Dard, 1968).

3. Довольно редко встречаются примеры, в которых говорится о муках совести: *En vérité nous l'avons tuée la duchesse et voilà pourquoi notre conscience nous tourmente.* (A. et S. Golon, 1976); *Je pensais que mes arguments troubleraient assez votre conscience pour que vous n'osiez plus menacer ma liberté.* (H. Gougoud, 1984); *Et de fil en aiguille, il m'a raconté sa petite ombre à lui, la plaie de sa conscience, et ses varices aussi qu'il voyait à la manière de méandreuses mortifications* (Ph. Claudel, 1999); *Eux, c'est toute leur vie qu'ils auront à passer misérables, opprimés, pourchassés, soit dans l'inconfort d'une conscience avilie par l'abjuration, soit contraints à affronter les dangers d'un exil devenu presque impossible car les frontières seront fermées et surveillées et déjà aujourd'hui tout Français réformé qui est pris sur le chemin de Genève est arrêté et jeté en prison sans autre forme de procès.* (A. et S. Golon, 1980); *D'aucuns essayaient d'alléger le malaise de conscience général en disant que le Lieutenant de Police n'avait pas l'air plus sombre ni moins rogue que de coutume et qu'il n'y avait rien de sérieux dans ces ragots et pas de quoi mettre en branle la justice* (A. et S. Golon, 1980). К этой подгруппе можно также отнести примеры, свидетельствующие о кризисе совести – 9 случаев: *Elle s'y attendait, Félicie, à ma*

crise de conscience. (San-Antonio, 1963); – *Pour moi, un ordre, c'est un ordre! Je suis pas un cérébral, j'ai pas des crises de conscience façon gonzesse* (San-Antonio, 1967).

В единичных случаях также отмечена одновременная актуализация:

1) волевого и эмоционального признака: *Philippon était trop honnête homme pour se résoudre à étouffer l'affaire sans un déchirement préalable de sa conscience* (M. Aymé, 1936); *Si vous pouviez me faire quatre pages, je les recopierais ce soir. M. Coutelier, inspecteur primaire en retraite, sentit à cette proposition se cabrer sa conscience d'éducateur, et son sourire, qu'il avait voulu aimable, s'effaça de son visage* (M. Aymé, 1946).

2) рефлексивного и эмоционального признака: *On a fait mille efforts pour parler la langue du pays où l'on se trouvait, de son interlocuteur : souci qui honore la jeune mentalité américaine sensible à la question du respect envers les minorités. Mais là encore, rendre visite aux minorités là où elles sont majoritaires, chez elles, n'y a-t-il pas de quoi frissonner de bonne conscience ?* (A. Goetz, 2005); *Ah! le combat terrible et rapide dans le cœur et la conscience de Jacques!* (G. Leroux, 1925); *Elle oubliait la star, redevenait une adolescente se rendant en cachette à des rendez-vous interdits. Elle soignait ainsi sa bonne conscience, certaine que ces rencontres rendaient sa fin de vie moins pénible* (K. Giébel, 2013); *Elle se distinguait fort peu du mensonge. Là où il disait vrai, ce vrai incluait du faux : il n'avait abjuré ni la religion chrétienne ni la foi catholique, mais il l'eût fait, s'il l'eût fallu, avec une tranquille bonne conscience, et fût peut-être devenu luthérien s'il était retourné, comme il l'avait espéré, en Allemagne* (M. Yourcenar, 1968).

3) личностно-нормативного и эмоционального: *Il est la victime d'une bonne conscience bourgeoise pour qui, lorsqu'on a fauté une fois, c'est pour la vie* (J.-Ch. Grangé, 2018); *Vous n'avez vu de moi que les craintes, les remords et les scrupules de la conscience, non pas même de la mienne, mais de celle des autres, que je prenais pour guide* (M. Yourcenar, 1929).

4) личностно-нормативного и волевого: *Bel exemple de cas de force majeure bousculant le cas de conscience!* (H. Bazin, 1978).

В том случае, когда *conscience* получает определение, она указывает на групповые нормы, на этические принципы, следование которым ожидается от человека как члена группы, выделяемой по некоторому признаку (профессиональному, религиозному, национальному, социальному и т.п.). Как и в русском языке, это не отрицание личного характера совести, а акцентуация определенных убеждений человека или группы людей: *Si vous pouviez me faire quatre pages, je les recopierais ce soir. M. Coutelier, inspecteur primaire en retraite, sentit à cette proposition se cabrer sa conscience d'éducateur, et son sourire, qu'il avait voulu aimable, s'effaçait de son visage* (М. Аymé, 1946); *Honoré entendait ne transiger ni avec sa rancune ni avec sa conscience de républicain* (М. Аymé, 1933); *Il est la victime d'une bonne conscience bourgeoise pour qui, lorsqu'on a fauté une fois, c'est pour la vie* (J.-Ch. Grangé, 2018); *Les Milouin, surtout les parents, surent présenter les choses comme une menace et une insulte aux consciences chrétiennes* (М. Аymé, 1929); *Il m'a dit, mon petit, une idée comme ça, ça vaut de l'or, je t'engage tout de suite. Je lui ai répondu, mon petit Bob, c'est chic de ta part, mais moi, j'ai ma conscience d'artiste et je ne travaille pas à l'esbroufe* (М. Аymé, 1946); *De temps en temps, la porte s'ouvrait, on prenait par le bras le premier bonhomme qui se trouvait là et il partait entre deux Miliciens, histoire de se faire vérifier et de voir si sa conscience de bon Français fonctionnait toujours bien* (А. Хéлена, 1949); *À quoi cela aurait-il servi que je vienne troubler votre conscience de parfait fonctionnaire?* (А. et S. Golon, 1980).

Семантические признаки лексемы *conscience* в иллюстративном корпусе текстов отражены в таблице 6.

Таблица 6. Семантические признаки лексемы *conscience* в иллюстративном корпусе текстов

Признак	Количество примеров	%
Эмоциональный	105	29

Рефлексивный		105	29
Личностно-нормативный		87	24
Волевой		55	15
Эмоциональный рефлексивный	+	4	1
Эмоциональный + волевой		3	< 1
Волевой + рефлексивный		2	< 1
Личностно-нормативный волевой	+	1	< 1
Личностно-нормативный + эмоциональный		1	< 1
Всего		363	100

Родовые признаки актуализируются в единичных случаях, когда *conscience* перечисляется в ряду других качеств без уточнения: *Pour certaines tribus de la Nouvelle France, il n'y a pas de plus grand héros que le célèbre père Jogues, martyr des Iroquois. Mais chacun est libre de sa conscience et de ses convictions.* (A. et S. Golon, 1956); *Dans le calme opaque de l'habitacle de sa voiture, sans radio et téléphone éteint, elle avançait seule. Seule avec sa conscience, seule avec ses doutes, seule avec sa colère. Et sa peur* (F. Thilliez, 2018). Родовое понятие-гипероним при этом отсутствует.

Анализ контекстуальных синонимов совести демонстрирует следующую картину. Чаще всего рядом с *conscience* можно увидеть *âme* в словосочетании *en (son) âme et conscience* (19 случаев), реже – *cœur* (6 случаев) и *mains* в словосочетании *sur les mains* (5), значительно реже – *tranquillité* (2), *paix* (2), *devoir* (2), *sentiment* (2). Лишь по одному разу встречаются лексемы и их сочетания *punctualité*, *amour*, *passion*, *instincts*, *biens*, *convictions*, *tentateur*, *acharnements*, *mérite*, *charme*, *doctrine*, *intérêts*, *doutes*, *colère*, *peur*, *bonne aspect*,

culpabilité, faute, plaisirs suspects, esprit inventif, soif, culot, mauvaise bouche, oeil clair, rancune, gens de cœur, reproches, jeu, eau, croyance, vie, veuve, orphelins, foie.

Распределение контекстуальных синонимов по семантическим областям следующее:

- эмоциональная (*tranquillité, amour, sentiment, colère, peur, rancune, passion, acharnements, plaisirs suspects, reproches*): 10 синонимов, 12 случаев;
- этическая (*mérite, devoir, culpabilité, faute*): 4 синонима, 5 случаев;
- религиозная (*âme, croyance*): 2 синонима, 20 случаев;
- идеологическая (*convictions, doctrine*): 2 синонима, 2 случая;
- когнитивная (*esprit inventif*): 1 синоним, 1 случай;
- социальная (*vie, biens, paix, jeu*): 4 синонима, 4 случая;
- физиологическая (*cœur, instincts, mains, mauvaise bouche, oeil clair, soif, foie*): 7 синонимов, 16 случаев;
- прочее (*ponctualité, tentateur, charme, intérêts, doutes, bonne aspect, culot, gens de cœur, eau, veuve, orphelins*): 11 синонимов, 11 случаев.

Таким образом, бóльшая часть контекстуальных синонимов относится прежде всего к эмоциональной и физиологической сферам, но по частотности употребления лидируют синонимы религиозной сферы.

В нескольких случаях используются контекстуальные антонимы, причем в двух – антонимами выступают те же лексемы, которые в других примерах являются контекстуальными синонимами лексемы *conscience*: – *Je n'ai pas besoin d'une conscience, mais d'un coup de main* (G. Legardinier, 2016); *Il a juste aidé des sociétés à prospérer. Il ne s'est pas sali les mains, juste la conscience. Il a fait des concessions à la morale, a fermé les yeux lorsque ça l'arrangeait* (K. Giébel, 2014). Однако, встречаются и другие контекстуальные антонимы: *La conscience légère mais l'estomac bondé, nous rejoignons notre hélico et, bientôt, c'est le décollage vertical somptueux près de l'admirable façade verte et rouge dont l'appareil fait frémir les rideaux (car plusieurs fenêtres en sont ouvertes)* (San-Antonio, 1992); *Mais, hélas,*

je ne suis qu'un honnête garçon... Trop de conscience et pas suffisamment de culot pour vivre convenablement notre époque, vous voyez ce que je veux dire? (F. Dard, 1957); – *Il ne suffit pas d'avoir fait des études classiques et d'exercer une profession libérale pour être un bourgeois. Ce qui n'empêche pas que tu en sois un et de l'espèce la plus dégradée et emmerdante, celle qui a une conscience et pas de reflexes* (M. Aymé, 1946); *Bel exemple de cas de force majeure bousculant le cas de conscience!* (H. Bazin, 1978).

Фразеологизмы с лексемой *conscience*, имеющие иное, хотя и семантически близкое значение со значением сигнальной лексемы, составляют особый случай. В таблице 7 представлены отсортированные по частоте фразеологизмы из французского иллюстративного корпуса.

Таблица 7. Фразеологизмы с лексемой *conscience* в иллюстративном корпусе текстов

Фразеологизм	Значение или объяснение	Количество	%
<i>sur la/sa conscience</i>	на совести, об ответственности или вине	51	19
<i>par acquit de conscience</i>	для очистки совести, на всякий случай	48	18
<i>conscience professionnelle</i>	добросовестность	44	16
<i>avoir mauvaise conscience</i>	чувствовать себя виноватым	35	13
<i>en (toute) conscience</i>	по совести, честно говоря	23	9
<i>en âme et conscience</i>	честно, по совести	19	7
<i>examen de conscience</i>	анализ своих поступков	14	5
<i>se donner bonne conscience</i>	найти себе оправдания	13	5
<i>avec (une) conscience</i>	с усердием	12	5

<i>directeur de conscience</i>	духовный наставник	7	3
Всего		266	100

Итак, можно констатировать, что наиболее частотны фразеологизмы *sur la conscience*, *par acquit de conscience*, *conscience professionnelle*. Согласно TLFi, *avoir qqc. sur la conscience* означает «avoir **un grave manquement à la morale à se reprocher**». Корпус примеров подтверждает, что во французском языке на совести лежат преимущественно тяжкие грехи – смерть, преступления: *Voyez ce que vous appelez les bienfaits de votre amour: bientôt, vous aurez deux mortes sur la conscience* (A. Nothombe, 1998); *Si je me souviens bien de cet article de journal relatant la triple évasion, les deux autres avaient des crimes sur la conscience?* (G.-J. Arnaud, 1977); *Un double meurtre sur la conscience!* (J. Benzoni, 2014); *C'est fou le nombre de méfaits dont il nous accusait, à part d'avoir baisé sa femme et pissé dans son puits, fallait croire qu'on avait sur la conscience tous les méfaits du monde* (A. Hélène, 1951); *Biensûr, elle n'aurait ni les papiers, ni le fric. Mais elle n'aurait pas non plus un nouvel assassinat sur la conscience* (K. Giébel, 2006); *Le roi des ribauds avait tiré de la prison un méchant drôle appelé Bétrouve, Pierre Bétrouve... eh bien, ce nom-là, vous voyez, je m'en souviens, allez savoir pourquoi... qui avait quatre homicides sur la conscience, ce qui paraissait une bonne préparation au travail qu'on allait lui confier, en échange d'une lettre de rémission délivrée par le roi* (M. Druon, 1977); *Et comme ceux qui travaillaient n'avaient pas de goût à les écouter, ni de temps à perdre, ils causaient avec les enfants, et des fois, ils leur montraient ce qu'on devient à soixante-quinze ans. Le curé ne s'en effrayait pas pour les enfants, mais bien pour les vieux, qui risquaient d'être emportés par une rupture d'anévrisme ou de n'importe quoi, avec un noir péché sur la conscience* (M. Aymé, 1933).

Лишь несколько раз фразеологизм *sur la conscience* употребляется не в отношении тяжких грехов. В одном случае автор философствует, задает риторический вопрос: *J'avais compris: ce gars-là n'était pas franc, il avait quelque chose sur la conscience. Mais qui, aujourd'hui, n'avait pas quelque chose sur la*

conscience? (A. Héléna, 1951). В другом случае мелочность, лицемерие и фальшь лежат тяжким грузом не на совести, а скорее на сердце: *Mais Angélique, durant le spectacle, ne cessa de se demander pourquoi M. de Solignac et les grands nobles de la Compagnie du Saint-Sacrement avaient vu rouge à l'apparition de cette pièce. Ils devaient en avoir lourd sur la conscience de mesquinerie, d'hypocrisie et de fausseté pour s'être crus attaqués par l'image de ce Tartuffe d'un bas milieu, ignorant, sans éducation et dont l'escroquerie aux bons sentiments ne ressemblait guère à leur intransigeance moyenâgeuse* (A. et S. Golon, 1959).

Отмечены единичные случаи, в которых речь идет об отсутствии совести: *Je suis jeune, mais tu as de l'expérience... Je suis jolie, mais tu es belle... Je suis fraîche, mais tu n'as pas de conscience... Qui va gagner, ma poule, d'après toi!* (F. Dard, 1958); *Les armes sont choses saintes et bonnes, pensait-elle. Il faut des armes pour les faibles dans un monde sans doctrine, sans conscience.* (A. et S. Golon, 1964); *Celui qui ne ment pas est dénué de sentiments, celui qui dit la vérité n'a pas de conscience* (F. Thilliez, 2002); *La honte, ça se commande pas. On lui disait : – T'as pas de conscience. Parce que nous, on est pour la morale* (F. Cavanna, 1965); – *Vous ne pourriez pas être l'une de ces brutes sans conscience, qui tuent sans éprouver le besoin de venir s'expliquer et se justifier ensuite pendant des heures?* (A. Nothomb, 2001).

Редкие примеры об отсутствии совести свидетельствуют, что наличие совести во французской картине мира подразумевается априори, ее же отсутствие встречается нечасто и, в основном, влечет за собой тяжкие преступления, а не просто нарушение норм поведения.

То же самое касается выражений, в которых совесть уподобляется веществу, которого у человека осталось немного – такой пример единичен: *J'étais confondu. Ces gens-là n'avaient donc pas la moindre parcelle de conscience? Ils m'envoyaient à la mort avec un calme effroyable* (F. Dard, 1957). Обратная ситуация, где совести слишком много, тоже зафиксирована лишь однажды: *Mais, hélas, je ne suis qu'un honnête garçon... Trop de conscience et pas suffisamment de culot pour vivre convenablement notre époque, vous voyez ce que je veux dire?* (F. Dard, 1957).

Совесть во французской ЯКМ не теряется, не портится, ее состояние статично. Вместо утверждения об отсутствии совести у человека про его совесть говорят метафорично: *Et si vous voulez le fond de ma pensée, vous avez la conscience en berne* (San-Antonio, 1963); *En récupérant la plaquette, ils viennent de juguler l'unique fuite du complot. Profané, meurtri, la dignité pleine de morpions, la conscience professionnelle en haillons j'attends l'heure de pouvoir me casser* (San-Antonio, 1992); *Il allait éclaircir ce mystère. Ma conscience ferrailait comme une vieille bécane déglinguée* (San-Antonio, 1994); *Leur conscience a des limites et je ne doute pas de son élasticité* (San-Antonio, 1994); *Si tu me disais tout, on gagnerait du temps et ça mettrait une rustine à ta conscience qui fuit!* (San-Antonio, 1968).

Не зафиксировано примеров, где призывали бы иметь совесть, что также, вероятно, связано с ее априорным статусом.

В корпусе иллюстративных примеров нет случаев, где автор попытался бы дать определение совести или порассуждать о том, что есть совесть. Однако, опосредованно можно сделать заключение, что угрызания совести имеют социальную природу: *L'affaire Seznec m'a toujours passionné et je porte en moi cette infamie qui a amené des jurés à condamner un homme pour meurtre sans qu'on ait jamais retrouvé de cadavre ni recueilli d'aveux. J'étais tout même que, déjà, ce grand type à la gueule saccagée déambulait dans cette partie collective de ma conscience où s'accumulent les remords relatifs à des actes qu'on n'a pas commis mais auxquels on participe bon gré mal gré en qualité de citoyen* (San-Antonio, 1993); что совесть взаимодействует не только со своим носителем, но и с другими людьми: *J'avais acquis une aptitude singulière à deviner les vices ou les faiblesses cachés; ma conscience, mise à nu, me révélait celle des autres* (M. Yourcenar, 1929); *Vous n'avez vu de moi que les craintes, les remords et les scrupules de la conscience, non pas même de la mienne, mais de celle des autres, que je prenais pour guide* (M. Yourcenar, 1929).

Наличие совести подразумевается у каждого честного француза: *D'abord sortir au plus tôt de cette galère. De temps en temps, la porte s'ouvrait, on prenait par le bras le premier bonhomme qui se trouvait là et il partait entre deux Miliciens,*

histoire de se faire vérifier et de voir si sa conscience de bon Français fonctionnait toujours bien (A. Hélène, 1949);

Нередко совесть характеризуют иронично: *Le Président n'est responsable que devant Sa conscience. On pratiquera chaque matin le test du miroir: lorsque le Président ne pourra plus Se regarder en Se rasant, c'est qu'il aura mauvaise conscience. Il sera alors immédiatement procédé au remplacement du miroir (F. Cavanna, 1965); On ne souffre pas de ses vices, on souffre seulement de ne pouvoir s'y résigner. Je connus tous les sophismes de la passion; je connus aussi tous les sophismes de la conscience. Les gens se figurent qu'ils réprouvent certains actes parce que la morale s'y oppose; en réalité, ils obéissent (ils ont le bonheur d'obéir) à des répugnances instinctives (M. Yourcenar, 1929); Et d'une certaine manière c'était vrai. Pourtant, l'esprit de Joshua Brolin n'était plus asservi à la pesanteur de sa conscience depuis qu'il s'était détaché du système ; il avait compris que la conscience n'était que l'instrument vicieux de ceux qui gouvernaient le monde et en érigeaient les lois et les religions. La mort de Shapiro ne pesait dans sa balance personnelle pas plus qu'une plume (M. Chattam, 2003); Il ne s'éveilla que le lendemain à sept heures et, après avoir hésité un moment s'il avait mal au foie ou à la conscience, se souvint tout à coup de son rêve (M. Aymé, 1946); – Les consciences, faut en changer tous les deux ans, dit Fred (F. Cavanna, 1965); Un réseau moderne, performant. Ah, les bons communicants, c'est pas eux qui descendent ici... Certains disent que les égouts, c'est la conscience de la ville, que tout y converge et s'y confronte. Hormis la merde, je vois pas ce qu'il y a d'autre (F. Thilliez, 2015).*

В уста отрицательных героев вкладывается понимание совести как бесполезной вещи. Присутствуют примеры, в которых транслируется пренебрежительное отношение к совести, иногда при помощи инвектива: – *Qui me parle? Ma conscience? Un de ces êtres pervers qui rôdent dans des appartements supposés privés? (G. Legardinier, 2016); Hélas... Voilà ma conscience professionnelle, cette garce intraitable, qui refait des seins (San-Antonio, 1968); *Nous aurions tellement aimé que quelqu'un entre et nous demande ce que nous faisons là, quelqu'un**

qui nous aurait parlé, que nous aurions pu voir, approcher, un double de Maher, plus pauvre, plus vieux, plus triste, humble, menaçant, sans projets, sans fortune, quelqu'un qui aurait pu nous injurier, nous traiter de voyeurs, de flics, d'intrus, de vendus. Notre mauvaise conscience était un peu niaise. Nous n'avons rien dit à Maher (A. Goetz, 2006); Si tu ne fais pas exactement tout ce que je vais te dire, je te farcis tellement la cervelle que ta tête sera plus lourde que ta saloperie de conscience (San-Antonio, 1964).

Иногда в одном примере транслируется одновременно уважительное и пренебрежительное отношение к совести: *Maryse revient, les tétons dressés, le tablier de sapeur épilé du pourtour et géométrique comme la coupe de cheveux d'un punk. Cas de conscience san-antonien. La traité-je «avant» ou «à la place»? Tout mon lard me pousse à la jouissance, mais ma conscience (réputée bonne conseillère, cette conne) me dit qu'il n'est pas fair-play de tirer une sœur qu'on se propose de médicamenter. C'est vraiment vouloir le beurre et l'argent du beurre (San-Antonio, 1994).*

В одном из примеров в интимной жизни героя наряду со стыдом упоминается его совесть: *Ce fut en vain. Ferdinand ne pouvait tolérer qu'elle portât la main sur sa virilité, car dans l'acte de chair pur et simple tel qu'il l'entendait, ce qui rassurait un peu sa pudeur était qu'il se passât entre parties honteuses, à l'écart des régions où il situait la conscience morale ; et les doigts d'une main lui semblaient précisément appartenir à cette conscience. Mme Haudouin était donc revenue peu à peu à ses habitudes de jeune fille, y associant l'image de l'agent de police qui offrait par sa carrure, sa physionomie bovine et bienveillante, un contraste reposant avec le vétérinaire (M. Aymé, 1933).*

Иногда размышляющие герои приходят к выводу, что другой человек является или не является их совестью: *Qu'est-ce que penserait Michaud? Je peux dire que tu es presque devenu ma conscience. Michaud, très ému, protestait qu'il ne méritait pas tant de confiance, qu'il était, comme tout le monde, capable de parti pris, d'injustice, de faiblesse, d'aveuglement. Toutefois, il admettait en lui-même que cette*

confiance n'était pas mal placée et il pensait, avec tristesse, que malgré sa profonde amitié pour Lolivier, celui-ci ne deviendrait jamais sa conscience. C'était une pensée gênante comme une trahison (M. Aymé, 1946); *Désormais le médecin allait devoir se surveiller, refréner ses élans d'époux et ne jamais oublier qu'il était père. Les yeux d'un fils sont ceux d'une conscience* (F. Dard, 1945).

Особняком стоят немногочисленные случаи, в которых человека метафорически называют совестью группы или территории: *M. Vincent, pensa-t-elle, est-ce là le grand Monsieur Vincent? Celui que le marquis du Plessis appelle la Conscience du Royaume? Celui qui oblige les nobles à servir les pauvres?* (A. et S. Golon, 1956); *Et ils vous seront remis à vous, Monseigneur, car vous êtes la conscience de l'Église de la Nouvelle-France* (A. et S. Golon, 1980).

Обратная метафора, где группа называлась бы совестью людей, в примерах не встречается.

3.3. Образная составляющая

3.3.1. Образная составляющая во фразеологии

Источниками материала для исследования представлений о совести во французской фразеологии являются словари французского языка [LDF, TLFi, DAF9, GRLF, LEDLF, ФРФС, ФРСАТ].

Образный компонент концепта *conscience* представлен во французской фразеологии довольно разнообразно. При анализе ФЕ с лексемой *conscience* прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что *conscience* имеет черты человеческой личности. Антропоморфизация детерминирует *conscience* не просто как некоего обезличенного человека, а придает концепту образы разных людей – например, девушки, которая может быть чистой (*conscience pure*), хорошей или доброй (*bonne conscience*), нежной и деликатной (*conscience tendre, conscience délicate*), которую можно смутить (*gêner la conscience*). У *conscience*-девушки есть свои секреты (*le secret de la conscience*). Этот образ *conscience* не только добрый и

нежный, но и слабый. Французская *conscience* может быть развращена (*corrompre les consciences*), в самом худшем варианте над ней совершается насилие (*violenter la conscience*). В лучшем – она вступает в брак (*mariage de conscience*).

Conscience также осмысливается как противник. Этот противник может быть ранен (*blessier la conscience*), иногда он сдается, капитулирует (*capitulation de conscience*). С ним можно вступить в сделку (*composer avec sa conscience*), пойти на сговор (*pactiser avec sa conscience*) и пойти на примирение (*trouver des accommodements avec sa conscience*). После сражения он успокаивается (*apaiser sa conscience, la conscience en paix*) и отдыхает (*assurer le repos de sa conscience, la conscience en repos*).

Другой антропоморфной метафорой выступает *conscience* в роли ученика. Его можно направлять (*diriger la conscience*) и даже вести куда-то (*conduire la conscience*), эти функции может выполнять его руководитель или директор (*directeur de conscience*). Подобно ученику *conscience* может быть опрошена (*interroger sa conscience*). Идея школьной или учебной риторики поддерживается также образом *conscience* как учебной дисциплины. Словари фиксирует ФЕ *examen de conscience, lire dans les consciences, la dictée de conscience*, а также *le dictamen de conscience*, в котором заимствованный из латыни философский термин *dictamen*, означающий *ce que dicte la conscience*, встречается исключительно в этом фразеологизме [DAF9, LEDLF].

Независимо от многоликости концепта *conscience*, его образу характерны общечеловеческие черты. Так, *conscience* имеет голос, который можно при необходимости заглушить (*étouffer la voix de sa conscience*), этот голос зовет (*appel de la conscience*) и даже кричит (*cri de la conscience*). Поучительный характер *conscience* выражается в ее способности упрекать (*conscience qui reproche*), при этом она сама является безупречной (*conscience sans reproche*) и одобрять (*tenir à l'approbation de sa conscience*), для сомневающегося она способна проложить путь (*prendre le chemin tracé par la conscience*). У *conscience* в образе человека имеются радости и угрызения (*les joies de la conscience, les remords de la conscience*,

scrupule de conscience), с ней случаются кризисы и драмы (*crise de conscience, drame de conscience*). Она выступает свидетелем преступлений (*le témoignage de la conscience*) и в то же время устраивает суд над своим обладателем (*le tribunal de la conscience*). Это не простой суд по гражданским делам, это военный суд, и он требует подчинения (*obéir à sa conscience*).

Подобно человеку *conscience* может иметь психоэмоциональное состояние – спокойствие, встревоженность, боязливость (*conscience tranquille, conscience inquiète, conscience timorée, alerter les consciences*), а также уверенность (*en sûreté de conscience*). Как и человеку, ей свойственна свобода (*liberté de conscience*), однако, состояние свободы не является априорным, ее свобода достигается. *Conscience* можно освободить (*libérer sa conscience*), но нет такого фразеологизма, который бы свидетельствовал, что ее можно пленить.

В «человеческом» образе концепта *conscience* присутствует амбивалентность: *conscience* бывает доброй и злой (*bonne conscience vs. mauvaise conscience*), она может выступать тираном-мучителем или жертвой тирании (*être tourmenté par sa conscience, opprimer les consciences vs. conscience bourrelée*).

Во фразеологии французского языка *conscience* не только персонифицируется, но и «опредмечивается». Словари фиксируют достаточное количество ФЕ с глаголом *avoir*, который характеризует *conscience* как некую принадлежность, нечто, чем можно обладать (*avoir de la conscience, avoir la conscience en paix, avoir la conscience en règle, avoir la conscience en repos, avoir la conscience large, nette* и пр.). Обратное положение вещей также отражается в словарных статьях – *homme sans conscience, être sans conscience, faire qqc. sans conscience, manquer de conscience, ne pas avoir de conscience*. С другой стороны, *conscience* не просто присутствует или отсутствует, ФЕ *mettre beaucoup de conscience dans son travail* указывает, что у *conscience* есть количественные характеристики, ее может быть много.

«Вещные» коннотации концепта не менее разнообразны, чем его «человеческие» коннотации. *Conscience* осмысливается как товар, который можно

купить (*acheter les consciences, s'acheter une bonne conscience*) или продать (*vendre sa conscience*). Она продажна (*conscience vénale*), но ее цена не фиксирована, при покупке можно поторговаться (*marchander la conscience de qqn*). *Conscience*-вещь имеет следующие характеристики: вес, размер, форму, чистоту, физические свойства (*conscience légère, lourde, large, haute conscience, conscience droite, nette, élastique, souple*). Причем характеристика «чистота» не является неизменной – французскую *conscience* можно очистить (*purger sa conscience*).

К «вещным» коннотациям французской *conscience* можно отнести ее образ как поверхности, в чем она схожа с русской совестью. Ср: *avoir qch sur la conscience* – иметь на совести, *avoir un poids sur la conscience* – иметь груз на совести, *rester sur la conscience* – оставаться на совести). С русской совестью французскую *conscience* роднит также идея о норме, своде правил, которым следует действовать. Ср: *agir en conscience* – жить по совести, *faire qch contre/selon/suivant la conscience* – делать что-то по/против совести.

Сочетаемость французского слова *conscience* описывает его образ как груз или ношу. Эта ноша может быть легкой или тяжелой (*conscience légère, conscience lourde*), ее можно взвалить на себя (*se charger la conscience*) или облегчить (*soulager la conscience, décharger la conscience*). Ошибки добавляют груза этой ноше (*charger sa conscience d'une faute*).

Французская *conscience* также отождествляется с неким вместилищем (*dans sa conscience, au for de la conscience, dans l'intimité de la conscience*). М. К. Голованивская называет этот образ подвалом. Это «своего рода подвал внутри человека, куда он может спуститься и там услышать голос, крик совести, именно там он может разговаривать с ней. Именно внутри человека, подобно органу, находится болезненная, уязвленная совесть, совесть, потерявшая покой, совесть затвердевшая, то есть утратившая признаки жизни» [Голованивская, 2009, с. 208]. Представляется все же, что если *conscience* и транслирует образ подвала при помощи ФЕ *pénétrer dans les consciences, descendre dans sa conscience, sonder les consciences*, то в этом образе нет явно негативного оттенка, поскольку

conscience-подвал можно не только затемнить, но и осветить (*obscurcir les consciences, éclairer les consciences*).

Существуют немногочисленные ФЕ, которые фиксируют образ *conscience* как некоего многозначного понятия, которое англичане называют *issue*, имеющего перевод на русский язык «дело, ситуация, вопрос (в т.ч. юридический), проблема, спор». Этому образу соответствуют словосочетания *cas de conscience, clause de conscience, débat de conscience, conscience chatouilleuse*.

Таким образом, можно сделать вывод, что *conscience* через призму фразеологизмов французского языка предстает концептом, транслирующим одновременно несколько разных образов – это нежная и беззащитная девушка, это слабый противник, с которым договариваются и который капитулирует, это ученик, которого направляют. В «человеческом» образе *conscience* превалирует признаки слабости и компромиссности концепта. Среди «вещных» коннотаций преобладает образ концепта как предмета купли-продажи.

3.3.2. Образная составляющая в паремиологии

Во французском паремиологическом фонде также представлены разнообразны́е типы метафор.

Conscience во французских паремиях не имеет противопоставления добрая/злая, но может иметь разные характеристики, такие как силу, чистоту, размер и пр.: *petite, belle, bonne, monde/munde, large, faible. Petite conscience et grande diligence font l'homme riche à Vallance. L'argent volé vault jamais ce qu'il coûte ; bonne conscience coûte jamais ce qu'elle vault. Qui aime la pratique et science du monde, ne peut avoir la conscience monde. Il est faible de conscience et de cerveau. J'ai la conscience aussy large que les houseaux d'un Escossois.*

Она персонифицируется, приобретая черты человеческой личности. При помощи антропоморфной метафоры в пословицах передается идея того, как

подобно человеку *conscience* ложится спать, спит, судит, выпрыгивает в окно: *Une bonne conscience se couche et dort sereinement. Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience. Quand on te loue en vertu ou science, de ce sois juge en ta propre conscience.* Подобно человеку, *conscience* обладает голосом, который нужно слушать: *Mieux vault écouter la voix de la conscience, que le bruit de la renommée.* У человека может быть не одна совесть, второй совестью может выступать старый друг: *Un vieux ami est une seconde conscience.* Кроме того, совесть, как и человека, можно смутить/расстроить – *À conscience troublée, jambes molles.*

Так же часто, как антропоморфная метафора, во французских паремиях используется реиморфная метафора. Совесть можно уладить, как конфликт, или проверить, как часы: *Si le vent vient t'atteindre à travers une fente, dicte ton testament et règle ta conscience.* Ею можно нечасто пользоваться, чтоб она не мешала жить: *On peut user une fois l'an de sa conscience.* Подобно материи, совесть может расширяться: *Quand la bourse se rétrécit, la conscience s'élargit.* Нечистую (фр. *large* – широкую, просторную) совесть сравнивают с рукавом кордельера или гетрами шотландца: *Il a la conscience large comme la manche d'un cordelier. J'ai la conscience aussy large que les houseaux d'un Escossois.* Чистая совесть (по фр. *bonne* – хорошая, добрая) сравнивается с хорошей подушкой (пословица, имеющая кальку в русском языке), она также является здоровьем души: *Une bonne conscience est un bon oreiller. La bonne conscience est la santé de l'âme.* Душа и совесть находятся в более тесной взаимосвязи во французских паремиях, чем в паремиях русских. Так, исповедник может очистить совесть, как лекарь тело и как адвокат кошелек: *L'avocat purge la bourse, le médecin le corps, et le confesseur la conscience.* Совесть выступает для души зеркалом, в которое порой не хочется смотреться: *La conscience à l'âme est comme le miroir où quand on est trop laid on ne veut plus se voir.* И, наконец, наука без совести – ни больше, ни меньше, а разрушение души: *Science sans conscience, n'est que ruine de l'âme.*

Другими примерами реиморфной метафоры являются сравнение совести с органом, на который можно положить руку (ср. «положа руку на сердце»): *La femme qui met la main à sa conscience, ne peut plus dire du mal de sa voisine*. И народная мудрость подсказывает, что лучше на совести ничего не иметь: *Vault mieux les avoir sur les bras que sur la conscience*. Совести можно лишиться при определенных обстоятельствах: *Le jeu nous dérobe le temps, l'argent et la conscience*.

3.3.3. Образная составляющая в корпусе примеров

В корпусе иллюстративных материалов представлена большая часть ФЕ и соответствующих метафор совести.

Образная представлена случаями переноса смысла слова «совесть» на человека, который может называться совестью как группы лиц, так и страны, организации и даже временного отрезка: *Et ils vous seront remis à vous, Monseigneur, car vous êtes la conscience de l'Église de la Nouvelle-France* (A. et S. Golon, 1980), *M. Vincent, pensa-t-elle, est-ce là le grand Monsieur Vincent? Celui que le marquis du Plessis appelle la Conscience du Royaume? Celui qui oblige les nobles à servir les pauvres?* (A. et S. Golon, 1956); *Grand homme de la Turquie libre et moderne, il fut jusqu'à sa mort une de ces « hautes consciences du siècle » dont se régalaient les journalistes qui ne lisent jamais rien* (A. Goetz, 2003).

Можно отметить, что синтаксически исходная «ядерная» модель N P N не встречается, однако, однажды встречается ее вариация: *Les yeux d'un fils sont ceux d'une conscience* (F. Dard, 1945).

К пространственной метафоре можно отнести представление о совести как о поверхности. На этой поверхности находятся разнообразные предосудительные поступки и грехи, чаще всего смерть (*mort, assassinat, meurtre, sang*): *Vous aurez ma mort sur la conscience* (G.-J. Arnaud, 1977); *Si je me souviens bien de cet article de*

journal relatant la triple évasion, les deux autres avaient des crimes sur la conscience? (G.-J. Arnaud, 1977); *Mais elle n'aurait pas non plus un nouvel assassinat sur la conscience* (K. Giébel, 2006); *Peut-être qu'il a beaucoup de péchés sur la conscience!* (San-Antonio, 1993); *De toute façon, cette histoire de vin n'a aucune importance. Avec tout ce que nous avons sur la conscience et qui pourrait nous valoir l'estrapade, la pendaison ou le bûcher, quatre barriques de vin, si bon soit-il, ce n'est qu'une futilité* (A. et S. Golon, 1976). На совести может лежать даже все зло мира: *C'est fou le nombre de méfaits dont il nous accusait, à part d'avoir baisé sa femme et pissé dans son puits, fallait croire qu'on avait sur la conscience tous les méfaits du monde* (A. Hélène, 1951). Преступление можно взять себе на совесть: *Au lieu de se mettre un crime sur la conscience, il aurait pu tout aussi bien se contenter d'écrire des lettres anonymes de ce goût-là* (M. Aymé, 1936). Груз может оставаться на совести: *Il ne me parlait jamais d'argent mais c'était pour y penser davantage, plus intimement. Les démêlés de Robinson avec la famille Henrouille je les gardais, assez incompris encore, sur la conscience et souvent j'essayai de lui en raconter des bouts et des épisodes à Baryton* (L.F. Céline, 1932); *Dis voir, Hans, tu n'aurais pas lu cette nuit un Kriminal Roman qui te serait resté sur la conscience?* (F. Dard, 1963).

Иногда пространственная метафора представлена образом совести как объемной геометрической фигуры, у которой имеется поверхность и глубина: *Si loin et si profond que tu les aies enfouis, cherche bien, huguenot; tu les verras revenir à la surface de ta conscience, tes crimes, avec leurs yeux morts et leurs membres raidis* (A. et S. Golon, 1966); *Les remords vinrent de l'arrière-fond de ta conscience* (A. De Saint-Exupéry, 1939).

Находящиеся на этой поверхности поступки своим весом отягощают совесть: *Ils devaient en avoir lourd sur la conscience de mesquinerie, d'hypocrisie et de fausseté pour s'être crus attaqués par l'image de ce Tartuffe d'un bas milieu, ignorant, sans éducation et dont l'escroquerie aux bons sentiments ne ressemblait guère à leur intransigeance moyenâgeuse* (A. et S. Golon, 1959).

Человек имеет возможность снять этот груз, облегчив совесть, освободив ее от тяжести: *Jeanne imaginait l'amiral Alfonso Palin, tortionnaire en chef, assassin en série, « cerveau » de l'épuration antisubversive, se rendant chaque semaine chez son analyste pour tenter de soulager sa conscience* (J.-Ch. Grangé, 2009); *Depuis qu'elle l'avait vu se redresser en disant: «Merci, petite. Tu m'as rendu ce que j'ai perdu», elle ressentait un soulagement, un allègement de sa conscience. Elle vivait ce temps où l'on doit se débarrasser des fardeaux du passé* (A. et S. Golon, 1966).

Еще одна характеристика этой совести – это ее чистота: *Le seul moyen de mater ces consciences ombrageuses, c'était de s'imposer, décourager les commérages par les apparences d'une conscience pure, et dans l'impossibilité de le dissimuler, ce visage de femme adultère qu'on lui prêtait, avoir le front de le montrer à tous avec sa pâleur, ses cernes aux paupières et les marques peu glorieuses des coups de la vindicte conjugale qui le meurtrissaient* (A. et S. Golon, 1966); *Alors que nous, ma petite Olga, regarde: ces milliardaires du monde entier qui viendront en Borostyrie pour vivre l'expérience de la montée vers l'espace et qu'on va faire raquer, ces braves gens auront en plus la conscience nette puisqu'il va s'agir de financer le premier plan d'étude des variations climatiques un peu sérieux dont la planète a besoin* (F. Cavanna, 1998); *Du reste, je ne cherche pas le moins du monde à me justifier. Je récure ma conscience, je la débarrasse d'un résidu de conventions pour que mon amour de père y soit plus à l'aise et y découvre des prolongements nouveaux* (M. Aymé, 1946); *Il n'a ni sang sur les mains, ni tache sur la conscience. Ce n'est pas lui qui l'a tuée* (K. Giébel, 2008).

Человек с нечистой совестью может метафорично называться черной совестью: *Cela troublait les consciences noires et contribuait au bon entretien du matériel* (A. de Saint-Exupéry, 1931).

Иным типом реиморфной («вещной») метафоры, представленным в текстах, являются примеры, где совесть уподобляется предмету, чаще всего весам или грузу: – *Vous ne saurez jamais de quel poids votre naufrage pèse sur ma conscience, hasarda-t-il, essayant d'une autre approche* (M. Yourcenar, 1968); *Pourtant, l'esprit de Joshua Brolin n'était plus asservi à la pesanteur de sa conscience depuis qu'il s'était*

détaché du système; il avait compris que la conscience n'était que l'instrument vicieux de ceux qui gouvernaient le monde et en érigeaient les lois et les religions. La mort de Shapiro ne pesait dans sa balance personnelle pas plus qu'une plume (M. Chattam, 2003); *Des choses qu'elle tenait cachées depuis des années et qui ont soudain pesé trop lourd sur sa conscience* (K. Giébel, 2009); *Non, il ne veut plus tuer. Ne veut pas alourdir (отягчать) sa conscience de quatre meurtres supplémentaires* (K. Giébel, 2014).

Встречается пример, где совесть уподобляется проколотой шине, на которую ставят заплатку: – *Si tu me disais tout, on gagnerait du temps et ça mettrait une rustine à ta conscience qui fuit!* (San-Antonio, 1968).

«Предметная» совесть может обладать разными физическими характеристиками – весом (*Les cardinaux, jour après jour, transgressaient la constitution de Grégoire et cela d'une conscience d'autant plus légère qu'on avait envers eux usé de la contrainte et de la violence* – M. Druon, 1957); (*Il avait simplement besoin de se confesser, de soulager sa conscience bien trop lourde* – K. Giébel, 2008), размером (*Mais comme il était ici-bas un homme d'une grande conscience, au Ciel elle ne s'en tire pas mal, notre estafette* – San-Antonio, 1992); *Valtier est une haute conscience, la loyauté même, et il en a la réputation au Parlement* – M. Aymé, 1933), жесткостью (*Alors il nous a dit qu'en tout cas on saurait la vérité, car l'affaire allait être entre les mains de Saussier, et que celui-là, soldat républicain (notre ami est d'une famille ultra-monarchiste), était un homme de bronze, une conscience inflexible* – M. Proust, 1921).

Как у любого предмета у такой совести имеются границы, она также обладает эластичностью, т.е. растяжимостью: *Leur conscience a des limites et je ne doute pas de son élasticité* (San-Antonio, 1994).

Добросовестность, но не совесть является силой, у которой есть интенсивность. Ее размер можно измерить: *La conscience professionnelle, mes Infâmes, c'est une force* (San-Antonio, 1968); *C'est à des témoignages comme celui-ci qu'on peut mesurer la conscience professionnelle d'un auteur, croyez-moi* (Там же);

Vois l'intensité de ma conscience professionnelle: tout en sachant que si j'avais ouvert l'enveloppe métallique je serais mort, ce qui domine en moi c'est le cuisant regret de ne l'avoir point fait (San-Antonio, 1992).

Совесть как субстанция может делиться на части, иногда у человека может иметься лишь малая ее часть: *Ces gens-là n'avaient donc pas la moindre parcelle de conscience? Ils m'envoyaient à la mort avec un calme effroyable* (F. Dard, 1957).

Другим примером «вещной» метафоры является сравнение совести с товаром или деньгами: *Il faut que l'or coule à pleines mains, acheter les consciences, les bonnes volontés, les signatures* (A. et S. Golon, 1959); *Un homme qui acceptait de vendre sa conscience contre une mitre pouvait aussi bien voler, aussi bien trahir* (M. Druon, 1955); *Il nous montre le cours du jour de la conscience de douanier allemande* (F. Cavanna, 1965).

Слабость совести описывается при помощи реиморфной метафоры, когда совесть сравнивается со старым дребезжащим велосипедом или судном с пробоинами: *Ma conscience ferrailait comme une vieille bécane déginguée* (San-Antonio, 1994); *Je me dis cela pour colmater les brèches de ma conscience mais, soit dit entre nous et l'arc de triomphe du Carrousel, je le sens mal barré, avec des brigands comme ceux auxquels j'ai affaire* (San-Antonio, 1994).

Сила совести описывается в единичных примерах, где она сравнивается с инструментом для правления миром или броней: *...il avait compris que la conscience n'était que l'instrument vicieux de ceux qui gouvernaient le monde et en érigeaient les lois et les religions* (M. Chattam, 2003); *À Québec, on pouvait badiner, conter fleurette, mais la solide armature des consciences, la difficulté de passer outre devaient maintenir l'aventure entrevue dans les limites de la sagesse* (A. et S. Golon, 1980).

«Металлическую» совесть можно чеканить: *Mais elle n'entendait rien d'autre que ses propres mots, qui martelaient sa conscience* (J.-Ch. Grangé, 2000). «Твердую» совесть можно смягчить: *Tout s'unissait pour amollir les consciences, à la fois la surprise, la crainte religieuse et une digestion commençante* (M. Druon, 1959).

«Неподходящую» реиморфную совесть можно видоизменить или стереть в порошок: *Mais j'ai tort de me chancetiquer la conscience* (San-Antonio, 1991); *Ils s'en allaient, ils pulvérisaient leur conscience sans remords, et pour la première fois de leur vie ils se sentaient sereins* (H. Gougaud, 1984).

В корпусе примеров присутствует и «жидкостная» метафора – совесть уподобляется субстанции, в которой есть осадок: *Je récure ma conscience, je la débarrasse d'un résidu de conventions pour que mon amour de père y soit plus à l'aise et y découvre des prolongements nouveaux* (M. Aymé, 1946).

Биоморфная метаформа представлена большим числом употреблений. Иногда она присутствует в общем виде, редко она конкретизируется до зооморфной и ботанической формы, но очень часто – до антропоморфной разновидности.

Прежде всего биоморфная совесть спит или просыпается: *Elle espérait éveiller les consciences en dénonçant cette nouvelle forme d'esclavage, encourager ses compagnes à se battre pour recouvrer la liberté, comme elle avait trouvé la force de le faire* (M. Rivière, 2016); *Le lieu et la date ayant une teneur symbolique, Nepia frapperait pour révéler aux consciences endormies la condition des peuples indigènes* (C. Férey, 2004); *Pourtant, il n'est pas mauvais garçon. Simplement, sa conscience est en sommeil* (H. Troyat, 1952). Аналогично по смыслу описание молчащей (*Mais en trois jours elle était devenue une fille hardie, prête à prendre tous les risques et à faire taire sa conscience* – F. Dard, 1965), спокойной или беспокойной совести: *Naturellement, elle n'aura pas d'autre résultat que de montrer à vos concitoyens combien vous avez la conscience tranquille* (M. Aymé, 1936); *Si Hélène s'en va, c'est qu'elle n'a pas la conscience tranquille* (G.-J. Arnaud, 1962).

Нередко биоаморфную совесть можно освободить: *Tu veux libérer ta conscience en traquant le mal* (M. Rivière, 2016).

Биоморфная совесть имеет голос, может толкать, преследовать: *Vous verrez, le pays pansera ses blessures... la provincialisation, croyez-moi, ils finiront bien par l'accepter... La voix même de la bonne conscience* (M.G. Dantec, 1993); *Un ancien SS*

surgit, hâve, talonné par sa conscience (F. Cavanna, 1965); *Toute ma vie, d'ailleurs, une sorte de mauvaise conscience, proche de la débilité mentale, m'avait poussée à endosser ce genre de responsabilité fumeuse* (F. Sagan, 1974). Таковую совесть можно направлять или атаковать: *Non, tu ne me feras pas trahir celui qui guide ma conscience comme tu l'as trahi, toi, le chef des Patsuikett, à Newchewanick, l'abandonnant dans la bataille pour suivre la femme blanche* (A. et S. Golon, 1980); *Dans son sommeil un mouvement de forte amplitude était venu bousculer les règles d'un rêve très ancien qui venait périodiquement assaillir sa conscience endormie* (M. G. Dantec, 1993).

Зооморфная метафора представлена единичными примерами, где совесть сравнивается с конем или ослом. Она артачится или встает на дыбы: *Ma conscience regimbe* (San-Antonio, 1993); *M. Coutelier, inspecteur primaire en retraite, sentit à cette proposition se cabrer sa conscience d'éducateur, et son sourire, qu'il avait voulu aimable, s'effaçait de son visage* (M. Aymé, 1946).

Ботаническая метафора встречается лишь однажды, когда у совести появляются плоды: *Il ouvre les fenêtres en grand et pendant que la chatte, assise sur un coin de table, joue les belles indifférentes (c'est une hystérique), il se débarrasse de sa veste, renouvelle le stock de croquettes et, fruit de sa mauvaise conscience, verse exceptionnellement un peu de lait froid dans une soucoupe qu'il pose au sol* (P. Lemaitre, 2013).

Посредством антропоморфных метафор транслируется образ совести, имеющей и женское, и мужское начало. Как мужчина, она играет мускулами: *Il se demandait simplement s'il pouvait, en bonne justice, se dispenser d'en témoigner. Sous l'effort de la réflexion, son dos se voûta un peu et l'on croyait voir bouger sous sa tunique les muscles de sa conscience en travail. Il finit par répondre : « J'ai juré de ne rien dire que la vérité et je ne dirai rien sans en être sûr »* (M. Aymé, 1936).

Как женщина, она устраивает сцены и легко смущается: *Honoré imaginait des détails. Le vétérinaire se congestionnait, et sa conscience lui faisait une scène*

épouvantable (M. Aymé, 1933); *Escoffier savait qu'en arrivant sur les lieux il avait vu quelque chose qui avait momentanément gêné sa conscience* (M. Rivière, 2016).

Встречаются примеры, где упоминается о раздевании совести: *Elle prend le parti le plus sage: celui du décarpillage de conscience. Son récit est bref, pas très reluisant* (San-Antonio, 1991); *Ils ne se sentaient plus chez eux dans l'église de Cantagrel où chaque prêche déculottait quelques consciences avec une précision gênante* (M. Aymé, 1929).

Антропоморфная совесть имеет шепчущий или доверительный голос, она дает правильные советы: *Pour libérer ma conscience (dont la voix reste chuchoteuse), je dois t'avouer lui avoir mis quelques pains de deux livres dans la gueule, car il tentait de battre à Niort* (San-Antonio, 1994); *Comme il s'engageait dans la rue, il s'entendit appeler d'une voix éclatante et confidentielle qui lui parut être, une seconde, celle de sa conscience* (M. Aymé, 1936); *Tout mon lard me pousse à la jouissance, mais ma conscience (réputée bonne conseillère, cette conne) me dit qu'il n'est pas fair-play de tirer une sœur qu'on se propose de médicamenter* (San-Antonio, 1994).

К совету совести прислушиваются. Она диктует и может приказывать, а также запрещать: *Les badauds me renseignent: n'écoutant que sa conscience professionnelle, le Gros s'est mis au volant pour continuer sa route* (San-Antonio, 1965); « *Madame Puvonnier, trancha-t-elle, la santé de mon père avant tout, je fais ce que me dicte ma conscience... » (F. Dard, 1945); *Parce que sa conscience lui ordonnait de retourner vérifier, pour le burin... Pour en avoir le cœur net* (F. Thilliez, 2007); *En outre, je suis sûr qu'il voit clair dans le jeu infâme de son père, et si sa conscience lui interdit de l'attaquer ou de le livrer, elle ne lui défend pas de s'opposer dans la mesure de ses moyens à ses agissements* (J. Benzoni, 2014).*

Рекомендациям совести-советчика следуют: *Parle pour ta fille qui levait ses robes devant le premier Allemand venu, moi, j'ai suivi ma conscience* (F. Dard, 1946); *Mauvais prêtre? Non, bon prêtre qui n'avait cessé de parler selon sa conscience et sa croyance, et qui cherchait à appliquer simplement sa religion, telle qu'elle est, sans concessions hypocrites* (H. Barbusse, 1908).

Антропоморфная совесть выступает в роли независимого внутреннего собеседника. Он задает вопросы, с ним можно объясниться: *Angélique interrogea sa conscience* (A. et S. Golon, 1980); *Que j'étais qu'un feignant, que Paris c'est Paris, que la presse, les photos et la fanfare, c'était à Paris qu'ils nous attendaient, pas chez ces foutus ploucs pleins de bouse, qu'il avait parié ses économies sur moi et que, si je continuais pas, il piquait droit dans la flotte, tant pis pour moi, je m'expliquerais avec la veuve, les orphelins et ma conscience* (F. Cavanna, 1965). Совесть-собеседник не одобряет, но чаще возражает и осуждает: *C'est seulement en dernier recours que j'utiliserai ce moyen que ma conscience n'approuve pas entièrement, faut dire* (R. Queneau, 1959); *Même si sa conscience proteste, elle est convaincue qu'au final, ce sera pour un mieux* (G. Legardinier, 2017); *Voilà ma conscience professionnelle, cette garce intraitable, qui refait des seins. Elle m'objecte des trucs du genre: « Tu t'es trop précipité, gars...»* (San-Antonio, 1968); *Et quand, après ses ordres je risque une ou deux objections de conscience, il me les déblaie de la boîte à scrupules de manière péremptoire* (San-Antonio, 1991); *D'ailleurs, l'acte de justice auquel le condamnait sa conscience était dangereux* (M. Aymé, 1936).

Против совести трудно пойти (*Mais vous ne me ferez pas marcher contre ma conscience* – J. Benzoni, 1963), это может ее оскорбить и даже унижить (*Mais je n'ai jamais été témoin de désordres dont ma conscience aurait pu s'offusquer* – A. et S. Golon, 1956); *Eux, c'est toute leur vie qu'ils auront à passer misérables, opprimés, pourchassés, soit dans l'inconfort d'une conscience avilie par l'abjuration, soit contraints à affronter les dangers d'un exil devenu presque impossible car les frontières seront fermées et surveillées et déjà aujourd'hui tout Français réformé qui est pris sur le chemin de Genève est arrêté et jeté en prison sans autre forme de process* (A. et S. Golon, 1980). В этом случае ее трудно заставить замолчать: *Mais, comme on ne fait pas taire si aisément une conscience révoltée, elle ne ferma pas l'œil de toute la nuit* (J. Benzoni, 1963).

Совести можно докучать, ее можно потревожить: *La mort des autres nous est toujours légère, mais celle-ci tracassa la conscience et la paix intérieure du Prophète,*

comme s'il en avait eu une part de responsabilité : peut-être, s'il l'avait prévenue, aurait-elle pu éviter sa fin accidentelle? (P. Rey, 1972); *À quoi cela aurait-il servi que je vienne troubler votre conscience de parfait fonctionnaire?* (A. et S. Golon, 1980). За это она часто упрекает и иногда мучит: – *Oui! Un: celui que votre conscience vous reproche. Le meurtre de la duchesse de Maudribourg* (A. et S. Golon, 1976); *Du jour où Berne serait son époux, il s'interdirait de penser à Angélique et, d'ailleurs, sa douce amie était celle qu'il lui fallait pour combler ses désirs d'homme tourmenté par une conscience pointilleuse* (A. et S. Golon, 1961); *En vérité nous l'avons tuée la duchesse et voilà pourquoi notre conscience nous tourmente* (A. et S. Golon, 1976); *J'arrivai chez moi, littéralement harassée par mes cas de conscience, à l'instant où le téléphone sonnait* (F. Sagan, 1974).

Эмоционально совесть довольна устойчива. Из отрицательных эмоций можно назвать только, пожалуй, встревоженность, обеспокоенность: *Marguerite, à présent, ne bougeait presque plus de son lit, souffrant d'une fièvre où l'âme avait autant de part que le corps, et qui la maintenait dans un état de conscience trouble* (M. Druon, 1955).

Напротив, невозмутимость, спокойствие совести передается целым рядом метафор: *Pour qu'il soit tranquille. Conscience pépère. Pas de questions inutiles pouvant compromettre sa productivité ou gâcher ses soirées télé devant la Star Ac' ou les conneries du genre* (K. Giébel, 2006); *Pour me donner une contenance et afficher ma conscience sereine, j'ai tiré d'une poche de mapelisse le maigre quotidien national acheté le matin même à un vendeur ambulant, en gare de Gotha, et je me suis mis à le déplier avec soin* (A. Robbe-Grillet, 2001); *Elle s'endormirait, la conscience tranquille, comme si elle avait accompli quelque chose au cours de la journée* (R. Jauffret, 2001); *Angélique, la conscience en paix, fit porter le coffre jusqu'au carrosse et commanda d'atteler* (A. et S. Golon, 1959).

Существует много примеров, в которых совесть приводится в состояние мира и покоя: *Je ne veux plus songer qu'à mettre ma conscience en paix* (A. et S. Golon, 1956); *Pour apaiser leur conscience, ils chuchotaient: – Le roi va le gracier; le roi*

usera de son pouvoir de grâce...(M. Druon, 1960); *Pour calmer votre conscience, laissez-moi vous faire remarquer que, selon votre propre estimation, cet homme est perdu!* (San-Antonio, 1967).

Антропоморфная совесть не лишена слабостей – она может быть нечестной, продажной: *Cependant, son caractère entier se révoltait contre une telle malhonnêteté de conscience appliquée au destin des peuples* (A. et S. Golon, 1972); *Pour qu'il consente à fermer les yeux, nous achetons sa conscience: deux marks. Nous trouvons ça cher* (F. Cavanna, 1965). С ней можно поторговаться, договориться и примириться: *Voilà comment son «frère de sang» a négocié avec sa propre conscience* (J.-Ch. Grangé, 2003); *Arrangez-vous avec votre conscience et passez cet appel maintenant. Me débrouiller avec ma conscience, j'essayai tant bien que mal* (M. Levy, 2009); *Et laisser mourir des innocentes en sachant parfaitement qui est à l'origine du meurtre n'en est pas un? Le moins que l'on puisse dire est que vous avez la conscience accommodante, Hugo de Hagenthal!* (J. Benzoni, 2014).

Такой совести, наконец, можно просто дать отставку или прогнать ее: *Il est venu en Europe pour démission de conscience, je veux dire pour des missions de confiance...*(San-Antonio, 1967); *Chassez la conscience professionnelle d'un zig comme moi et elle radine au triple galop, mes amis* (Там же).

«Неудобную» совесть можно ослепить, но ее нельзя убить: *Il songea à ces accès de violence incontrôlables qui aveuglaient sa conscience, déchirant le temps et l'espace, au point de lui faire commettre le pire* (J.-Ch. Grangé, 1998).

Совесть может выступать как больной орган: *Il ne s'éveilla que le lendemain à sept heures et, après avoir hésité un moment s'il avait mal au foie ou à la conscience, se souvint tout à coup de son rêve* (M. Aymé, 1946); *J'aurais dû embrasser une vocation apte à ne pas me filer de l'urticaire sur la conscience!* (San-Antonio, 1965); *Et de fil en aiguille, il m'a raconté sa petite ombre à lui, la plaie de sa conscience, et ses varices aussi qu'il voyait à la manière de méandreuses mortifications* (Ph. Claudel, 1999); *D'aucuns essayaient d'alléger le malaise de conscience général en disant que le Lieutenant de Police n'avait pas l'air plus sombre ni moins rogue que de coutume et*

qu'il n'y avait rien de sérieux dans ces ragots et pas de quoi mettre en branle la justice (A. et S. Golon, 1980).

Итак, во всех источниках присутствует пространственная, реиморфная и биоморфная (антропоморфная) метафоры. Специфичны для художественной литературы ботаническая и зооморфная метафоры, а также газожидкостная метафора.

Случаи употребления различных видов метафор во французской фразеологии, паремиологии и художественной литературе можно свести в таблицу 8.

Таблица 8. Употребление различных видов метафор совести во французской фразеологии, паремиологии и художественной литературе

Тип метафоры	Фразеология	Паремиология	Корпус
Пространственная (поверхность)	+	+	+
Реиморфная (твердый предмет)	+	+	+
Газожидкостная (текучая субстанция)	-	-	+
Ботаническая	-	-	+
Зооморфная (зверь)	-	-	+
Антропоморфная (человек)	+	+	+
Термическая (огонь)	-	-	-
Телесный орган/мышца	+	+	+
Болезнь	-	-	-
Предмет купли-продажи	+	+	+

Выводы

Французское слово *conscience* произошло от лат. «*conscire*» – знать вместе, знание, разделенное со всеми. Слово употреблялось для обозначения ясного знания, родившегося внутри человека, и, таким образом, развилось в другое значение «интуитивное чувство того, что хорошо и плохо, интуитивное знание добра и зла», которое оставалось единственным значением этого слова вплоть до XVII века. *Conscience psychologique* впервые упоминается во французских текстах в 1676 г.: его первым использует философ-метафизик Николя Мальбранш в значении «внутреннего чувства о чем-то, о чем невозможно сформировать ясное и четкое представление».

В современных французских толковых словарях словарная статья, посвященная *conscience*, делится на два больших раздела: *conscience psychologique* и *conscience morale*. В каждом из них описываются несколько значений. Некоторые словари к этим двум разделам добавляют дополнительные значения. В целом, в исследуемых словарях современного французского языка у лексемы *conscience* отмечается от 6 до 18 значений.

Анализ этих смыслов позволяет выделить следующие положения.

1. Во всех словарях французского языка *conscience* вначале определяется как понятие, тождественное русскому «сознанию» или «осознанию», именно физиолого-психологический смысл лексемы выступает для лексикографов на первый план, он насчитывает от 3 до 7 значений;

2. Для определения словарями понятия *conscience*, тождественной русской «совести», используется та же лексема *conscience* с прилагательным *morale*, т.е. *conscience*-совесть трактуется через *conscience*-нравственное сознание, что говорит о близости этих значений для лексикографов. Более того, вопросы веры и убеждений в некоторых источниках находятся в ведении *conscience*-сознания, а не *conscience*-совести;

3. Во французском языке у лексемы *conscience* путем метонимии образовались следующие значения:

- a) «человека, наделенного сознанием»;
- b) значение «места обитания осознанных психических явлений, а именно убеждений и верований»;
- c) «человека как носителя убеждений, верований».

4. Во французском языке существуют несколько особенных «технических» значений лексемы, которые напрочь отсутствуют в русском языке.

Таким образом, у лексемы *conscience* можно выделить несколько семантических кластеров: 1) «сознание/осознание»; 2) непосредственно «совесть»; 3) «человек, наделенный принципами, убеждениями»; 4) «усердие, добросовестность в т.ч. профессиональная»; 5) «технические термины». Имеют отношение к концепту совесть – п. 2 «совесть», п. 3 «человек, наделенный принципами, убеждениями», а также п. 5 «усердие, добросовестность».

В словарных определениях лексемы *conscience* превалирует рефлексивный признак, также представлен личностно-нормативный и эмоциональный признак. В некоторых источниках у лексемы также актуализируется волевой признак.

Синонимический ряд лексемы *conscience* сильно варьируется в зависимости от источника. Наиболее распространенными синонимами лексемы являются *sens morale, application, zèle, âme, cœur*. В отличие от традиционных словарей синонимов, электронный семантический атлас фиксирует не только 37 синонимов, но и лексико-семантические группы, в которое входит слово. Степень близости синонима к исследуемой лексеме определяется количеством лексико-семантических групп, в которые они оба входят. Так, по этому принципу ближайшим синонимом лексеме *conscience* является лексема *sentiment*, т.к. эти две лексемы обладают одиннадцатью общими смыслами, далее следуют лексемы *soin, cœur, zèle* и другие. Отражают признаки, выделенные ранее для концепта «совесть» в научном сознании, только 3 лексико-семантические группы из 44-х: 27) *conscience, honnêteté, moralité, probité*; 39) *conscience, moralité, sens moral*; 43)

conscience, remords. Соответственно, только около 7% всех семантических связей лексемы *conscience* коррелируют с семантической моделью концепта в научном сознании.

Анализ толковых словарей показал, что из 37 синонимов лексемы *conscience* только у существительных *âme, cœur, moralité, scrupule* и *remords* в словарных статьях имеется отсылка к *conscience*.

В словарных определениях лексем *âme, cœur, remords* представлен только семантический признак эмоциональности. Словарные определения лексемы *scrupule* отражают волевой, рефлексивный и эмоциональный признаки, однако, как и определения остальных синонимов, не отсылают к личностному характеру. Словарные определения лексемы *moralité* актуализируют лишь родовой признак рефлексивности.

Ядерной лексемой французского лексико-семантического поля, соответствующему концепту «совесть», является лексема *conscience*. Ближнюю периферию составит лексема *scrupule*, к дальней периферии можно отнести лексемы *âme, cœur, moralité, remords*.

Среди однокоренных слов лексемы *conscience* словари указывают следующие лексемы: *consciencieux, consciemment, consciencieusement, inconscience, inconscient, inconsciemment, subconscient* и *subconscience*, но только лексемы *consciencieux, consciencieusement* и *inconscience* сохранили связь с концептом «совесть».

Во французской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Большая часть исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. В них представлены все выделенные в Главе 1 признаки, причем лидером является эмоциональный. Волевой признак представлен только «с отрицательным знаком»: в описываемых фразеологизмами ситуациях совесть не может воспрепятствовать совершению человеком действия, противоречащего

его личным нормам. Существует целый ряд фразеологизмов, которые передают взаимосвязь совести и веры.

Отдельная группа фразеологизмов, связанных с отсутствием совести, как и в русском языке, указывает на интегральную характеристику поведения человека, который действует вопреки общепризнанным моральным нормам. Однако не существует ФЕ со смыслом активизации совести: она либо есть, либо нет.

Во французской паремиологии лишь единичные паремии отражают признаки совести, отмеченные в научном сознании. Несколькими паремиями представлен рефлексивный и эмоциональный признаки, одной паремией – личностно-нормативный признак. Волевой признак во французских паремиях не актуализируется. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), о том, что кто-то другой может являться совестью человека, а также о том, что совести возможно лишиться.

В корпусе иллюстративных примеров, составленном на базе 225 художественных произведений, обнаружено 1887 случаев использования лексемы *conscience* в разных значениях. Примеры, в которых лексема сохраняет связь со значением «совести», насчитывают 801 единицу. Эта группа примеров, в свою очередь, содержит следующие подгруппы:

- 1) примеры, где *conscience* имеет значение «совесть» (750 примеров);
- 2) примеры, где *conscience* выступает в значении «добросовестность»/*conscience professionnelle* (44 примера);
- 3) примеры с лексемой *conscience* в значении «усердие, прилежание» (5 примеров);
- 4) единичные примеры, где лексема *conscience* обозначает честного человека.

По результатам анализа употребления лексемы *conscience* в корпусе французских текстов можно утверждать, что представлены все эталонные семантические признаки, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Лидерство делят между собой эмоциональный (29%) и рефлексивный (29%)

признаки, немного уступает им по частотности личностно-нормативный (24%). Самым нечастым признаком является волевой (15%). Волевой признак актуализируется в корпусе примеров французского языка преимущественно «с отрицательным знаком». Большая группа примеров доказывает, что *conscience* часто оказывается слабой и бессильной.

Чаще всего рядом с *conscience* можно увидеть *âme*, реже – *cœur* и *mains*, значительно реже – *tranquillité*, *paix*, *devoir*, *sentiment*. Другие контекстуальные синонимы отмечены единичными случаями употребления. Большая часть контекстуальных синонимов относится прежде всего к эмоциональной и религиозной сфере.

Наиболее частотны фразеологизмы *sur la conscience*, *par acquit de conscience*, *conscience professionnelle*.

Редкие примеры об отсутствии совести свидетельствуют, что наличие совести во французской картине мира подразумевается априори, ее же отсутствие встречается нечасто и, в основном, влечет за собой тяжкие преступления, а не просто нарушение норм поведения. Совесть во французской ЯКМ не теряется, не портится, ее состояние статично. Не зафиксировано примеров, где призывали бы иметь совесть, что также вероятно связано с ее априорным статусом.

Можно констатировать противоречивость образных представлений о совести, содержащихся во французском фразеологическом фонде. *Conscience* через призму фразеологизмов французского языка предстает концептом, транслирующим одновременно несколько разных образов, – это нежная и беззащитная девушка, это слабый противник, с которым договариваются и который капитулирует, это ученик, которого направляют. В «человеческом» образе *conscience* преобладают признаки слабости и компромиссности концепта. Среди «вещных» коннотаций присутствуют образы концепта как груза, как поверхности, как вместилища, однако преобладает образ концепта как предмета купли-продажи.

Во французском паремиологическом фонде также представлены разнообразные типы метафор. *Conscience* персонифицируется, приобретая черты человеческой личности. Также часто как антропоморфная метафора во французских поговорках используется реиморфная метафора. Совесть можно уладить, как конфликт, или проверить, как часы. Порой она сравнивается с предметами одежды. Чистая совесть сравнивается с хорошей подушкой (поговорка, имеющая кальку в русском языке), она также является здоровьем души. Душа и совесть находятся в более тесной взаимосвязи во французских поговорках, чем в поговорках русских.

В корпусе иллюстративных материалов представлена большая часть ФЕ и соответствующих метафор совести. К пространственной метафоре можно отнести представление о совести как о поверхности. «Предметная» совесть может обладать разными физическими характеристиками – весом, размером, жесткостью и эластичностью

Другими примерами «вещной» метафоры является сравнение совести с товаром или деньгами, весами или грузом, со старым дребезжащим велосипедом, судном с пробоинами, проколотой шиной. О сильной совести говорят как орудии для правления миром и как о броне.

В корпусе примеров присутствует и «жидкостная» метафора – совесть уподобляется субстанции, в которой есть осадок.

Биоморфная метаформа представлена большим числом употреблений, чаще всего присутствует ее антропоморфная разновидность. Посредством антропоморфных метафор транслируется образ совести, имеющей и женское, и мужское начало. Совесть – хороший советчик, независимый внутренний собеседник. Эмоционально совесть довольна устойчива. Из отрицательных эмоций можно назвать только, пожалуй, встревоженность. Напротив, невозмутимость, спокойствие совести передается целым рядом метафор. Антропоморфную совесть можно прогнать или ослепить, но нельзя убить.

Зооморфная совесть сравнивается с конем или ослом, который артачится или встает на дыбы.

Таким образом, во всех источниках присутствует пространственная, реиморфная и биоморфная (антропоморфная) метафоры. Специфичны для художественной литературы ботаническая и зооморфная метафоры, а также газожидкостная метафора.

ГЛАВА 4. МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ *СОВЕСТЬ* И *CONSCIENCE*

4.1. Концептуальная асимметрия смысла «совесть» в русском и французском языках

Русский концепт «совесть» и его французский эквивалент *conscience* обладают схожим смысловым потенциалом, сохраняя при этом черты, специфичные для русской и французской языковых картин мира. Концептуальная асимметрия накладывает свой отпечаток на понимание смыслов носителями разных языков. При передаче содержания русского концепта на французском языке актуализируются как коннотации, наличествующие в русской лингвокультуре, так и чуждые ей [Димитрова, 2001, с. 124].

Для французского языка *conscience* – это прежде всего «сознание/осознание», и только во вторую очередь «совесть». Об этом свидетельствуют многочисленные лексикографические источники, а также частотность использования соответствующих семантических вариантов в анализируемом корпусе примеров (см. Гл. 3). Вывод А. В. Сергеевой, согласно которой сам факт наличия у одной лексемы значений «совесть» и «сознание» ведет к неразличению этих понятий [Сергеева, 2004, с. 142], представляется спорным².

В русском языке эти концепты, по справедливому замечанию В. И. Карасика, также оказываются тесно связаны. Понятийные аспекты обоих концептов «отражают тесную связь этих ментальных образований с близкими концептами, и поэтому в ряде работ они рассматриваются как кластерные образования» [Карасик, 2020, с. 19]. Тем не менее, наличие отдельных лексем для этих концептов в русском языке свидетельствует об их независимости.

---

² А. В. Сергеева говорит не конкретно о французском языке, а о «европейских языках»: впрочем, в германских языках, кроме английского, подобной полисемии не отмечено: ср. нем. *Gewissen* «совесть» и нем. *Bewusstsein* «сознание», швед. *samvete* «совесть» и швед. *medvetande* «сознание».

При трансляции русского смысла «совесть» во французский язык чаще всего используется лексема *conscience*, которая таким образом является именем концепта во французском языке. При этом смысловая наполненность этих существительных отличается. Французское существительное *conscience* имеет большее количество значений, но его семантический вариант со значением совести отличается по эмоциональной глубине от русского существительного *совесть*.

Среди синонимов русского существительного *совесть* словари прежде всего называют *стыд*, затем *моральную ответственность* и *убежденность*. Синонимами французского существительного *conscience* являются *scrupule*, а также *âme*, *cœur*, *moralité*, *remords*.

Антонимом существительного *совесть* является *бессовестность*. Среди антонимов существительного *conscience* словари называют *automatisme*, *inconscience*, *malhonnêteté*, *négligence*, *raisonnement*, из которых только *inconscience* и *malhonnêteté* являются антонимами к искомому значению.

Обзор семантических связей лексемы *conscience* доказывает, что во французском и русском языках у концепта «совесть» имеется существенная разница в семантической реализации. Согласно семантическому атласу CRISCO, лексема *conscience* имеет максимальное количество семантических связей с лексемами *sentiment*, *soin*, *cœur*. Для русского языка нами не обнаружено аналогичного семантического атласа. Тезаурус РуТез, например, указывает только слова и словосочетания, с которыми искомое слово находится в семантических отношениях, не обозначая количество связей между ними. Для существительного *совесть* перечисляются следующие варианты: *ответственность за действия*; *чувство*, *эмоция*; *моральные ценности*; *раскаяние*. Следовательно, русское существительное *совесть* и французское *conscience* на уровне семантических связей имеют лишь одно общее значение – «чувство», соответствующее эмоциональному семантическому признаку.

Действительно, анализ употребления лексем *совесть* и *conscience* в соответствующих корпусах текстов показал, что эмоциональный признак занимает важное место в обоих языках, однако в русских текстах он составляет 42%, являясь безусловным лидером, а во французском языке его доля составляет лишь 29%. Рефлексивный признак в русских текстах насчитывает 17%, а во французских – 29%; волевой признак – соответственно 25% и 15%, при этом он представлен в основном со знаком «минус». Личностно-нормативный признак актуализируется в 13% случаев в русских текстах и в 24% – во французских (см. Гл. 2 и Гл. 3).

Эти данные позволяют предположить, что русская совесть прежде всего отличается эмоциональностью, затем требовательностью и критической оценкой и менее всего склонна к установлению собственного свода правил. Французская совесть менее эмоциональна, более склонна к критической оценке, в большей степени готова формировать собственный свод правил, но не отличается требовательностью. Французской совести, как и французскому характеру, свойственны рациональность и свободомыслие. Отметим, что данные выводы в целом совпадают с выводами, сделанными И. В. Бойчуком: «в русском языковом менталитете концепт *совесть* более эмоционален, менее рационален, возможно, более народен, патриархален, чем в носящей отпечаток картезианства французской лингвокультуре» [Бойчук, 2013б, с. 49].

Французская совесть сохранила тесные связи с верой. Анализ фразеологического фонда показывает, что эта семантическая связь дала рождение целому ряду французских фразеологизмов, в т.ч. важного для французской ЯКМ *liberté de conscience*.

Сопоставительный анализ паремиологического фонда показывает существенную разницу в представлениях о совести и ее роли в самом «архаичном» слое языкового сознания. О значении совести для национального языкового сознания свидетельствует само количество паремий – число русских паремий с искомой лексемой более чем в два раза превышает количество паремий

французских. Кроме того, русские пословицы и поговорки фиксируют гораздо большее количество признаков концепта.

В паремиологическом представлении о совести в обоих языках ее главным семантическим признаком является отсутствующий в научном сознании признак аксиологичности – совесть представляет собой ценность или благо. Но во французском языке следующим по частотности идет признак зависимости совести от финансового положения. Признак зависимости спокойного сна от чистой совести представлен в обеих лингвокультурах. Во французской паремиологии совесть является отражением души, в русской же совесть – глаз Божий, она соседствует с душой, но не является ее частью. Во французской паремиологии совесть неразрывно связана с религией, в русской же совесть связана с Богом, но религии противопоставляется.

Признак судебной функции совести зафиксирован в поговорках обоих языков, но карательная функция совести отражается и очень ярко только в русском языке.

Следовательно, в русских поговорках ядерными признаками концепта являются аксиологичность, слабость и житейская бесполезность совести, а также ее карательная функция. Во французских пословицах, как и в русском, доминирует признак аксиологичности, но к ядерным также относится признак зависимости совести от финансового положения.

Языковой образ совести и в русской, и во французской ЯКМ предстает как смешение противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, это современное, научное понимание совести, отличающееся индивидуальным характером этических норм, с другой – это архаичное представление о совести как о моральном чувстве, связанном с неписаными правилами поведения, которых должны придерживаться все окружающие; их нарушение человеком ведет к отрицанию наличия у него совести.

Наличие совести во французской картине мира подразумевается априори, ее же отсутствие встречается нечасто и, в основном, влечет за собой тяжкие преступления, а не просто нарушение норм поведения. Совесть во французской

ЯКМ не теряется, не портится, ее состояние статично. Французские фразеологизмы, поддерживающие это архаичное представление, почти не представлены в современных текстах, в отличие от русских. Во французских текстах не зафиксировано примеров с апелляцией к чьей-то совести. Все это позволяет сделать вывод о гораздо более ярко выраженном личностном характере французской совести.

Обратим также внимание, что в корпусе русских текстов встречаются попытки дать определение совести, а в корпусе французских примеров подобных случаев не зафиксировано.

Образная составляющая концепта, пожалуй, наиболее наглядно демонстрирует представление о нем в ЯКМ. В обоих языках распространен образ совести как предмета, поддающегося манипуляциям, который также можно загрязнить или очистить, образ совести как поверхности, на которой лежат проступки и грехи, причем во французской ЯКМ исключительно тяжкие. В обеих лингвокультурах совесть персонифицируется. Она может спать и просыпаться, молчать и говорить, толкать и преследовать. Она может спорить и упрекать, выступать внутренним собеседником. Однако в русском языке совесть, с одной стороны, более авторитарна – она повелевает, требует, заставляет. С другой стороны, она сама может терзаться и мучиться, в отличие от эмоционально устойчивой французской совести. Отличительными чертами совести в русской ЯКМ является также ее образ палача-мучителя. Идея нравственных мучений выражается при помощи разнообразных зооморфных и антропоморфных метафор. Стоит отметить, что антропоморфизация совести отмечена также в английской и венгерской ЯКМ [Фабиан, 2015, с. 155].

Представляется также, что на формирование представления о совести в русской и французской ЯКМ оказали существенное влияние православие и католицизм соответственно. Обе конфессии являются христианскими и в основе своей имеют общее теоретическое учение и, соответственно, общее представление о нравственных ценностях. Ценностный компонент поэтому

представлен ярче всего в самых архаичных формах языкового сознания. В XI веке произошло разделение церквей и каждая из них стала двигаться в своем направлении. Появились различия в оценивании личности человека, его прав и свобод. Православная церковь подчеркивает греховность человека, важность его смирения, признает пользу страданий. Свобода от зла важнее для православия, чем свобода нравственного выбора. Католическая церковь из грехопадения «не делает <...> вывода, что человек насквозь испорчен и поэтому свобода ему противопоказана, поскольку превращается во вседозволенность» [Коваль, 2012, с. 174]. Католицизм веками разрабатывал свою доктрину, в т.ч. и в социальной сфере, сформировав в итоге так называемый «персоналистический принцип» [Там же]. Эти противоречия не могли не отразиться на представлениях о совести. Кроме того, русская лингвокультура, веками находившаяся под влиянием православной соборности, в XX в. оказалась под влиянием коллективистской идеологии. В результате можно констатировать, что русская совесть менее индивидуальна, более зависима от общества, более авторитарна и сохранила в себе идею нравственных страданий, Французская совесть имеет гораздо более выраженный индивидуальный характер, более независима, несет в себе идею свободомыслия.

4.2. Способы снятия многозначности *conscience* и контексты неопределенности

Условия реализации в речи лексико-семантического варианта слова представляют собой потенциальный типовой контекст. Типовой контекст может быть реализован в виде слов, непосредственно связанных с реализуемым словом, или может являться некоторым общим «фоном» речевой реализации слова в определенном семантическом варианте [Литвин, 1984, с. 22].

Как упоминалось выше, в зависимости от «разрешающей силы» контекста ассиметричный дуализм проявляется в речи как нейтрализация в «сильных» контекстах и как синкретизм или амфиболия в «слабых» контекстах [Жук, 1994, с. 7].

Для анализа способов снятия многозначности лексемы *conscience* нами использовано два корпуса – корпус иллюстративных примеров французского языка (см. Гл. 3) и параллельный корпус русского и французского языка. Последний является частью Национального корпуса русского языка, источника огромного числа примеров. Лингвистический корпус – это набор текстов, собранных в соответствии с определенными принципами, размеченных по определенному стандарту и обеспеченных специализированной поисковой системой [Турдаков, 2010, с. 17]. С помощью корпусов текстов сегодня можно не только с большой точностью анализировать многочисленные факты реализации и функционирования языковых единиц, но и выявлять общие языковые закономерности, уточняя и корректируя ранее выработанные положения в области лексикографии, семантики, синтаксиса, грамматики, прагматики и многих других лингвистических дисциплин [Герви, 2001, с. 10]. В нашем случае параллельный корпус русского и французского языков позволит проанализировать не только случаи употребления лексемы, но и варианты ее перевода, иногда даже в исполнении разных переводчиков. Из параллельного корпуса отобраны примеры, содержащие лексему *conscience* в оригинальном или переводном тексте. Результат составил 686 вхождений в 37ми произведениях, из которых 22 произведения – на русском языке, 15 – на французском языке. Произведения относятся к жанру художественной или публицистической литературы XIX–XXI веков.

Итак, «сильным» контекстом для лексемы *conscience* являются окружающие лексико-грамматические единицы, образующие вместе с ней устойчивые выражения, а также некоторые эпитеты. Такой потенциальный вид контекста называется фразовым [Литвин, 1984, с. 24]. Для значения, тождественного

«сознанию», характерно употребление *conscience* вместе с глаголами *prendre*, *reprendre*, *perdre*, *avoir* в словосочетаниях *prendre conscience que*, *prendre conscience de*, *reprendre conscience*, *perdre conscience*, *perte de conscience*, *avoir conscience de*, *avoir conscience que*, *prise de conscience*. В корпусе иллюстративных примеров находится большое множество подобных случаев: *Francesco prend conscience qu'il préférerait être sur le trabucco à suivre les mouvements du peloton de muges, le cœur battant, le souffle suspendu dans l'attente du cri qui fera se refermer la mâchoire du filet et alors les hommes courront autour des cabestans, il les aiderait – plutôt que de rester dans cette caverne à attendre sa maîtresse* (R. Vailland, 1957); *Puis Ella, la première, avait pris conscience de l'état d'infériorité dans lequel vivait la population noire des Etats-Unis* (G.-J. Arnaud, 1975); *Lorsqu'elle avait repris conscience, la jeune fille avait d'abord regardé avec étonnement les visages, connus ou inconnus, qui se penchaient sur elle* (Juliette Benzoni, 1963); *Madame avait perdu conscience. Je la ranime!* (Juliette Benzoni, 1973); *Lorsque nous sommes revenus à nous, car la fureur de notre étreinte équivalait à une perte de conscience, le soleil avait disparu de la petite fenêtre et l'air avait pris cette teinte mauve qui précède les nuits de là-bas* (F. Dard, 1956); *Laissez ce pauvre homme, il n'avait pas conscience de ce qu'il faisait!* (J. Dicker, 2018); *J'ai conscience que cette lettre peut vous sembler folle* (Ch. Bobin, 2012); *Celui qui suit la prise de conscience de sa propre mort commence par la même lettre, mais il n'a rien d'affectueux, lui* (B. Werber, 2017).

В параллельном корпусе для значения «сознания» «сильным» контекстом также оказывается сочетание лексемы *conscience* с глаголами *prendre*, *reprendre* и *avoir* в словосочетаниях *avoir conscience de* и *avoir conscience que*. При переводе, однако, лексема «сознание» и ее производные не всегда используются:

Devant cette rivière en continuel devenir, Diane prend conscience de ses propres métamorphoses: «Moi-même, je ne suis pas la même Diane que j'étais quand je suis venue ici... (Gérard Genette, 1966). *Перед вечным становлением реки Диана осознает произошедшие с ней метаморфозы: «И я сама уже не та Диана, которой была, когда пришла сюда»* (перевод Е. Васильевой); *L'image de Narcisse*

est le lieu privilégié où l'existence universelle vient prendre, perdre, et finalement reprendre conscience (Там же). В образе Нарцисса весь мир осознает, утрачивает и вновь осознает себя.

*En face, on a bien conscience des difficultés qui se dessinent: à l'aube du 16, Raïevski reçoit de Bagration le message suivant: «Mon ami, je ne marche pas, je cours; je voudrais avoir des ailes pour te rejoindre» (Marie Pierre Rey, 2012). Русские понимали, какие трудности их ждут. На рассвете 16 августа Раевский получил от Багратиона следующее послание: «Друг мой, я не иду, а бегу. Желал бы иметь крылья, чтобы соединиться с тобой (перевод А.Ю. Терещенко); *Croyez que mon héros avait eu diablement peur la première fois, et que, 's'il avait bu sa bière au lieu de se garer, c'est qu'il avait perdu la tête, et il ne lui restait plus qu'un mouvement machinal dont il n'avait pas conscience* (Prosper Mérimée, 1869). Поверьте, что этот смельчак и в первом случае страшно перепугался, а если продолжал тянуть пиво, вместо того чтобы спрятаться, то потому, что потерял голову и продолжал делать чисто автоматические движения, в которых не отдавал себя отчета (перевод М. Кузьмина).*

Другими примерами фразового контекста, снимающего многозначность лексемы *conscience*, являются прилагательные *claire* (и, соответственно, существительное *éclair*), *lucide*, словосочетания *seuil de conscience*, *champ de conscience*. Эти случаи отмечаются в корпусе иллюстративных примеров: *Galiad se redressa. Sa conscience n'avait jamais été aussi claire. Il aurait dû esquiver depuis longtemps, mais il restait immobile et droit devant la lame qui fonçait vers lui* (H. Lœvenbruck, 2001); *Cette fois, la brume s'est entrouverte. Un éclair de conscience m'a parcouru de la tête aux pieds* (B. Minier, 2015); *Conscience dure et trop lucide, étoile fine, pointue, piquante, perçante, pénétrante, qui coud la nuit sur le jour – désintégrée tout à coup, explosée, répandue, apaisée: naissance d'une nébuleuse* (É. Chevillard, 1993); *Presque à chaque fois, au terme de son hallucination, une idée ou une réponse s'imposait à son esprit, mystérieusement déposée au seuil de sa conscience* (G.

Legardinier, 2016); *Avec cinq secondes de retard le raclement atteint le champ de sa conscience* (M. Chattam, 2004).

В параллельном корпусе подобным случаем фразового контекста является определение *aiguë* у существительного *conscience*, которое также отсылает к значению «сознания». Словосочетание *prise de conscience aiguë* отмечается словарями [TLFi]. *Dans les deux premières décennies qui suivent la Révolution d'Octobre 1917, ils mettent en doute le patriotisme des paysans russes: à leurs yeux, le régime tsariste, réactionnaire, ne pouvait susciter de mobilisation populaire, et l'attitude combative des paysans 's'explique non par une conscience patriotique aiguë, mais par un attachement viscéral à leurs biens personnels – leur bétail, leurs récoltes – qu'il 's'agissait de protéger contre un intrus* (Marie Pierre Rey, 2012). В первые два десятилетия после Октябрьской революции 1917 года они сомневались в патриотизме русских крестьян. По их мнению, реакционный царский режим не мог способствовать мобилизации народных масс, и воинственный дух крестьян объясняется не острым чувством патриотизма, а глубокой привязанностью к личному имуществу (скот, урожай), которое нужно было защищать от пришельцев (перевод А. Ю. Терещенко). Примечательно, что в переводе на русский язык *conscience patriotique aiguë* получает значение «острое чувство патриотизма».

Иным случаем нейтрализации многозначности является определение *conscience* как узко специфичного понятия. Общеизвестно и фиксировано словарями словосочетание *conscience linguistique*. Не ставится под сомнение, что и схожее по сфере применения словосочетание *conscience littéraire* также подразумевает сознание, а не совесть: *Dans la conscience littéraire générale, l'esprit de la rhétorique traditionnelle est mort, on le sait bien, dès le début du XIXe siècle, avec l'avènement du romantisme et la naissance — conjointe — d'une conception historique de la littérature* (Gérard Genette, 1969). В общелитературном сознании дух традиционной риторики, как хорошо известно, умер в начале XIX века, с

наступлением романтизма и сопряженным с ним зарождением исторического понимания литературы (перевод Г. Шумиловой).

Зависимость семантического варианта от сочетающихся с ним слов есть результат его «привязки» к определенному кругу явлений действительности, в отличие от других семантических вариантов того же слова, соотносящихся с другими сферами явлений действительности [Литвин, 1984, с. 23]. С одной стороны, эти сферы могут быть узко специализированными, как в случае с *conscience linguistique*, с другой стороны, они могут быть достаточно общими и даже абстрактными.

Сочетание лексемы *conscience* с прилагательными *bonne, mauvaise, tranquille* или глаголом *soulager*, например, недвусмысленно свидетельствуют о ее использовании в значении «совесть»: *Ils font ça surtout pour se donner bonne conscience et pour détecter les maladies contagieuses* (F. Baranger, 2013); *Moi, si naturellement faite pour le bonheur, l'amabilité, l'insouciance, j'entrais par elle dans un monde de reproches, de mauvaise conscience, où, trop inexperte à l'introspection, je me perdais moi-même* (F. Sagan, 1954); *Si ces gens détalent, c'est qu'ils n'ont pas la conscience tranquille* (H. Basin, 1978); *Le caviste hésita quelques secondes avant de s'exprimer à regret, comme s'il cherchait à soulager sa conscience* (M. Rivière, 2016).

«Сильным» контекстом можно считать и устойчивые словосочетания с лексемой *conscience* – *par acquit de conscience, en mon âme et conscience*, например. Значение «совести» у лексемы *conscience* в них зафиксировано словарями французского языка еще несколько веков назад. *Mistik n'était pas une victime, elle avait fait partie de la chaîne meurtrière, elle avait occulté la vérité en toute conscience et, au fond d'elle-même, elle savait* (F. Thilliez, 2018); *Une belle fellation, je veux te le dire, en mon âme et conscience, constitue une espèce d'œuvre d'art* (F. Dard, 1998).

В параллельном корпусе такая нейтрализация полисемии аналогично актуализируется при помощи прилагательных *tranquille, pure*, а также во ФЕ, таких как *par acquit de conscience, en conscience, capitulation de conscience: Nous pouvons rentrer à Paris la conscience tranquille, afin de nous installer dans son*

fauteuil encore tiède (F. Veigbeder, 1997-2000) *Теперь можно со спокойной совестью возвращаться в Париж, чтобы занять еще не остывшее кресло своего начальника* (перевод И. Волевич); *D'abord elle se révolta contre Dieu, le trouvant injuste de lui avoir pris sa fille – elle qui n'avait jamais fait de mal, et dont la conscience était si pure!* (G. Flaubert, 1877) *Первое время она роптала на Бога; она убеждала себя, что Бог совершил несправедливость, отняв у нее дочь, – ведь она никому не делала зла, совесть ее так чиста!* (перевод Е. Любимовой); *Le soir, plutôt par acquit de conscience, je me décidai à lire les pages de Charlotte jusqu'au bout* (Andreï Makine, 1995). *Вечером, больше для очистки совести, я решил дочитать Шарлоттину рукопись* (перевод Н. Шаховской); *Il répartit l'impôt, taxe chacun en conscience, juge les querelles gratis, partage les patrimoines sans honoraires, rend des sentences sans frais; et on lui obéit, parce que c'est un homme juste parmi des hommes simples* (Victor Hugo, 1862) *Он раскладывает налоги, облагая каждого по совести; бесплатно разбирает ссоры, безвозмездно производит раздел имущества между наследниками; он выносит приговоры, не требуя покрытия судебных издержек, и простые люди повинуются ему, как справедливому человеку* (перевод Н. Нолле-Коган); *Ceux qui ont réussi à se procurer ce matérialisme admirable ont la joie de se sentir irresponsables, et de penser qu'ils peuvent tout dévorer sans inquiétude, les places, les sinécures, les dignités, le pouvoir bien ou mal acquis, les palinodies lucratives, les trahisons utiles, les savoureuses capitulations de conscience, et qu'ils entreront dans la tombe, leur digestion faite* (Victor Hugo, 1862). *Люди, которым удалось обзавестись этой превосходной философией, испытывают приятное чувство полной безответственности и считают, что могут безмятежно пожирать все: должности, синекуры, высокие звания, власть, приобретенную как честным путем, так и нечестным. Они могут разрешать себе все: нарушение слова, когда это выгодно, измену, если она полезна, сделки с совестью, если они обещают наслаждение, а потом, по окончании пищеварительного процесса, спокойно сойти в могилу* (перевод Н. Нолле-Коган).

ФЕ *cas de conscience* также зафиксирована лексикографами в той части статьи *conscience*, где речь идет о совести. В переводе, однако, допускаются иные языковые средства, указывающие на нравственный контекст: «*L'abbé Birotteau... qui n'avait aucune expérience du monde et de ses mœurs, et qui vivait entre la messe et le confessionnal, grandement occupé de décider les cas de conscience les plus légers...*» (Gérard Genette, 1969). «... у Бирото не было никакого знания света и его нравов... вся жизнь его протекала между исповедями и обеднями; как духовник воспитательных заведений и нескольких прекраснодушных прихожан, высоко его ценивших, он был постоянно поглощен мелкой нравственной казуистикой, и его следовало бы считать взрослым ребенком...» (перевод Г. Шумиловой).

Использование причастий *bourrelée*, *déchirée*, определяющих существительное *conscience*, также позволяет нейтрализовать его многозначность в данном контексте. Их сочетаемость в этом значении отмечена словарями. *Le flux et le reflux, le méandre, l'aventure, était l'élément de son existence; conscience déchirée entraîne vie décousue...* (Victor Hugo, 1862). *Смена удач и неудач, хитроумные уловки, рискованные предприятия – из этого состояла его жизнь; нечистая совесть влечет за собой треволнения* (перевод Н. Нолле-Коган); *Son cœur était gros, sa conscience bourrelée de remords, car il 's'accusait plus que jamais de cet irréparable désastre* (Jules Verne, 1872). *На сердце у него было тяжело. Его терзали угрызения совести, ибо он больше, чем когда-либо, обвинял себя в случившейся непоправимой беде* (перевод Н. Габинского).

Аналогичная ситуация с глаголом *reprocher* в словосочетании *la conscience reproche*: *L'évêque, de son côté, quoiqu'il se gardât ordinairement de la curiosité, laquelle, selon lui, était contiguë à l'offense, ne pouvait 's'empêcher d'examiner le conventionnel avec une attention qui, n'ayant pas sa source dans la sympathie, lui eût été probablement reprochée par sa conscience vis-à-vis de tout autre homme* (Victor Hugo, 1862). *Епископ обычно воздерживался от любопытства, ибо в его понимании оно граничило с оскорблением, но теперь он внимательно разглядывал члена Конвента, хотя такое внимание, проистекавшее не из сочувствия,*

наверное, вызвало бы в нем угрызения совести, будь оно направлено на любого другого человека (перевод Н. Нолле-Коган).

Самыми неочевидными случаями нейтрализации являются примеры со словосочетаниями *lire dans les consciences* и *diriger les consciences*. На первый взгляд, лучшим переводом на русский язык кажутся варианты «читать в сознании» и «направлять сознание». Однако, согласно словарям, выражение *lire dans les consciences* связано со значением нравственного сознания как места обитания самых секретных мыслей и чувств [TLFi], а *diriger les consciences* имеет отношение к значению нравственного сознания как своду суждений, согласно которым человек действует [TLFi]. Таким образом, во французском тексте подразумевается значение «совести», но в русском переводе для благозвучности используются иные лексемы: *En tout cas, la situation était terrible, et, pour qui ne pouvait lire dans cette conscience, elle se résumait ainsi...* (Jules Verne, 1862) *Во всяком случае, положение было ужасно, и для того, кто не мог читать мысли Филеаса Фогга, оно сводилось к следующему...* (перевод Н. Габинского). Другой пример: *Avec cette sagacité questionneuse que contractent les prêtres habitués à diriger les consciences et à creuser des riens au fond du confessionnal, l'abbé Birotteau <...>* (G. Genette, 1969). *С дотошностью священника, привыкшего руководить душами своей паствы, копаясь в мелочах в глубине исповедадьни, – аббат Бирото<...>* (перевод Г. Шумиловой).

Все вышеперечисленные случаи являются примерами языковой многозначности, поскольку при идентификации значения лексемы использовались зафиксированные словарями и закрепленные в языке словосочетания. Однако фразовый контекст способен снимать и речевую неоднозначность: *Les bases biologiques de la conscience, par exemple: on commence à peine à déchiffrer les processus cérébraux* (B. Minier, 2016). Несомненно, биологические основы имеются у сознания, а не у совести. Микроконтекст предложения, в котором упоминаются мозговые процессы, поддерживает эту идею. Аналогична ситуация и в следующем примере: *Servaz fronça les sourcils. À*

cette heure, les mots avaient du mal à franchir les couches de fatigue et de sommeil qui emmaillotaient sa conscience, pareilles à des vêtements chauds et douillets. Ils entraient dans son cerveau avec la même lenteur que l'eau filtrant dans la cafetière (В. Minier, 2016). Согласно фразовому контексту и микроконтексту, усталость и сон, подобно теплым покрывалам, могут укутывать именно сознание, но не совесть. Макроконтекст (в данном случае абзац) подтверждает этот семантический вариант.

Однако, иногда ближний семантико-синтаксический контекст может обладать недостаточной «разрешающей способностью». В этом случае целесообразно изучить контекст всего фрагмента или даже литературного произведения, который по смыслу определит в каком из значений использована лексема. Рассмотрим отрывок из романа Жан-Поля Сартра «Тошнота»: *Il pense: «Mon Dieu, si je n'avais pas fait ça, si je pouvais n'avoir pas fait ça, si ça pouvait n'être pas vrai!» Le visage inquiet passe et repasse devant la conscience: «Peut-être qu'il va se tuer.» Mais non: cette âme douce et traquée ne peut songer à la mort. Il y a connaissance de la conscience. Elle se voit de part en part, paisible et vide entre les murs, libérée de l'homme qui l'habitait, monstrueuse parce qu'elle n'est personne... Les murs glissent à droite et à gauche. Il y a conscience du macadam, conscience du magasin de ferronnerie, des meurtrières de la caserne et la voix dit: «Pour la dernière fois.»* (J.-P. Sartre, 1938).

Первое употребление лексемы *conscience* не позволяет однозначно идентифицировать ее значение – беспокойное лицо может проходить в сознании персонажа или перед его совестью (зд. дословно). Микроконтекст говорит о чем-то возможном самоубийстве, что свидетельствует в пользу значения «совести». Однако в контексте абзаца лексема повторяется неоднократно, в т.ч. в словосочетаниях, снимающий вопрос многозначности в пользу «сознания». Макроконтекст всего произведения подтверждает этот семантический вариант, поскольку основная идея романа – ОСОЗНАНИЕ бессмысленности и иррациональности жизни. Тошнота – это слишком сильное обострение ощущений

главного героя Антуана, сопровождающее внезапное ОСОЗНАНИЕ мира. В переводе, таким образом, используется значение «сознания»: *«Господи, – думает он, – и зачем я это сделал, хоть бы я этого не сделал, хоть бы все было неправдой!»* *Взволнованное лицо вновь и вновь проходит перед сознанием: «А вдруг он покончит с собой».* *Но нет, эта кроткая, затравленная душа не может думать о смерти. Есть сознание, сознающее самое себя. Оно видит себя насквозь, спокойное и опустелое среди этих стен, оно освобождено от человека, обитавшего в нем, оно чудовищно, потому что оно никто... Стены домов тянутся справа и слева. Есть сознание дорожного покрытия, скобяной лавки, амбразур казармы, и голос говорит: «В последний раз»* (перевод Ю. Яхниной).

Иногда макроконтэкстом может выступать не внутреннее содержание отрывка или произведения, а функциональный стиль. Для публицистики, не относящейся к тематике нравственности, предпочтительным семантическим вариантом лексемы *conscience* является «сознание». Возьмем для примера следующий отрывок из произведения, весь контекст которого отмечен литературоведческим направлением: *Le principe de la critique richardienne, on le sait, consiste à chercher le sens et la cohérence d'une œuvre au niveau des sensations, des rêveries substantielles, des préférences avouées ou inavouées pour certains éléments, certaines matières, certains états du monde extérieur, au niveau de cette région de la conscience, profonde mais ouverte aux choses, que Bachelard a nommée l'imagination matérielle* (G. Genette, 1966). *Принцип ришаровской критики, как известно, заключается в поисках смысла и связности того или иного произведения на уровне ощущений, субстанциальных грез, высказанных или невысказанных предпочтений автора в отношении некоторых стихий, веществ, тех или иных состояний внешнего мира, то есть на уровне той глубинной, но открытой вещам области сознания, которую Башляр назвал материальным воображением* (перевод Е. Васильевой).

В художественных произведениях разрешение лексической многозначности может быть реализовано посредством жанра произведения. В исторических

романах предпочтительным семантическим вариантом является «совесть». В «Воспоминаниях Адриана» М. Юрсенар повествование ведется от лица римского императора, и, разумеется, в его «древних» устах слово *conscience* имеет только одно значение: *On s'est récrié quand j'ai banni de Rome une patricienne riche et considérée qui maltraitait ses vieux esclaves ; le moindre ingrat qui néglige ses parents infirmes choque davantage la conscience publique, mais je vois peu de différence entre ces deux formes d'inhumanité* (M. Yourcenar, 1951). *Люди негодовали, когда я изгнал из Рима богатую и всеми уважаемую патрицианку, которая истязала своих старых рабов; общественную совесть куда больше возмущает небрежение неблагодарных детей к престарелым родителям, но я не вижу большого различия между этими двумя формами бесчеловечности* (перевод М. Ваксмахера).

Произведение может не принадлежать строго к историческому жанру, но его действия разворачиваются в иную эпоху и его герои говорят на языке XVII, XVIII столетия. В таком случае предпочтительным контекстуальным значением лексемы также является «совесть». Так, в известной серии любовных романов «Анжелика» авторов Анны и Сержа Голон речь идет о красавице XVII века, и, соответственно, временной период оказывает влияние на выбор языковых средств: *Angélique interrogea sa conscience. Ce besoin qu'elle avait ressenti en arrivant à Québec de s'isoler, de dissocier un peu sa vie de celle de son époux, n'était-il pas un signe?* (A. et S. Golon, 1980). *Анжелика спросила свою совесть. По приезде в Квебек у нее возникло желание уединиться в своем мире, отделить свою жизнь от жизни мужа. Что это, предзнаменование?* (перевод И. Пантелеевой).

В небольшой группе примеров нейтрализация многозначности лексемы *conscience* может быть реализована при помощи вертикального контекста. Социально-исторический вертикальный контекст предполагает некое фоновое знание, имеющееся у читателя и позволяющее ему правильно интерпретировать содержание текста. Для лексемы *conscience* таким вертикальным контекстом можно считать некоторые ФЕ, значение которых читателю следует знать для

понимания микроконтекста. Подобные случаи встречаются в корпусе иллюстративных примеров.

Например, в произведении говорится о государственном органе при короле – Духовном Совете, который рассматривал вопросы назначения на высшие духовные должности: *Quant à votre M. Vincent, tout ecclésiastique qu'il est, d'après ce que j'ai compris et entendu dire de lui, ses façons ont quelque chose d'hérétique dont Rome devrait bien se méfier. – N'empêche que S. M. le roi Louis XIII, au moment de mourir, l'a voulu mettre à la tête du Conseil de Conscience* (A. et S. Golon, 1980). В другом примере, читателю следует быть знакомым с феноменом «человека, отказывающегося от военной службы по религиозно-этическим соображениям» – *objecteur de conscience: Sous les ordres du maréchal Pétain, les soldats fusillaient leurs collègues déserteurs ou objecteurs de conscience afin de refroidir les vellétés de rébellion. Pour ma part, j'ai perdu un pied dans un bombardement* (B. Werber, 2017). В обоих случаях благодаря фоновым знаниям осуществляется реализация программы семантического варианта «совести».

Все вышеперечисленные случаи являются примерами нейтрализации полисемии. Однако, не всегда нейтрализация возможна. Как уже упоминалось выше, значения «совести» и «сознания» так близки во французском языке, что порой они трудноразличимы. Нерасчлененность значения слова или формы, реализация разных смыслов слова и формы в едином речевом акте является признаком синкретизма, который предполагает конъюнкцию значений [Зубова, 1989, с. 14]. В лингвистике это явление также называется неразличением значений, однако последовательности в использовании этих терминов нет [Зализняк, 2006, с. 32]. Отметим, что в близкородственном французскому итальянском языке понятия «совесть» и «сознание» также инкорпорируются одно в другое [Школьников, 2019, с. 141].

Как упоминалось в Гл.3, *conscience (morale)* интерпретируется словарями как «особое свойство сознания, которое позволяет человеку выносить мгновенные суждения о нравственной ценности поступков» [TLFi]. Граница между

«сознанием» и «свойством сознания» в некоторых речевых ситуациях оказывается слишком тонкой, в результате чего в переводах превалирует контекстуальное значение, которое невозможно предусмотреть в словаре.

Рассмотрим следующий пример. Во французском языке прилагательные *commun* и *publique* являются синонимами [LDF]. Однако словосочетания *conscience commune* и *conscience publique*, согласно TLFi, не синонимичны – первое относится к сознанию (*ensemble des faits psychiques (représentations, idées, sentiments, aspirations, croyances, interdits...) communs aux membres d'une même société, qui se manifeste par les rites, les traditions, les institutions... et dont l'existence est particulièrement ressentie lors de certains rassemblements*), второе – к совести (*la conscience morale en tant qu'elle est le fait d'un ensemble de personnes*). Однако, несмотря на фиксированное лексикографами значение «совести» в словосочетании *conscience publique*, на уровне речи это словосочетание приобретает контекстуальное значение «общественного сознания»: *Il suffit de considérer la façon naïve dont l'opinion se passionne autour de chaque projet de réforme pour constater qu'il s'agit toujours, dans la conscience publique, de la réforme de l'enseignement...* (G. Genette, 1969) *Глядя, как публика простодушно приходит в волнение по поводу каждого проекта реформы образования, становится ясно, что в сознании общества здесь всякий раз дело идет о «великой реформе всего образования»...* (перевод Г. Шумиловой). Налицо неразличение двух значений лексемы.

Рассмотрим другой пример. Во фразе *la violence si souvent faite à la conscience* существительное *conscience* находится в отношениях со словосочетанием *faire la violence*. Исходное словосочетание *violier les consciences* употребляется в сфере общественной морали и обозначает «навязывание обществу противной ему идеологии» [TLFi, LDF], а значит позволяет интерпретировать *conscience* как «совесть». Однако, нельзя утверждать, что не фиксированное в словарях значение «сознания» в этом словосочетании не могло бы иметь место ни в одной речевой ситуации. Подобное утверждение было бы основано исключительно на

эмпирических знаниях. Следовательно, для определения правильного семантического варианта слова необходимо помимо фразового контекста обратиться к микроконтексту (предложению) или даже макроконтексту. Рассмотрим полное предложение из произведения В. Гюго «Отверженные»: *Ajoutez à cela la violence si souvent faite à la conscience, les vocations forcées, la féodalité s'appuyant au cloître, l'aînesse versant dans le monachisme le trop plein de la famille, les férocités dont nous venons de parler, les in-pace, les bouches closes, les cerveaux murés, tant d'intelligences infortunées mises au cachot des vœux éternels, la prise d'habit, enterrement des âmes toutes vives. Ajoutez les supplices individuels aux dégradations nationales, et, qui que vous soyez, vous vous sentirez tressaillir devant le froc et le voile, ces deux suaires d'invention humaine* (Victor Hugo, 1862). В этом отрывке речь идет о монашестве в Испании, которое автор несомненно осуждает, приводя примеры его жестокости. Однако, не очевидно, что автор осуждает именно насилие над совестью, а не над человеческим сознанием. В рамках микроконтекста одного предложения окружающие словосочетания *les bouches closes* и *les cerveaux murés* также не добавляют ясности. Первое скорее указывает на «совесть», второе ближе к «сознанию». Более широкий контекст абзаца дает дополнительные описания жестокости и несправедливости, но не позволяют реализовать единственную семантическую программу. В результате в русском языке, вероятно исходя из эмпирических знаний переводчика, лексема *conscience* приобретает значение «совести»: *Добавьте к этому частое насилие над совестью, принудительное пострижение, феодальный строй, опиравшийся на монастырь, право первородства, разрешавшее старшим отсылать в монастыри младших членов больших семей, жестокости, о которых мы только что упоминали, in-pace, замкнутые уста, заточенные мысли, великое множество несчастных душ, брошенных в темницу вечных обетов, принятие схимы, погребение заживо* (перевод Н. Нолле-Коган).

В целом, можно отметить, что количество примеров с синкретизмом в обоих корпусах несравнимо меньше, чем примеров с нейтрализацией полисемии.

Помимо нейтрализации и синкретизма возможным проявлением «ассиметричного дуализма лингвистического знака» является амфиболия – двусмысленность или неясность выражения, допускающая два различных истолкования. Именно амфиболия является источником каламбурности. Чаще всего амфиболия используется в анекдотах и заголовках СМИ. Подобный заголовок-каламбур – это не простая игра слов в анекдоте или шутке, в нем всегда содержится определенная культурная пресуппозиция. Если, например, адресат не обладает определенными фоновыми знаниями, то не сможет расшифровать амфиболию, заложенную в текст заголовка [Середа, 2013, с. 148].

Использование языковой неоднозначности также известный прием рекламы, успехом которой является обнаружение адресатом обоих смыслов, одновременно присутствующих в том или ином рекламном тексте [Зализняк 2006, с. 32]. Примером амфиболии с лексемой «совесть» в русском языке является, например, рекламный лозунг «Отдам совесть в хорошие руки». Адресат одновременно воспринимает два смысла лексемы – 1. нравственное чувство, 2. карта рассрочки платежей, причем для полноты комического эффекта слово «совесть» не выделено кавычками.

При анализе примеров с лексемой *conscience* случаев амфиболии нами не выявлено ни в одном, ни в другом корпусе. Это обусловлено жанром произведений – в основном художественной литературы, редко публицистической. Представляется, что такие примеры могут иметь место в рекламных или юмористических текстах, что может стать предметом другого исследования.

В заключение нужно отметить, что в абсолютном большинстве случаев микро- или макроконтекст способен нивелировать многозначность лексемы *conscience*. В корпусе иллюстративных примеров среди всех 1887 случаев употребления лексемы 1050 раз она используется в значении «сознания/осознания», 801 раз – в значении «совесть», и лишь 36 случаев можно

считать «слабым» контекстом, в котором выделить семантический вариант не представляется возможным.

4.3. Межъязыковой перевод и лингвокультурная трансляция смыслов

Изучая проблему межъязыкового перевода, каждый сталкивается с вопросом – возможен ли идеальный перевод? В работах французских филологов можно часто встретить пармаз, ставший сентенцией – «Traduire, c'est trahir», пришедший во французский язык от древнего итальянского изречения «Traduttore, traditore». Его идея в том, что невозможно достигнуть идеального перевода, работа переводчика – это всегда компромисс. Переводы существуют веками, наука о переводе появилась не так давно. Однако, и тогда и сейчас этот вопрос остается актуальным, его рассматривают представители разных школ перевода [Froeliger, 2017]. Всякий язык имеет свою особую неповторимую и непроницаемую для других языков внутреннюю форму [Щетинкин, 1987, с. 6], которая при переводе неизменно подвергается изменениям. Нельзя не согласиться с высказыванием В. Гумбольдта: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только труднодостижимо, но и почти невозможно» [цит. по: Щетинкин, 1987, с. 6].

У перевода, как лингвистического понятия, существует множество определений. Л. С. Бархударов, например, называет переводом «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, т.е. значения» [Бархударов, 1975, с. 11]. Н. К. Гарбовский под переводом понимает

«общественную функцию коммуникативного посредничества», подразумевающую эквивалентную и максимально полную передачу смыслов [Гарбовский 2004, с. 214]. Независимо от того угла, под которым исследователями рассматривается перевод, в нем «предполагается наличие исходного текста, текста перевода, переводчика, лингвокультурных различий, вариантов перевода и другие аспекты» [Дубкова, Колышкина 2017, с.8].

В прошлом веке, когда и появилась наука о переводе, в нашей стране существовали и противопоставляли себя друг другу два подхода в теории перевода – лингвистический и реалистический. В основу лингвистической теории, автором которой считается А. В. Федоров, положен функциональный принцип установления закономерностей при сопоставлении словарного запаса, грамматики и стилистики разных языков, а также анализа переводческой практики. Реалистическая теория перевода, созданная И. А. Кашкиным, в своей основе имела познание действительности за пределами текста и отрицала специфику формы. Мировая же теория перевода, в целом, развивалась в трех направлениях: «статическая парадигма – ориентация на язык как на систему и восприятие перевода как перевода языков, динамическая парадигма – ориентация на текст как речевую реализацию языка и деятельностная парадигма – ориентация на переводческую деятельность» [Алексеева, 2008, с. 28]. Независимо от парадигмы и направления, целью перевода является «сохранение содержаний, функций, стилевых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала» [Виноградов, 2001, с.20]. Другими словами, перевод должен полно и адекватно передавать идею языка-оригинала, содержащего всю совокупность импликаций языкового, социального и культурного плана [Колшанский, 1980, с.112].

Это стало возможным вместе со сменой ориентации, произошедшей в науке за последние десятилетия, – внимание ученых обратилось со сферы языка на сферу текста. Современная теория перевода гласит, что переводятся не слова, не предложения, а текст, заключающий в себе какую-то мысль. Текст – это

материализованное выражение духовной культуры, средство познания исторической и социальной реальности [Кривоносов, 2017]. Вербальная коммуникация осуществляется не в рамках слов или предложений, а в рамках текста. В рамках текста достигается коммуникативный эффект, который является задачей межъязыковой коммуникации. Коммуникативный эффект подразумевает наличие у реципиента той же реакции на текст на исходном языке, что и на переводимом языке.

Достижение коммуникативного эффекта возможно при преодолении переводчиком межъязыковых различий, таких как несоответствие лексических или грамматических единиц при переводе с одного языка на другой, а также при преодолении межкультурных различий. Согласно Ж. Мунэну, Они вызваны тремя группами проблем: специфичностью семантики языковых знаков, несовместимостью «картин мира», создаваемых языком для отражения внеязыковой реальности, и различиями в самой этой реальности, в культуре и цивилизации носителей разных языков [Цит по: Комиссаров, 1999, с. 34].

Прежде всего это касается художественных текстов, поскольку любой художественный текст представляет собой «своеобразное явление с культурной точки зрения, так как он описывает действительность, которая является совершенно особенной по отношению к реальной, поскольку она создается автором текста» [Тимко, 2011]. Следовательно, для достижения коммуникативного эффекта при переводе художественного текста переводчику следует учитывать языковые и особенности двух языков, культурно-этнические ценности обеих картин мира, а также текстовый мир и авторский стиль.

Общность эквивалентных языковых средств, которые используются при переводе, может устанавливаться на различном уровне и заключаться либо в подобии языковых форм, либо в общности значений при формальном расхождении языковых средств, либо в общности описываемой ситуации [Гак, Григорьев, 2019, с. 10].

Я. И. Рецкер выделяет в процессе перевода три категории соответствия: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества означаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов, 2) вариантные и контекстуальные соответствия, 3) все виды переводческих трансформаций [Рецкер, 2007, с. 12]. Переводческие трансформации – это многочисленные и разнообразные межъязыковые образования, осуществляющиеся для достижения переводческой эквивалентности, состоящие в замене регулярных соответствий контекстуальными соответствиями. Следовательно, контекст определяет выбор переводчиком языковых средств и использование тех или иных трансформаций. «Контекстуальная зависимость значений языковых единиц как отдельных предложений, так и всего текста представляет собой то необъятное поле творческой деятельности переводчика, которое дает основание многим филологам относить процесс перевода скорее к искусству, нежели к науке» [Колшанский, 1980, с. 115].

Любая многозначность языковых единиц поддается переводу благодаря раскрытию всех контекстных смысловых связей элементарных единиц, образующих целый коммуникативный отрезок или текст.

Для изучения вопросы снятия многозначности лексемы *conscience* обратимся к переводам на русский язык произведений французских классиков. Профессиональные переводчики решали проблему многозначности в т.ч. исходя из своего жизненного и социокультурного опыта, что, как известно, характерно почти для любого перевода художественного текста.

Для анализа нами использованы два произведения – «Милый друг» Ги де Мопассана и «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера. Выбор этих романов не случаен. Во-первых, они принадлежат к классике французской литературы, во-вторых, они описывают нравственные проблемы, и, в-третьих, существует как минимум два перевода каждого из этих произведений на русский язык.

Романы написаны в одном веке, «Госпожа Бовари» в 1856 году, «Милый друг» в 1885 году. Главная героиня романа «Госпожа Бовари» – Эмма Бовари,

жена врача, живущая не по средствам и заводящая внебрачные связи в надежде избавиться от пустоты и обыденности провинциальной жизни. «Милый друг» рассказывает об авантюристе, который мечтает сделать блестящую карьеру. У него нет каких-либо талантов, разве что своей внешностью он может покорить сердце любой дамы, а совесть прощает ему любую подлость.

Роман «Госпожа Бовари» имеет несколько переводов на русский язык. Рассмотрим переводы А. Чеботаревской, А. Ромма и Н. Любимова.

Анализируя примеры из романа, можно отметить, что лексема *conscience* используется в значении «сознания/осознания», «совести» и «добросовестности, усердия».

Выбор семантического варианта лексемы *conscience* в большинстве случаев осуществляется переводчиками одинаково. В произведении зафиксирован лишь один пример, где в переводах реализуется разная семантическая программа лексемы. А. Чеботаревская решает ее в пользу «совести», остальные переводчики – в пользу «сознания». В следующем отрывке Флобер описывает душевную тоску главной героини: *«Dans l'assoupissement de sa conscience, elle prit même les répugnances du mari pour des aspirations vers l'amant, les brûlures de la haine pour des réchauffements de la tendresse <...>»*.

В переводе А. Чеботаревской: *«В усыплении своей совести она принимала даже отвращение к мужу за порывы страсти к любовнику, ожоги ненависти – за вспышки любви <...>»*

В переводе А. Ромма: *«В дремоте, окутавшей ее сознание, она даже приняла отвращение к мужу за тягу к возлюбленному, ожоги ненависти – за тепло нежности <...>»*

В переводе Н. Любимова: *«Усыпленное сознание Эммы принимало отвращение к мужу за влечение к любимому человеку, ожоги злобы – за вспышки нежности <...>»*

Очевидно, что выбор в пользу «совести» или «сознания» в переводе не может быть сделан исходя из фразового контекста, т.к. в языке ФЕ *l'assoupissement de la*

conscience не зафиксирована. Макроконтекст говорит об угасшей страсти героини, холоде и тоске в ее душе, но в нем не упомянуты нравственные терзания или угрызения, которые свидетельствовали бы о том, что дремала ее совесть, а не сознание. В связи с этим, возможно предпочтительным вариантом является «сознание», но сам факт наличия разных переводов лексемы в этом предложении говорит о неопределенности ее значения.

Рассмотрим другие примеры. Во всех русских текстах идентичны переводы лексемы *conscience* в значении «усердия, добросовестности». О юном Шарле Бовари Флобер пишет: «*Nous le vîmes qui travaillait en conscience, cherchant tous les mots dans le dictionnaire et se donnant beaucoup de mal*».

В переводе А. Чеботаревской: «Мы видели, что он работает добросовестно, отыскивает каждое слово в словаре, не жалеет труда».

В переводе А. Ромма: «Мы глядели, как добросовестно он работал, старательно проверяя все по словарю».

В переводе Н. Любимова: «Мы видели, как добросовестно он занимался, поминутно заглядывая в словарь, стараясь изо всех сил».

Менее однозначен пример, описывающий тщательно продуманный туалет Эммы. *Conscience* везде подразумевается как «добросовестность», однако ее определение *méticuleuse* позволяет по-разному интерпретировать отношение автора к ней. В переводе А. Чеботаревской появляется пейоративный оттенок. В остальных переводах идея «добросовестности» выражена другими членами предложения.

У Флобера: «*Emma fit sa toilette avec la conscience méticuleuse d'une actrice à son début*».

В переводе А. Чеботаревской: «Эмма принялась за свой туалет с мелочной добросовестностью актрисы перед дебютом».

В переводе А. Ромма: «Эмма занялась туалетом тщательно и обдуманно, как актриса перед дебютом».

В переводе Н. Любимова: «У Эммы туалет был обдуман до мелочей, точно у актрисы перед дебютом».

В сцене, где Эмма слышит колокольный звон и как замороженная направляется к церкви, во всех переводах словосочетание *sans en avoir conscience* имеет смысл «не осознавая», т.е. вопрос многозначности решен в пользу «сознания» благодаря фразовому контексту. Практическая передача этой идеи осуществляется при помощи синонимичных в данном контексте конструкций «безотчетно» и «не рассуждая».

У Флобера: «*Alors un attendrissement la saisit ; elle se sentit molle et tout abandonnée, comme un duvet d'oiseau qui tournoie dans la tempête ; et ce fut sans en avoir conscience qu'elle s'achemina vers l'église, disposée à n'importe quelle dévotion, pourvu qu'elle y absorbât son âme et que l'existence entière y disparût*».

В переводе А. Чеботаревской: «Ее охватило умиление; она почувствовала себя мягкой и слабой, кинутой, как пушинка в бурю, кружащейся в вихре; и бессознательно направилась она к церкви, готовая на всякий подвиг благочестия, лишь бы он мог захватить всю ее душу, поглотить все ее существование».

В переводе А. Ромма: «И вот на нее нахлынуло умиление; она почувствовала себя одинокой, слабой, словно пушинка, подхваченная вихрем; она безотчетно направилась в церковь, готовая на любой благочестивый поступок, только бы он поглотил ее душу, только бы в нем растворилась вся жизнь».

В переводе Н. Любимого: «На душу Эммы снизошло умиление. Она вдруг почувствовала, что она слаба и беспомощна, как пушинка, которую кружит вихрь. И, не рассуждая, направилась к церкви, – она готова была дать любой обет, лишь бы на его исполнение ушли все ее душевные силы, лишь бы он поглотил ее всю без остатка».

Похожий случай встречается в описании следующей сцены: « <...> *tu peux te trouver appelé en des circonstances graves, par-devant les tribunaux, afin d'y éclairer la conscience des magistrats ; et il faudra pourtant garder son sang-froid, raisonner, se montrer homme, ou bien passer pour un imbécile !*»

Фразовый контекст однозначно указывает на семантический вариант «сознания», но лишь в переводе А. Ромма лексема «сознание» остается в предложении. Остальные переводчики прибегают к лексико-грамматическим трансформациям.

В переводе А. Чеботаревской: « <...> *ведь тебя могут вызвать на судоговорение, дабы пролить свет на важнейшее дело перед лицом судей; и тебе необходимо будет при всем этом сохранять хладнокровие, рассуждать, показать себя мужчиной, или же прослыть идиотом!*»

В переводе А. Ромма: «*А между тем тебя могут в тяжелейших обстоятельствах вызвать в трибунал, чтобы ты просветил сознание судей: и тогда тебе надо будет сохранять хладнокровие, рассуждать, вести себя, как подобает мужчине, а не то прослывешь болваном!*»

В переводе Н. Любимова: «*Тебя могут вызвать в суд, дабы ты пролил свет на какое-нибудь чрезвычайно запутанное дело, и тебе надо будет сохранять спокойствие, рассуждать, вести себя, как подобает мужчине, а иначе тебя примут за идиота!*» В данном случае переводчик использует прием генерализации, заменяя более узкое по значению словосочетание «сознание судей» на более широкое «запутанное дело».

Другой вариант переводческих трансформаций при попытке передать значение «сознания» виден в следующем примере. У Флобера: «*Charles se demanda plusieurs fois par quel moyen, l'année prochaine, pouvoir rembourser tant d'argent <...> Alors il découvrait de tels embarras, qu'il écartait vite de sa conscience un sujet de méditation aussi désagréable*».

В переводе А. Чеботаревской: «*До такой путаницы додумывался он, что ничего не оставалось, как просто забыть о предмете столь неприятном*».

В переводе А. Ромма: «*Препятствия казались ему такими огромными, что он поскорее отворачивался от столь неприятной темы размышлений*».

В переводе Н. Любимова: «*Положение было безвыходное, и он стал гнать от себя мрачные мысли*».

В целом, следует отметить, что нередко случаи, когда перед переводчиками не стоит вопрос многозначности лексемы *conscience*, но стоит задача передачи смысла «сознания» другими языковыми средствами, более характерными для художественного дискурса в русском языке. Флобер так описывает сцену между Эммой и Шарлем: *«Au choc imprévu de cette phrase tombant sur sa pensée comme une balle de plomb dans un plat d'argent, Emma tressaillant leva la tête pour deviner ce qu'il voulait dire ; et ils se regardèrent silencieusement, presque ébahis de se voir, tant ils étaient par leur conscience éloignés l'un de l'autre».*

В переводе А. Чеботаревской: « <...> и оба глядели друг на друга молча, почти с изумлением, – до такой степени в сознании своем они были удалены друг от друга».

В переводе А. Ромма: « <...> долго глядели они молча, почти удивляясь, что видят друг друга, – так далеко разошлись их мысли».

В переводе Н. Любимова: «Они обменялись безмолвным взглядом, как бы дивясь, что видят перед собой друг друга, – так они были сейчас внутренне далеки».

Другой пример. У Флобера: *«La voix de la chanteuse ne lui semblait être que le retentissement de sa conscience, et cette illusion qui la charmait quelque chose même de sa vie».*

В переводе А. Чеботаревской: «Голос певицы казался ей отзвуком ее собственной души, а чаровавшая ее иллюзия имела что-то общее с ее жизнью».

В переводе А. Ромма: «Голос певицы казался ей лишь отзвуком ее собственных мыслей, а вся эта чарующая иллюзия – какой-то частью ее жизни».

В переводе Н. Любимова: «Голос певицы казался ей отзвуком ее собственных дум, во всем этом пленительном вымысле отражалась какая-то сторона ее жизни».

По-разному переводится и конструкция *avoir conscience de*; для придания образности переводчики зачастую избегают глагольных производных лексемы «сознание». Вместо них могут использоваться глаголы «ощущать»,

«чувствовать». Например, душевное состояние своей героини Флобер описывает так: *«Elle resta perdue de stupeur, et n'ayant plus conscience d'elle-même que par le battement de ses artères, qu'elle croyait entendre s'échapper comme une assourdissante musique qui emplissait la champagne».*

В переводе А. Чеботаревской: *«Она замерла в каком-то оцепенении, не сознавая, не чувствуя ничего, кроме биения крови в артериях, которое показалось ей оглушительной музыкой, наполнившей всю окрестность».*

В переводе А. Ромма: *«Она вся оцепенела, она ощущала себя только по биению сердца, – его стук казался ей оглушительной музыкой, разносящейся по всему полю».*

В переводе Н. Любимова: *«Она вся точно окаменела; она чувствовала, что еще жива, только по сердцебиению, которое казалось ей громкой музыкой, разносившейся далеко окрест».*

В другом отрывке поклонник признается Эмме в своих чувствах. У Флобера: *«À chaque minute, cependant, j'avais de plus en plus conscience de ma sottise, et je continuais à marcher près de vous, n'osant vous suivre tout à fait, et ne voulant pas vous quitter».*

В переводе А. Чеботаревской: *«С каждой минутой, однако, я все яснее сознавал свою глупость и продолжал идти вслед за вами, не смея открыто сопроводить вас и не желая вас покинуть».*

В переводе А. Ромма: *«С каждой минутой во мне росло сознание собственной глупости, а я все шел да шел, не смея провожать вас по-настоящему и не желая с вами расстаться».*

В переводе Н. Любимова: *«С каждой минутой мне все яснее становилось, что я допустил бестактность».* Переводчик полностью исключил «сознание» и его производные из предложения, прибегнув к иным языковым средствам.

Примечательно, что встречаются случаи, когда переводчик прибегает к лексико-грамматическим трансформациям даже тогда, когда дословный перевод не нарушает ни смысл, ни стилистику сцены. Например, описывая успешного

доктора Лариверьера, Флобер говорит: *«Et il allait ainsi, plein de cette majesté débonnaire que donnent la conscience d'un grand talent, de la fortune, et quarante ans d'une existence laborieuse et irréprochable».*

В переводе А. Чеботаревской: *«Так жил он, полный того благодушного величия, которое дается человеку сознанием большого таланта, удачи и четырьмя десятками годов безупречной трудолюбивой жизни».*

В переводе А. Ромма: *«Так держал он себя, исполненный того добродушного величия, которое дается сознанием большого таланта, счастья и сорокалетней безупречной трудовой жизни».*

В переводе Н. Любимова: *«Так он шел по жизни, исполненный того благодушного величия, которое порождает большой талант, благосостояние и сорокалетняя непорочная служба».* В данном случае используется переводческая трансформация, обратная модуляции.

Для анализа примеров из романа Ги де Мопассана «Милый друг» рассмотрим переводы Н. Любимова и А. Чеботаревской.

В данном романе предпочтительным семантическим вариантом лексемы *conscience* оказывается «совесть», что обусловлено сюжетной линией произведения и рассуждениями автора и персонажей о нравственности поступков. В отличие от романа Флобера, в переводах «Милого друга» не встречаются разные варианты интерпретации лексемы, во всех примерах переводчики единодушно прибегают к значению «совести».

Передача смысла «совести» в разных переводах осуществляется идентичными языковыми средствами, зачастую оба переводчика прибегают к дословному переводу. Например, у Мопассана: *«Il apaisait sa conscience par ce raisonnement : “Je lui rendrai le tout en bloc. Ce n'est en somme que de l'argent prêté”».*

В переводе А. Чеботаревской: *«Он успокоил свою совесть следующим рассуждением: “Я верну ей все сразу. В сущности, это просто деньги, взятые взаймы”».*

В переводе Н. Любимова: «Я верну ей все сразу, – успокаивал он свою совесть. – Разумеется, я беру их у нее взаймы».

Другой пример. У Мопассана: «*Elle hésite ; elle m'a parlé de je ne sais quoi, d'engagement, de conscience*».

В переводе Н. Любимова: «Она что-то колеблется, заговорила со мной о каком-то нравственном долге, о совести».

В переводе А. Чеботаревской: «Она говорила мне о чем-то: об обязанностях, о совести, вообще имела забавный вид».

Аналогичен пример в ситуации, когда журналист другого издания обвиняет Ж. Дюруа в профессиональной нечистоплотности. Контекст однозначно свидетельствует, что лексема *conscience* в предложении выступает в значении «совесть». В переводах используются одинаковые средства выражения. У Мопассана: «*Le sieur Duroy, de La Vie Française, nous donne un démenti ; et, en nous démentant, il ment. Il avoue cependant qu'il existe une femme Aubert, et qu'un agent l'a conduite à la police. Il ne reste donc qu'à ajouter deux mots : « des mœurs » après le mot « agent » et c'est dit. Mais la conscience de certains journalistes est au niveau de leur talent*».

В переводе А. Чеботаревской: «Но совесть у некоторых журналистов находится на одном уровне с их талантом».

В переводе Н. Любимова: «Но совесть у некоторых журналистов стоит на одном уровне с их дарованием».

Не подлежащие дословному переводу словосочетания также находят одинаковую реализацию в разных переводах. Переводчики отказываются от синтаксической структуры оригинала, но сохраняют его семантическую структуру. У Мопассана: «*Ils tâchaient de se voir à nu la conscience en une interrogation ardente et muette : lutte intime de deux êtres qui, vivant côte à côte, s'ignorent toujours, se soupçonnent, se flairent, se guettent, mais ne se connaissent pas jusqu'au fond vaseux de l'âme*».

В переводе А. Чеботаревской: «*При помощи этого горячего и немого допроса каждый из них пытался обнажить совесть другого*».

В переводе Н. Любимова: «*<...> в глазах у каждого стоял жгучий и немой вопрос, пытавшийся обнажить совесть другого*».

Среди приемов трансформации, используемых для перевода примеров с лексемой *conscience*, присутствует и прием генерализации. В уста одного из персонажей Мопассан вкладывает следующую реплику: «*– Tu laisses toujours soupçonner un tas de choses que je n'aime pas. Ne nous mêlons jamais des affaires des autres. Notre conscience nous suffit à gouverner*». Для перевода сентенции *Notre conscience nous suffit à gouverner* переводчики частный случай, выраженный местоимением *nous*, обобщают до всех людей, до каждого в отдельности.

В переводе А. Чеботаревской: «*– Ты всегда полна неуместных подозрений. Не будем вмешиваться в чужие дела. Пусть каждый поступает по своей совести*».

В переводе Н. Любимова: «*– Вечно ты чего-то недоговариваешь, не люблю я этой манеры, – проворчал г-н де Марель; в тоне его слышалось вялое раздражение. – Никогда не нужно вмешиваться в чужие дела. Надо предоставить людям поступать, как им подсказывает совесть*».

Отличается от других пример, в котором в начале романа автор дает характеристику своему главному герою. Мопассан описывает его так: «*Sa conscience native de Normand, frottée par la pratique quotidienne de l'existence de garnison, distendue par les exemples de maraudages en Afrique, de bénéfices illicites, de supercheries suspectes, fouettée aussi par les idées d'honneur qui ont cours dans l'armée, par les bravades militaires, les sentiments patriotiques, les histoires magnanimes racontées entre sous-offfs et par la gloriole du métier, était devenue une sorte de boîte à triple fond où l'on trouvait de tout*».

Выбор семантического варианта лексемы *conscience* не очевиден, фразовый контекст допускает и «нормандскую совесть» и «нормандское сознание». Макроконтэкст ставит *conscience* в оппозицию, в отношения контрадикторности с

понятиями *maraudages, bénéfices illicites, supercheries suspectes*. В результате Н. Любимов переводит лексему как «совесть», а А. Чеботаревская выбирает словосочетание «честная натура», что по смыслу тоже ближе к «совести», нежели к «сознанию».

В переводе А. Чеботаревской: *«По натуре честный нормандец, он развратился под влиянием повседневной гарнизонной жизни – обычного в Африке мародерства, незаконных доходов и мошеннических проделок».*

В переводе Н. Любимова: *«Его нормандская совесть, искушаемая повседневной гарнизонной жизнью с ее обычным в Африке мародерством, плутнями и незаконными доходами <...>».*

Единственным примером, когда *conscience* в романе имеет не значение «совести», а «сознания, осознания», встречается в описании сцены, где герой идет по бульвару, и его фрак заставляет его почувствовать себя другим человеком. При переводе этого отрывка лексема *conscience* дословно не переводится. У Мопассана: *«La sensation de son habit noir endossé pour aller dîner chez des gens très riches, très connus, très importants, lui donnait le sentiment d'une personnalité nouvelle, la conscience d'être devenu un autre homme, un homme du monde, du vrai monde».*

В переводе А. Чеботаревской: *«Черный фрак, надетый чтобы идти на обед к очень богатым, очень известным, очень влиятельным людям, вызывал в нем такое чувство, словно он стал новым человеком, человеком из общества, из настоящего светского общества».*

В переводе Н. Любимова: *«На нем был фрак, он шел обедать к богатым, почтенным, влиятельным людям – все это вызывало в нем такое чувство, точно он сам стал важной особой, стал совсем другим человеком, человеком из общества, из высшего общества».*

Итак, за редким исключением в переводах не наблюдается разницы в выборе семантического варианта лексемы, однако его реализация на русский язык осуществляется при помощи разных языковых средств.

В исследуемых романах при переводе лексемы *conscience* в тех случаях, где она используется в значении «совести», переводчики зачастую, но не всегда прибегают к русскому слову *совесть*. Альтернативным способом является использование слов и словосочетаний *мысли, думы, внутреннее состояние, натура, сам* (человек).

Аналогичная ситуация наблюдается в параллельном корпусе. В переводе французских текстов переводческими эквивалентами лексемы *conscience*, в т.ч. как части устойчивого словосочетания, являются: существительные *совесть* (20 примеров) и *сознание* (6 примеров), глагол *осознать* (4 примера), существительные *душа* (3 примера) и *чувство* (2 примера). Присутствует также по одному примеру с существительными *самосознание, мысли, осознание*, глаголом *понимать*, словосочетаниями *отдавать себе отчет, прийти в себя* и наречием *добросовестно*. Изредка встречаются случаи, когда в значении «сознания» перевод лексемы *conscience* совсем опускается при помощи лексико-синтаксических трансформаций. Вопросы совести (*cas de conscience*) получают русский эквивалент – *нравственная казуистика*. Следовательно, в параллельном корпусе также самым частотным переводческим эквивалентом лексемы *conscience* в значении «совести» является существительное *совесть*, периферийными эквивалентами являются существительные *душа, мысли*.

В переводе русских текстов из параллельного корпуса французскими эквивалентами лексемы *совесть* выступают существительные *conscience* (30 примеров), *remords* (5 примеров), *âme* (1 пример).

Подсчет примеров из обратного перевода свидетельствует, что французская лексема *conscience* используется для перевода следующих русских слов и выражений: *сознание* и его производные *сознательно, осознать, осознание, сознавать, самосознание* (67 примеров), *совесть* и *совестливый* (31 пример), *чувствовать/ощущать себя* (4 примера), *забыться* (4 примера), *очнуться/прийти в себя* (2 примера), *опомниться* (2 примера), *понимать* (2 примера) и по одному примеру для существительных *ответственность, душа*, наречия *добросовестно*

и следующих словосочетаний – *в беспамятстве, ценить себя, одуматься, отдавать (себе) отчет, терять себя, в понятия, оглянуться*. Большинство редко встречающихся эквивалентов являются контекстуальными или авторскими вариантами, наряду с такими случаями, когда при помощи лексемы *conscience* переводится метафора *кровавые мальчики (crimes sur la conscience)* или словосочетание *политический обыватель (sans la moindre conscience politique)*.

Различная понятийная наполненность концепта «совесть» в русском и французском языках отражается на переводе не только соответствующих лексем, но и слов, их определяющих. Поскольку для русского языкового сознания совесть представляется как сила, как судья и палач (см. Гл.2), а во французском языке *conscience* – это больше советчик или слабый противник (см. Гл 3), при переводе с одного языка на другой порой невозможно прибегать к дословному переводу. Так, в параллельном корпусе мы видим во французском тексте *recommandation de sa conscience*, в русском переводе – *требования его совести*, во французском тексте *avec applaudissement de leur conscience*, в русском переводе – *с полного одобрения их совести*, в русском тексте *меня замучит совесть*, во французском переводе – *ma conscience n'aurait plus de répit*.

Французская *conscience* играет второстепенную роль, русская совесть более самостоятельна: *il ajouta dans sa conscience/его совесть добавила*. Французская *conscience* смертна, в русском языке умирает не совесть, а душа: *la mort de sa conscience/гибель души*. Даже в строгости французской *conscience* отказано: *собственная совесть была гораздо строже выговора/ses remords étaient encore plus terribles que la réprimande*.

Таким образом, можно утверждать, что основным вариантом трансляции русского концепта «совесть» во французский язык является лексема *conscience*, редко встречаются лексемы *remords* и *âme*. Наиболее частотными русскими лексическими репрезентантами французской лексемы *conscience* являются лексемы *сознание* и *совесть* и их дериваты, нечастыми переводческими

эквивалентами являются существительные *душа, чувства, мысли/думы, натура*, словосочетания *внутреннее состояние, сам* (человек).

Выводы

Анализ корпуса иллюстративных примеров и параллельных корпусов русского и французского языков позволил выделить «сильные» контексты для лексемы *conscience*. Самым частотным вариантом нейтрализации полисемии лексемы является ее ближний фразовый контекст. Для семантического варианта «сознания» характерно употребление *conscience* вместе с глаголами *prendre, reprendre, perdre, avoir* в словосочетаниях *prendre conscience que, prendre conscience de, reprendre conscience, perdre conscience, perte de conscience, avoir conscience de, avoir conscience que, prise de conscience*. Потенциальным фразовым контекстом, снимающим многозначность лексемы *conscience* в пользу «сознания», являются также прилагательные *claire* (и, соответственно, существительное *éclair*), *lucide, aiguë*, словосочетания *seuil de conscience, champ de conscience*.

С другой стороны, сочетание лексемы *conscience* с прилагательными *bonne, mauvaise, tranquille* или глаголом *soulager*, например, недвусмысленно свидетельствуют о ее использовании в значении «совесть». Использование причастий *bourrelée, déchirée*, определяющих существительное *conscience*, также позволяет нейтрализовать ее многозначность в данном контексте. Их сочетаемость в этом значении отмечена словарями. Распространенным случаем нейтрализации является использование различных ФЕ с лексемой *conscience*.

Иногда ближний семантико-синтаксический контекст может обладать недостаточной «разрешающей способностью». В этом случае целесообразно изучить контекст всего фрагмента или даже литературного произведения, который по смыслу определит в каком из значений использована лексема.

В некоторых случаях макроконтэкстом может выступать не внутреннее содержание отрывка или произведения, а функциональный стиль. Для публицистики, не относящейся к тематике нравственности, предпочтительным семантическим вариантом лексемы *conscience* является «сознание».

В художественных произведениях разрешение лексической многозначности может быть реализовано посредством жанра произведения. В исторических романах предпочтительным семантическим вариантом является «совесть».

В небольшой группе примеров нейтрализация многозначности лексемы *conscience* может быть реализована при помощи вертикального контекста. Социально-исторический вертикальный контекст предполагает некое фоновое знание, имеющееся у читателя и позволяющее ему правильно интерпретировать содержание текста. Для лексемы *conscience* таким вертикальным контекстом можно считать некоторые ФЕ, значение которых читателю следует знать для понимания микроконтекста.

Нейтрализация полисемии не всегда представляется возможной. Значения «совести» и «сознания» так близки во французском языке, что порой они трудноразличимы. Зафиксированы примеры, в которых ни один вид контекста не способен идентифицировать семантический вариант лексемы *conscience*.

При анализе примеров с лексемой *conscience* случаев амфиболии нами не выявлено. Это обусловлено жанром произведений – в основном художественной литературы, редко публицистической. Представляется, что такие примеры могут иметь место в рекламных или юмористических текстах.

В абсолютном большинстве случаев микро- или макроконтэкст способен нивелировать многозначность лексемы *conscience*. В корпусе иллюстративных примеров среди всех 1887 случаев употребления лексемы 1050 раз она используется в значении «сознания/осознания», 801 раз – в значении «совесть» и лишь 36 случаев можно считать «слабым» контекстом, в котором выделить семантический вариант не представляется возможным.

При анализе переводческих решений классических французских романов становится очевидно, что в большинстве случаев перед переводчиками не стоит вопрос многозначности лексемы *conscience*. В первую очередь это касается примеров, содержащих эту лексему в значении «усердие» и «добросовестность». Микроконтекст очень часто способен идентифицировать семантический вариант «сознания», но иногда перед переводчиками стоит задача передачи смысла «сознания» другими языковыми средствами, более характерными для художественного дискурса в русском языке. Для придания образности они зачастую избегают глагольных производных лексемы *сознание*. Вместо них могут использоваться глаголы *ощущать, чувствовать*.

За редким исключением в переводах не наблюдается разницы в выборе семантического варианта лексемы, однако его реализация на русский язык осуществляется при помощи разных языковых средств, в т.ч. при помощи разных переводческих трансформаций.

Различная понятийная наполненность концепта «совесть» в русском и французском языках отражается на переводе не только соответствующих лексем, но и слов, их определяющих. Поскольку для русского языкового сознания совесть представляется как сила, как судья и палач (см. Гл. 2), а во французском языке *conscience* – это больше советчик или слабый противник (см. Гл. 3), при переводе с одного языка на другой порой невозможно прибегать к дословному переводу.

Основным вариантом трансляции русского концепта «совесть» во французский язык является лексема *conscience*, редко встречаются лексемы *remords* и *âme*. Наиболее частотными русскими лексическими репрезентантами французской лексемы *conscience* являются лексемы *сознание* и *совесть* и их дериваты, нечастыми переводческими эквивалентами являются существительные *душа, чувства, мысли/думы, натура*, словосочетания *внутреннее состояние, сам* (человек).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокультура определяется как культура, воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах; это культура, явленная в языке и через язык. Под лингвокультурным смыслом понимается культурно значимое ментальное образование индивидуального или коллективного характера, вербализованное средствами языка. В данной работе исследование лингвокультурных смыслов проводится с использованием ставшего привычным в отечественной лингвистической науке за последние годы лингвоконцептологического подхода.

Обязательными характеристиками лингвокультурного концепта признаются многомерность, иерархичность и этноспецифичность. Лингвокультурный концепт выступает в качестве синтезного ментально-вербального образования, к составляющим которого причисляют понятийную, образную, значимостную и другие составляющие.

Одним из фундаментальных аспектов общей теории языка является принцип асимметрии языкового знака: асимметричные отношения связывают две стороны знака как двустороннего психического образования. Языковой знак постоянно стремится расширить или свой план выражения, или план содержания. Потенциальная многозначность слова в языке получает разрешение при актуальном функционировании слова в тексте, на основе указаний как лингвистического, так и экстралингвистического контекста. Многозначность языковых единиц, вербализующих лингвокультурные концепты, делает необходимым тщательный анализ значений, которые лексемы приобретают в разных контекстах.

Совесьть как лингвокультурный концепт относится к так называемым социально-регулятивным концептам: они имеют предметное содержание, в котором главное место занимает ценностный компонент. Семантический прототип этой этической категории включает в себя следующие способности:

- 1) самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности (лично-нормативный признак);
- 2) требовать от себя выполнения обязанностей из п. 1, осуществлять самоконтроль (волевой признак);
- 3) критически оценивать собственные поступки (рефлексивный признак);
- 4) переживать свое несоответствие должному (эмоциональный признак).

Данные признаки составляют семантический инвариант совести. К имплицативным семантическим признакам можно отнести пантогностический признак, отражающий всезнание совести, и релятивистский признак, отражающий относительность совести как средства самооценки.

Русское слово *совесть* возводится к старославянскому *съвьсть*, употребляемого для передачи в переводных памятниках греческих слов *συνείδως* и *συνείδησις*. Старославянское *съвьсть* является простым переводом при помощи калькирования этого последнего. История этого слова отражает переход от конкретно-чувственного переживания к абстрактной нравственной норме. Слово *съвьсть* долго употреблялось для выражения внешней формы знания. Семантическая эволюция трансформировала совместное знание в сознание, осознание. На третьем этапе сознание превращается в самосознание: совесть становится принадлежностью отдельного человека.

В современных толковых словарях русского языка у лексемы *совесть* чаще всего выделяется лишь одно значение; в некоторых случаях оно распадается на два. Большинство словарей определяет совесть как чувство или сознание моральной ответственности за свое поведение как перед самим собой, так и перед обществом. Иногда к этому определению добавляется определение совести как личных этических принципов в качестве второго значения слова.

В словарных определениях лексемы *совесть* представлены лично-нормативный, а также иногда рефлексивный (при определении совести как сознания) и эмоциональный (при определении совести как чувства) семантический признак. В словарях в явном виде не представлен волевой

признак, но иногда присутствует отсылка к общественным нормам, что несколько размывает подчеркнута личностный характер семантического прототипа совести.

По данным толковых словарей, из всех однокоренных лексем сохранили свою связь с понятием совести только прилагательные *совестливый*, *совестный* и *бессовестный*, наречие *совестливо* и существительное *бессовестность*.

Лексема *совесть* достаточно слабо представлена в словарях синонимов русского языка. К таковым относятся только *стыд*, *ответственность* и *убежденность*. Антонимом же *совести* выступает *бессовестность*.

В русской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Но только треть из исследованных фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. Оставшиеся фразеологизмы разделены между группой ФЕ, состоящих из этических характеристик (*честность*, *ответственность* и др.) и описаний эмоциональных состояний (*стыд*, *спокойствие*), и группой ФЕ, дающих интегральную этическую оценку (наличие либо отсутствие совести).

Спутниками или синонимами совести во фразеологизмах могут являться *душа*, *честь* и *стыд*, а ее антиподом выступает *страх*.

В русской паремиологии также представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков, но доля таких паремий составляет меньше половины. Наиболее выразительно в паремиях представлен эмоциональный признак, за ним следует личностно-нормативный. Далее следует рефлексивный (вместе с выводным пантогностическим), волевой же представлен единичными случаями, в том числе «с обратным знаком» – постулируется «слабость» совести. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), а также о возможности отсутствия совести, возможности ее активизации/деактивизации и удобстве жизни без нее. В паремиях совесть идет рука об руку с другими понятиями – душой, честью, стыдом и верой.

В иллюстративном корпусе русских текстов при употреблении лексемы представлены примеры активизации всех эталонных семантических признаков, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Безусловным лидером является эмоциональный (42%), за ним следует волевой (25%), рефлексивный (17%) и личностно-нормативный (13%). Импликативные семантические признаки встречаются довольно редко, как и случаи, в которых происходит актуализация лишь родового признака – при перечислении совести в ряду других понятий. В большей их части гипероним отсутствует. При этом большинство контекстуальных синонимов совести относится прежде всего к этической, а также к эмоциональной и когнитивной сферам; самым частотным контекстуальным синонимом является *честь*. Отмечено лишь два случая использования лексемы с контекстуальными антонимами.

В тех случаях, когда лексема в корпусе встречается в составе фразеологизмов, наиболее частотными фразеологизмами оказываются *по совести*, *на совести* и *на совесть*. Отдельные группы употребления лексемы могут быть выделены вокруг разнообразных вариантов фразеологизмов со значением наличия или отсутствия совести, ее утраты или активизации. Подобные суждения указывают на ожидание от человека следования некоторым нормам. Эти нормы не тождественны законам или религиозным заповедям: это неписанные правила поведения. «Отсутствие совести» в этих случаях подразумевает способность индивида действовать, не учитывая интересы окружающих (общества, коллектива или конкретной группы лиц). В русской ЯКМ такому человеку в принципе отказывается в наличии совести.

В корпусе русских текстов лексема *совесть* чаще всего употребляется в своем словарном значении, с актуализацией дефиниционных признаков (51%). Реже она используется в составе фразеологизмов с иным значением (41%), в т.ч. в составе фразеологизмов, указывающие на неписанные нормы поведения (17%). Лексема *совесть* оказывается безусловным лидером среди однокоренных лексем

по частотности, а ее антоним – лексема *бессовестность* – встречается в корпусе очень редко.

Образ совести в русской ЯКМ предстает как смешение двух частично противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, это современное, научное понимание совести, отличающееся индивидуальным характером этических норм, с другой – это представление о совести как о моральном чувстве, связанном с неписаными правилами поведения, несоблюдение которых человеком ведет к отрицанию наличия у него совести. Апелляция к чужой совести больше подходит к этому второму пониманию, в то время как представление о возможности активизации совести не противоречит обоим.

Пожалуй, теснее всего с совестью в русской ЯКМ оказывается связан стыд: они оказываются вместе и во фразеологии, и в паремиологии.

Во всех исследованных видах источников на русском языке присутствуют пространственная, реиморфная и биоморфная (зооморфная и антропоморфная, но не ботаническая) метафоры. Специфичны для художественной литературы «газожидкостная» и «термическая» метафоры.

Образная метафора представлена в корпусе иллюстративных материалов случаями переноса смысла слова *совесть* на человека и организацию, которые могут называться совестью как группы лиц, так и организации, страны, территории или времени.

Французское слово *conscience* произошло от лат. «*conscire*» – «знать вместе», знание, разделенное со всеми. Это слово употреблялось для обозначения ясного знания, родившегося внутри человека, и, таким образом, развилось в другое значение «интуитивное чувство того, что хорошо и плохо, интуитивное знание добра и зла», которое оставалось единственным значением этого слова вплоть до XVII века.

В современных французских толковых словарях словарная статья, посвященная *conscience*, делится на два больших раздела: *conscience psychologique* и *conscience morale*. В каждом из них описываются несколько значений.

Некоторые словари к этим двум разделам добавляют дополнительные значения. В целом, в исследуемых словарях современного французского языка у лексемы *conscience* отмечается от 6 до 18 значений.

Во всех словарях французского языка *conscience* вначале определяется как понятие, тождественное русскому «сознанию» или «осознанию». Для определения словарями понятия *conscience* как совести используется та же лексема *conscience* с прилагательным *morale*, т.е. *conscience*-совесть трактуется через *conscience*-сознание, что говорит о близости этих значений для лексикографов.

У лексемы *conscience* можно выделить несколько семантических кластеров: 1) «сознание/осознание»; 2) непосредственно «совесть»; 3) «человек, наделенный принципами, убеждениями»; 4) «усердие, добросовестность в т.ч. профессиональная»; 5) «технические термины». Имеют отношение к концепту совесть – п. 2 «совесть», п. 3 «человек, наделенный принципами, убеждениями», а также п. 5 «усердие, добросовестность».

В словарных определениях лексемы *conscience* превалирует рефлексивный признак (при определении лексемы как сознания/осознания). Во всех лексикографических источниках также представлен личностно-нормативный признак (при определении лексемы как свода правил и суждений) и эмоциональный признак (при определении *conscience* как чувства). В некоторых источниках у лексемы *conscience* также актуализируется волевой признак, когда она характеризуется как воля к добру или требование нравственной чистоты.

Из 37 синонимов лексемы *conscience*, заявленных электронными словарями синонимов, только у существительных *âme*, *cœur*, *moralité*, *scrupule* и *remords* в словарных статьях имеется отсылка к *conscience*.

Из однокоренных лексем связь со значением «совесть» сохранили лишь лексемы *consciencieux*, *consciencieusement* и *inconscience*.

Во французской фразеологии представлены случаи актуализации всех эталонных семантических признаков. Большая часть исследованных

фразеологизмов отчетливо отсылает к смыслам, содержащимся в семантическом прототипе совести. В них представлены все выделенные в научном сознании признаки, причем лидером является эмоциональный. Волевой признак представлен только «с отрицательным знаком»: в описываемых фразеологизмами ситуациях совесть не может воспрепятствовать совершению человеком действия, противоречащего его личным нормам.

Существует целый ряд фразеологизмов, которые передают взаимосвязь совести и веры. Фразеологизм *liberté de conscience*, обозначающий одну из главных ценностей нации, также, согласно словарям, сохранил косвенную связь с верой, и, в свою очередь, стал источником для обозначения новых реалий – права человека не выполнить свои профессиональные обязанности, если они идут вразрез с его этическими принципами (*clause de conscience*), и права отказаться от исполнения обязанностей или долга в силу религиозных или моральных принципов (*objection de conscience*).

Отдельная немногочисленная группа фразеологизмов, связанных с отсутствием совести, как и в русском языке, указывает на интегральную характеристику поведения человека, который действует вопреки общепризнанным моральным нормам. Однако не существует ФЕ со смыслом активизации совести: она либо есть, либо нет.

Во французской паремиологии лишь единичные паремии отражают признаки совести, отмеченные в научном сознании. За пределами семантического эталона остались паремиологические представления о том, что совесть является высшим благом и ценностью (аксиологичность совести), эластичность личной совести и идея о том, что кто-то другой может являться совестью человека.

В корпусе иллюстративных примеров обнаружено 1887 случаев использования лексемы *conscience* в разных значениях. Примеры, в которых лексема сохраняет связь со значением «совести», насчитывают 801 единицу. Эта группа примеров, в свою очередь, содержит следующие подгруппы: 1) *conscience* как совесть (750 примеров); 2) *conscience* как добросовестность (*conscience*

professionnelle) (44 примера); 3) *conscience* как усердие, прилежание (5 примеров); 4) *conscience* как честный человек (единичные примеры).

В корпусе французских текстов представлены все эталонные семантические признаки совести, причем в подавляющем большинстве случаев – в чистом виде. Лидерство делят между собой рефлексивный (29%) и эмоциональный (29%) признаки, немного уступает им по частотности личностно-нормативный (24%). Наименее частым признаком является волевой (15%). При этом он актуализируется в корпусе примеров преимущественно «с отрицательным знаком» – *conscience* оказывается слабой и бессильной. Эмоциональный признак также актуализируется в подавляющем большинстве случаев «с обратным знаком» – транслируется идея о спокойной совести.

Чаще всего рядом с *conscience* можно увидеть *âme*, реже – *sœur* и *mains*, значительно реже – *tranquillité*, *paix*, *devoir*, *sentiment*. Другие контекстуальные синонимы отмечены единичными случаями употребления. Наиболее частотные контекстуальные синонимы относятся к религиозной сфере.

Самыми частотными фразеологизмами в текстах являются *sur la conscience*, *par acquit de conscience*, *conscience professionnelle*.

Редкие примеры, говорящие об отсутствии совести, свидетельствуют, что наличие совести во французской ЯКМ подразумевается априори, а ее отсутствие встречается нечасто и, в основном, влечет за собой тяжкие преступления, а не просто нарушение норм поведения. Совесть во французской ЯКМ не теряется, не портится, ее состояние статично.

Во всех типах исследованных источников присутствует пространственная, реиморфная и биоморфная (антропоморфная) метафоры. Специфичны для художественной литературы ботаническая и зооморфная метафоры, а также «газожидкостная» метафора.

Сопоставительный анализ понятийных составляющих в соответствующих корпусах текстов позволяет утверждать, что русская совесть прежде всего отличается эмоциональностью, затем требовательностью и критической оценкой

и менее всего склонна к установлению собственного свода правил. Французская совесть менее эмоциональна, более склонна к критической оценке (рациональность), в большей степени готова формировать собственный свод правил, но не отличается требовательностью.

Сопоставительный анализ образных составляющих в двух языках показывает, что русская совесть, с одной стороны, более авторитарна – она повелевает, требует, заставляет. С другой стороны, она сама может терзаться и мучиться. Отличительными чертами совести в русской ЯКМ является также ее образ палача-мучителя. Французская совесть отличается эмоциональной устойчивостью, компромиссностью.

Представляется, что на формирование представления о совести в русской и французской ЯКМ оказали существенное влияние православие и католицизм соответственно. Обе конфессии являются христианскими и в основе своей имеют общее теоретическое учение и, соответственно, общее представление о нравственных ценностях. Ценностный компонент совести представлен в обеих лингвокультурах. Однако разное отношение православия и католицизма к вопросу греховности человека, к вопросу пользы страданий, к вопросам прав и свобод личности находит свое отражение в представлении о такой важной духовной категории как совесть. Кроме того, русская лингвокультура, веками находившаяся под влиянием православной соборности, в XX в. оказалась под влиянием коллективистской идеологии. В результате можно констатировать, что русская совесть менее индивидуальна, более зависима от общества, более авторитарна и сохранила в себе идею нравственных страданий. Французская совесть имеет гораздо более выраженный индивидуальный характер, более независима.

В зависимости от «разрешающей силы» контекста ассиметричный дуализм языкового знака проявляется в речи как нейтрализация в «сильных» контекстах и как синкретизм или амфиболия в «слабых» контекстах.

Анализ корпуса иллюстративных примеров и параллельных корпусов русского и французского языков позволил выделить «сильные» контексты для лексемы *conscience*. Самым частотным вариантом нейтрализации полисемии лексемы является фразовый контекст. Для семантического варианта «сознания» характерно употребление *conscience* с глаголами *prendre, reprendre, perdre, avoir* в словосочетаниях *prendre conscience que, prendre conscience de, reprendre conscience, perdre conscience, perte de conscience, avoir conscience de, avoir conscience que, prise de conscience*. Потенциальным фразовым контекстом, снимающим многозначность лексемы *conscience* в пользу «сознания», являются также прилагательные *claire* (и, соответственно, существительное *éclair*), *lucide, aiguë*, словосочетания *seuil de conscience, champ de conscience*.

С другой стороны, сочетание лексемы *conscience* с прилагательными *bonne, mauvaise, tranquille* или глаголом *soulager* недвусмысленно свидетельствуют о ее использовании в значении «совесть». Использование причастий *bourrelée, déchirée*, определяющих существительное *conscience*, также позволяет нейтрализовать ее многозначность в данном контексте. Их сочетаемость в этом значении отмечена словарями. Распространенным случаем нейтрализации является использование различных ФЕ с лексемой *conscience*.

В некоторых случаях для выбора семантического варианта целесообразно изучить контекст всего фрагмента или даже литературного произведения; макроконтэкстом также может выступать функциональный стиль или жанр. Для публицистики, не относящейся к тематике нравственности, предпочтительным семантическим вариантом лексемы *conscience* является «сознание»; в исторических же романах предпочтительным семантическим вариантом оказывается «совесть».

В небольшой группе примеров нейтрализация многозначности лексемы *conscience* может быть реализована при помощи вертикального контекста — некоторых ФЕ, значение которых читателю следует знать для понимания микроконтекста.

Однако нейтрализация полисемии не всегда представляется возможной. Значения «совести» и «сознания» так близки во французском языке, что порой они трудноразличимы. Зафиксированы примеры синкретизма, в которых ни один вид контекста не способен идентифицировать семантический вариант лексемы *conscience*.

При анализе примеров с лексемой *conscience* случаев амфиболии нами не выявлено. Это обусловлено жанром произведений – в основном художественной литературы, редко публицистической. Представляется, что такие примеры могут иметь место в рекламных или юмористических текстах.

В абсолютном большинстве случаев микро- или макроконтекст способен нивелировать многозначность лексемы *conscience*. В корпусе иллюстративных примеров среди всех 1887 случаев употребления лексемы 1050 раз она используется в значении «сознания/осознания», 801 раз – в значении «совесть» (в т.ч. «усердия» и «добросовестности»), и лишь 36 случаев можно считать примерами синкретизма, в котором выделить семантический вариант не представляется возможным.

Анализ переводческих решений при работе с лексемой *conscience* осуществляется на основе двух классических романов – «Госпожа Бовари» и «Милый друг», а также сравнении текстов из параллельных корпусов русского и французского языков. В русских переводах французских романов очевидно, что в большинстве случаев перед переводчиками не стоит вопрос многозначности лексемы *conscience*. В первую очередь это касается примеров, содержащих эту лексему в значении «усердие» и «добросовестность». Микроконтекст очень часто способен идентифицировать семантический вариант «сознания», но иногда перед переводчиками стоит задача передачи смысла «сознания» другими языковыми средствами, более характерными для художественного дискурса в русском языке. Для придания образности они зачастую избегают глагольных производных лексемы «сознание» – вместо них могут использоваться глаголы *ощущать*, *чувствовать*.

За редким исключением в переводах не наблюдается разницы в выборе семантического варианта лексемы, однако его реализация на русский язык осуществляется при помощи различных языковых средств, в т.ч. при помощи разных переводческих трансформаций.

Различная наполненность лингвокультурного смысла «совесть» в русском и французском языках отражается на переводе не только соответствующих лексем, но и слов, их определяющих. В силу разных доминирующих образов совести в разных ЯКМ при переводе с одного языка на другой порой невозможно прибегнуть к дословному переводу: *recommandation de sa conscience*/требования его совести; *avec applaudissement de leur conscience*/с полного одобрения их совести; *меня замучит совесть/ma conscience n'aurait plus de répit*.

В исследуемых переводах основным вариантом трансляции русского смысла «совесть» во французский язык является лексема *conscience*, но также встречаются лексемы *remords* и *âme*. Наиболее частотными русскими лексическими репрезентантами французской лексемы *conscience* являются лексемы *сознание* и *совесть* и их дериваты, нечастыми переводческими эквивалентами являются существительные *душа, чувства, мысли/думы, натура*, словосочетания *внутреннее состояние, сам* (человек).

Исследование совести, как важнейшей категории этики, может быть продолжено на материале других языков в русле сопоставительного языкознания. В этом смысле перспективным представляется сопоставление русского лингвокультурного смысла «совесть» с западными и восточными представлениями о нем. Помимо этого, важным представляется исследование других этических и духовных категорий, которые составляют важнейшую часть внутренней жизни индивида, находящей отклик в жизни всего социума. Существуют также перспективы дальнейшей разработки темы полисемии в аспекте социально значимых категорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аверина, М. А. Вербализация концепта «совесть» в современной русской публицистике / М.А.Аверина // Инновации в науке. – 2014. – № 34. – С. 29–33.
2. Агутин, А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Агутин Александр Васильевич. – Нижний Новгород, 2005. – 54 с.
3. Алексеева, И. С. Современное состояние теории перевода в России (критический обзор) / И.С.Алексеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. – 2008. – Вып. 1. – С. 26–39.
4. Антропов, Ю. А. Психология совести / Ю.А.Антропов // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2013. – № 4. – С. 26–30.
5. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д.Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
6. Апресян, Ю.Д. Избранные труды, т. I. Лексическая семантика / Ю.Д.Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. –VIII с. – 472 с.
7. Арутюнова, Н. Д. О стыде и совести / Н.Д.Арутюнова // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 54–79.
8. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н.Д.Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XV, – 896 с.
9. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С.А.Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Ред. В.П. Нерознак. – Моск. лингв. ун-т. М.: Academia, 1997. – С. 276–379.
10. Бабаева, Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дисс.... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Бабаева Елена Викторовна. – Волгоград, 2004. – 40 с.

11. Барсукова, С. А. К пониманию феномена совести в психологии/ С.А.Барсукова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 3 (3). – С. 693–700.
12. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С.Бархударов. – М.: «Междунар. отношения», 1975. – 240 с.
13. Белова, И. А. Совесть как семантическая константа внутреннего мира человека и средства её актуализации в современном английском языке / И.А.Белова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. – 2010. – № 11. – С. 26–29.
14. Богин, Г.И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику [Электронный ресурс] / Г.И.Богин. – Режим доступа: <https://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/soderjaniya-smyislyi-26130.html> (дата обращения: 13.11.2019)
15. Богоявленская, Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике / Ю.В.Богоявленская // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 6–16.
16. Бойчук, И. В. К толкованию понятия «совесть» в английской, русской и французской лингвокультурах / И.В.Бойчук // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22-23 нояб. 2013 г. / под ред. А. М. Аmatoва. – Белгород, 2013. – С. 45–48.
17. Бойчук, И. В. О концепте «совесть» в английской, русской и французской лингвокультурах / И.В.Бойчук // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22-23 нояб. 2013 г. / под ред. А. М. Аmatoва. – Белгород, 2013а. – С. 36–40.
18. Бойчук, И. В. Сопоставление концепта «совесть» в английской, русской и французской лингвокультурах / И.В.Бойчук // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV

междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 22-23 нояб. 2013 г. / под ред. А. М. Амадова. – Белгород, 2013б. – С. 48–53.

19. Бойчук, Е. И., Шульдешова, Т. В. Культурологический и общесодержательный аспекты семантики концептов «совесть» и «долг» и их иноязычных эквивалентов (на материале русского, английского, немецкого, латинского, французского, испанского, итальянского и греческого языков) / Е.И.Бойчук, Т.В.Шульдешова // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. –Т. 3 – № 3. – С. 291–300.

20. Бокова, О. А. Отражение русской ментальности в идиостиле Ф. М. Достоевского (на материале языка романов «великого Пятикнижия»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бокова Оксана Александровна. – Орел, 2015. – 25 с.

21. Бочкарев, А. Е. К определению концепта «совесть» в русской языковой картине мира / А.Е.Бочкарев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 41–53.

22. Буренкова О. М., Гилязева Э. Н. Понятие «концепт» в трудах отечественных и зарубежных лингвистов / О.М.Буренкова, Э.Н.Гилязева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 08 (62). – Ч. 1. – С. 40–42.

23. Бутенко, Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии / Е.Ю.Бутенко // Вестник Ростовского государственного экономического университета «РИНХ». – 2008. – № 2 (26). – С. 321–328.

24. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров; под редакцией и с послесловием академика Ю. С. Степанова. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.

25. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного /

Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: «Русский язык», 1983. – 269 с.

26. Веселова, Е. К. Совесть как психологический феномен / Е.К.Веселова // Вестник СПбГУ. – Сер. 12. – 2009. – Вып. 4. – С. 127–135.

27. Ветошкин, А. П., Матвеева, А. И. Совесть как условие духовной социализации личности / А.П.Ветошкин, А.И.Матвеева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 19-24.

28. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В.В.Виноградов. – М., 1959. – 656 с.

29. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С.Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

30. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г.Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

31. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С.Г.Воркачев. – Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та, 2002. – 142 с.

32. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый» термин / С.Г.Воркачев // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 24. Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. – М.: Макс-пресс, 2003. – С. 5–13.

33. Воркачев, С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике / С.Г.Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 25. – М.: Макс-пресс, 2003а. – С. 6–15.

34. Воркачев, С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре / С.Г.Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.

35. Воркачев, С. Г. Правда земная: идея справедливости в языковом сознании / С.Г.Воркачев // Концептуальные исследования в современной лингвистике. – СПб. Горловка, 2010. – С. 27–35.

36. Воркачев, С. Г. Семиотика лингвокультурного концепта и терминосистема лингвокультурной концептологии / С.Г.Воркачев // Язык, коммуникация и социальная среда. – Выпуск 12. – Воронеж, 2014. – С. 50–69.
37. Воркачев, С. Г. Порядочность: понятие, слово и образ / С.Г.Воркачев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 1. Владикавказ, 2016. – С. 55–59.
38. Воркачев, С. Г. *Ex pluribus unum*: лингвокультурный концепт как синтезное образование / С.Г.Воркачев // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2016а. № 2. – С. 17–30.
39. Воркачев, С.Г. Образ слова: к семантическому портретированию имени лингвокультурного концепта / С.Г.Воркачев // Вісник ОНУ. Сер.: Філологія. – 2017. – Т.22.– Вып. 2 (16). – С. 28–36.
40. Гак, В. Г., Григорьев, Б. Б. Теория и практика перевода: Французский язык / В.Г.Гак, Б.Б.Григорьев. – Изд. 12-е, стереотип. – М.: URSS, 2019. – 464 с.
41. Гарбовский, Н. К. Теория перевода: учебник / Н.К.Гарбовский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
42. Герви, О. Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Герви Оксана Юрьевна. – М., 2001. – 243 с.
43. Голованивская, М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских / М.К.Голованивская. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.
44. Гоннова, Т. В. Паремнологический фонд языка как источник изучения культурных концептов / Т.В.Гоннова // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы. Тезисы докладов международной научной конференции 27 апреля 2004 года / под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: Колледж, 2004. – С. 26–28.

45. Гончарова, Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания / Н.Н.Гончарова // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396–405.
46. Гунина, Л. А. Социально-регулятивные концепты в английской и русской лингвокультурах / Л.А.Гунина. – Волгоград: Парадигма, 2008. –265 с.
47. Гучепшокова, С. А. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты (на материале русского, адыгского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гучепшокова Сусана Аслановна. – Майкоп, 2011. – 29 с.
48. Даниленко, В. П. Картина мира в пословицах русского народа / В.П.Даниленко. – СПб.: Алетейя, 2017. – 430 с.
49. Дементьев, В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В.В.Дементьев. – М.: Глобал Ком, 2013. – 336 с.
50. Димитрова, Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Димитрова Елена Владимировна. – Волгоград, 2001. – 16 с.
51. Длугач, Т. Б. Понятие совести и полемика о ней во французском Просвещении / Т.Б.Длугач // Этическая мысль. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 107–124.
52. Дмитриева, Н. М. Этическая концептосфера русской языковой картины мира: диахронический аспект: дисс.... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Дмитриева Наталья Михайловна.– М., 2017. – 455 с.
53. Дмитриева, О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов / О.А.Дмитриева // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. – С. 67–80.
54. Дубкова, О. В., Колышкина, С. С. Теория и практика перевода иностранных языков: восточные языки / О.В.Дубкова, С.С.Колышкина. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. – 175 с.

55. Душенкова, Т. Р. Понятия стыд и совесть в удмуртской лингвокультуре / Т.Р.Душенкова // Ежегодник финно-угорских исследований. – Т. 4. – 2012. – С. 23–30.
56. Душин, О. Э. Исповедь и совесть в западноевропейской культуре XIII–XVI веков [Электронный ресурс] / О.Э.Душин. – СПб: СПбГУ, 2005. – Режим доступа: <http://philosophy.spbu.ru/4323> (дата обращения: 05.07.2020)
57. Егоров, А. В. Совестология как научная область знаний о культуре совести / А.В.Егоров // Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история. сб. ст. по материалам XII-XIII междунар. науч.-практ. конф. – № 6–7 (9). – М.: Изд. «Интернаука», 2018. – С. 68–73.
58. Жамалетдинова, Э. Х. Комплексный анализ содержания общечеловеческой ценности «вера» в языковом общественном сознании носителей русской культуры / Э.Х.Жамалетдинова // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2016. – № 4. – С. 32–40.
59. Жук, Е. А. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Жук Елена Александровна. – Краснодар, 1994. – 17 с.
60. Заика, Т. В. Фразеологические средства репрезентации концепта «совесть» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Заика Татьяна Васильевна. – Белгород, 2011. – 26 с.
61. Зайкина, З. М. Понятийная и структурно-типологическая специфика паремиологических единиц / З.М.Зайкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 1 (79). – Ч. 1. – С. 108–112.
62. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А.Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

63. Зализняк А. А. О семантике щепетильности (*обидно, совестно и неудобно* на фоне русской языковой картины мира) / А.А.Зализняк // Логический анализ языка. Языки этики. – М.: «Языки русской культуры», 2000. – С. 101–118.
64. Зелинский, Ф. Ф. Из жизни идей / Ф.Ф.Зелинский. – В 2 т. Т. 1 / Репринт с изд. 1911, 1916 гг. – М.: Ладомир, 1995. – 900 с.
65. Золотова, Н. О., Буренко, Ю. С. Лингвопереводческий анализ вербализаторов концепта совесть/conscience / Н.О.Золотова, Ю.С.Буренко // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4). – 2016. – С. 90–96.
66. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект [Электронный ресурс] / Л.В.Зубова. – Издательство ЛГУ, 1989. – 264 с. –Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=243217&p=14> (дата обращения: 13.11.2019)
67. Зубрицкая, Е. В. Метафоризация концепта «совесть» в польской языковой картине мира / Е.В.Зубрицкая // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2010. – Вып. 8. – С. 44–49.
68. Ильин, Е. П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2013. – 304 с.
69. Ильин, Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние / Е.П.Ильин. – СПб.: Питер, 2017. – 370 с.
70. Карасик, В. И. Концепты-регулятивы / В.И.Карасик // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 95–108.
71. Карасик, В. И. Языковые картины бытия: монография / В.И.Карасик. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 468 с.
72. Карасик, В. И., Китанина, Э. А. Осмысление совести и сознания в русской лингвокультуре / В.И.Карасик, Э.А.Китанина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18. – № 2. С. 67–82.
73. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И.Карасик, Г.Г.Слышкин // Методологические

проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.

74. Карцевский, С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака / С.О.Карцевский // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 85–93.

75. Кашкин, В. Б. Асимметричность знака и межъязыковые различия / В.Б.Кашкин // Теоретические проблемы современного языкознания. Сборник в честь проф. З. Д. Поповой. – Воронеж, 2009. – С. 32–37.

76. Кобозева, И.М. "Смысл" и "значение" в "наивной семиотике" / И.М.Кобозева // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1994. – С. 183–186.

77. Коваль, Т.Б. Православие и католицизм о демократии и правах человека / Т.Б.Коваль // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4х книгах. Книга 3; отв. редактор Е.Г.Ясин – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. – С. 167–175.

78. Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В.В.Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.

79. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт / В.В.Колесов. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.

80. Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г.В.Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 150 с.

81. Колшанский, Г. В. О природе контекста / Г.В.Колшанский // Вопросы языкознания. – 1959. – № 4. – С. 47–49.

82. Колшанский, Г. В. Паралингвистика / Г.В.Колшанский. – М.: Наука, 1974. – 80 с.

83. Комаров, В. В. Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности: автореферат... канд. псих. наук: 19.00.13 / Комаров Владимир Владимирович. – Тамбов, 2004. – 26 с.

84. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: учебное пособие / В.Н.Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999. – 134 с.
85. Кононова, И. В. О структуре и языковой репрезентации этических концептов (на материале концепта Conscience) / И.В.Кононова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 56. – С. 69–76.
86. Корниенко, А. Ф. Природа и психологические механизмы совести / А.Ф.Корниенко // Филология и культура. Philology and culture. – 2014. – № 1 (35). – С. 322–332.
87. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А.Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
88. Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г.Костомаров, Н.Д.Бурвикова. – СПб: Златоуст, 2001. – 72 с.
89. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов / В.В.Красных // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. – СПб, 2008. – С. 333–344.
90. Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований / В.В.Красных // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2013. – № 2. – С. 17–18.
91. Красухин, К. Г. Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки / К.Г.Красухин // Язык о языке. Сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 23–44.
92. Кривоносов, А. Т. Слово и мысль. Вопросы взаимодействия языка и мышления [Электронный ресурс] / А.Т.Кривоносов. – М.-Нью-Йорк: Гнозис, 2017. – 548 с. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=9cEiDgAAQBAJ&pg>

=PT771&lpg=PT771&dq#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 18.01.2020)

93. Кубрякова, Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы / Е.С.Кубрякова // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 года. Т. I. / Отв. ред. Т. А. Фесенко; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ин-т языкознания Российской академии наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Ин-т исследования и развития лит. процессов в Австрии и в мире – INST (Вена, Австрия). – М.-Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2004. – С. 9–16.

94. Лаврова, Н. Н. Вербализация концепта «совесть» в прозе В. Г. Распутина / Н.Н.Лаврова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 6(2). – С. 123–127.

95. Лец, С. Е. Непричесанные мысли / С. Е. Лец; [пер. с пол. Е. В. Смирновой]. – М.: РИПОЛ классик, 2013. – 540 с.

96. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи: учеб. пособие для пед. вузов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / Ф.А.Литвин. – М.: Высш. шк., 1984. – 119 с.

97. Литвинов, В. П. Герменевтика совести / В.П.Литвинов // Герменевтический круг. Вып. 2. – Армавир-Пятигорск-Ставрополь: Изд. Армавирской гос. пед. академии, 2013. – С.172–236.

98. Литвинов, В. П. Концептуализация совести / В.П.Литвинов // Герменевтический круг: Текст – смысл – интерпретация. Вып. 4. – Армавир-Пятигорск-Ставрополь: Армавирская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 46–55.

99. Литвинов, В.П. Типологический метод в лингвистической семантике / В.П.Литвинов. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1986. – 168 с.

100. Литвинова, Т. В. Лжецы, мошенники, интриганы [Электронный ресурс] / Т.В.Литвинова // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://psyjournal.ru/articles/lzhetsy-moshenniki-intrigany> (дата обращения: 18.01.2020)

101. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С.Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Ред. В.П.Нерозник; Моск. лингв. ун-т. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
102. Локк, Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1 / Дж.Локк. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – 621 с.
103. Луценко, А. А. Репрезентация концепта “совесть” в русском и английском языковом сознании [Электронный ресурс] / А.А.Луценко // Система і структура східнослов'янських мов. – 2012. – Вип. 6. – С. 257–261. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/sissm_2012_6_39 (дата обращения: 24.06.2020)
104. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х.Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып 1. – Архангельск: Издательство Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова, 1997. – С. 11–35.
105. Магомедова, П. А., Аливалиева, Дж. А. Особенности репрезентации концептов *яxl-намус/conscience* в поговорках аварского и английского языков / П.А.Магомедова, Дж.А.Аливалиева // Проблемы науки. – 2017. – № 23 (105). – С. 49–53.
106. Маккена, К. Роль пословиц в курсе обучения русскому языку / К.Маккена // Язык русского фольклора. Сборник научных трудов. –Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1996. – С. 78–90.
107. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К.Маркс, Ф.Энгельс.– 2-е изд. Т. 6. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 800 с.
108. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А.Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
109. Мастеров, Д. В. Метасоциальные основания совести: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 / Мастеров Дмитрий Владимирович. – Краснодар, 2014. – 158 с.

110. Милославский, И. Г. Контекстуальность в русском языке / И.Г.Милославский // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 3. – С. 731–748.
111. Москвин, В. П. Классификация русских метафор / В.П.Москвин // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 103–113.
112. Музафалова, Л. С. Концепт *совесть* в русской языковой картине мира / Л.С.Музафалова // Вестник ИрГТУ. – № 11 (58). – 2011. – С. 352–357.
113. Назаретян, А. П. Совесть в пространстве культурно-исторического бытия (полемиические заметки) А.П.Назаретян // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 152–160.
114. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поаремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихологический аспекты: автореферат дисс... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Ничипорчик Елена Владимировна. – Минск, 2016. – 54 с.
115. Новикова, Н. С., Черемисина, Н. В. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С.Новикова, Н.В.Черемисина // Филологические науки. – 2000. – № 1. С. – 40–49.
116. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие /Б.Ю.Норман. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 296 с.
117. Отарова, Л. И. Концепт «Gewissen» в немецком языковом пространстве: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Отарова Лейля Илиясовна. – Пятигорск, 2015. – 24 с.
118. Падучева, Е. В. Метафора и ее родственники / Е.В.Падучева // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.
119. Панько, Н. К. Категория совести в российском уголовном судопроизводстве и ее соотношение с проблемой установления истины по

уголовному делу / Н.К.Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3(38). – С. 282–291.

120. Пашенко, М. А. К вопросу о структуре и классификации лингвокультурных концептов / М.А.Пашенко // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. – 2015. – № 4 (44). – С. 91–97.

121. Петер, И. Г., Мкртчян, К. В. Представление о совести в английских пословицах / И.Г.Петер, К.В.Мкртчян // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 35. – С. 22–27.

122. Пименова, М. В. Концептуализация и объективации совести в языковых картинах мира / М.В.Пименова // Сибирский филологический журнал. – 2003. – № 3–4. – С. 208–217.

123. Пименова, М. В. Развитие правовых метафор совести в русском и английском языках / М.В.Пименова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 96–100.

124. Победкин, А. В. Совесть в уголовно-процессуальной форме / А.В.Победкин // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 4 (77). – С. 5–11.

125. Попова, З. Д., Стернин, А. И. Общее языкознание / З.Д.Попова, А.И.Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 408 с.

126. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д.Попова, А.И.Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

127. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А.Потебня. – Киев: Синто, 1993. – 192 с

128. Прохоров, Г. М. Древнерусское слово *съвѣсть* и современные русские слова *совесть* и *сознание* / Г.М.Прохоров // ТОДРЛ. – СПб., 2004. –Т. 55. –С. 523–535.

129. Редько, Н. А. Совесть как ключевая доминанта русской национальной картины мира / Н.А.Редько // Мир русского слова. – 2019.– № 2.– С. 60–65.

130. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я.И.Рецкер. – М.: «Р. Валент», 2007. –244 с.

131. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л.Б.Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 240 с.
132. Савенкова, Л. Б. Языковое воплощение концепта / Л. Б. Савенкова // Проблемы вербализации концептов в семантике текста: Материалы междунар. симпозиума. Волгоград, 22-24 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 1. –Волгоград: Перемена, 2003. – С. 258–264.
133. Свиридова, А. В. Компонентный состав двух фразеологических эквивалентов – русской фраземы *не иметь ни стыда ни совести* и французской идиомы *n'avoir ni foi ni loi* в лингвокультурологическом аспекте / А.В.Свиридова // Вестник ЧГПУ. – № 12. – 2010. – С. 314–322.
134. Свиридова, А. В. Аксиологические концепты Совесть и Сознание в русской и французской лингвокультурах, представленные в пространстве паремии: сравнительно-сопоставительный аспект [Электронный ресурс] / А.В.Свиридова // Veda a technologie krok do budoucnosti // Materialy VIII Mezinarodni vedecko-prakticka conference. – 2012. – С. 34–39. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/7_NITSB_2012/Philologia/3_103665.doc.htm (дата обращения: 15.12.2019)
135. Сердюк, Т. С. Проблема определения совести в философии морали / Т.С.Сердюк // Известия АлтГУ. – 2011. – № 2-1.– С. 199–202.
136. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В.Сергеева. – М.: Флинта: Наука, 2004.– 328 с.
137. Серeda, П. В. Омонимия и многозначность как инструмент языковой игры (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук:10.02.20 / Серeda Полина Витальевна. – Волгоград, 2013. –183 с.
138. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич.– Волгоград, 2004. – 39 с.

139. Смирницкий, А. И. Древнеанглийский язык / А.И.Смирницкий. – М.: Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, 1998. – 318 с.
140. Спасская, Е. К. Отражение русской ментальности в прозе. Концепт «совесть» в прозе И. С. Шмелева / Е.К.Спасская // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2005. – № 7. – С. 188–193.
141. Спиридонова, Н. Ф. *Плоский, прямой и ровный*, или Как трудно описать форму предмета / Н.Ф.Спиридонова // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 235–242.
142. Стаут, М. Социопат по соседству. Люди без совести против нас. Как распознать и противостоять / М.Стаут. – М.: Издательство «Э», 2018.–352 с.
143. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С.Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
144. Стефанский, Е. Е. Концепт «совесть» в русской, польской и чешской лингвокультурах / Е.Е.Стефанский // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. –2008. – № 71. – С. 88–96.
145. Сулейменова, Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике / Э.Д.Сулейменова. – Алма-Ата, 1989. – 160 с.
146. Тамерьян, Т. Ю. Типология и структуризация концепта: множественность подходов / Т.Ю.Тамерьян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – №13. – С. 69–74.
147. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К.Тарланов. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. – 448 с.
148. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н.Телия / Отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. –143 с.

149. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
150. Тимко, Н. В. Способы осуществления лингвокультурной трансляции в процессе перевода художественного текста [Электронный ресурс] / Н.В.Тимко // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 1 (17). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-osuschestvleniya-lingvokulturnoy-translyatsii-v-protssesse-perevoda-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 21.05.2020)
151. Тищенко, О. В. Представления о совести в кругу социо-оценочных концептов: сопоставительный аспект (на материале паремий русского, польского, украинского и английского языков) / О.В.Тимко // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами: сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19-21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 472–476.
152. Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта / Г.В.Токарев. – Тула, 2003. – 108 с.
153. Торсуева, И. Г. Контекст / И.Г.Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 238–239.
154. Турдаков, Д. Ю. Методы и программные средства разрешения лексической многозначности терминов на основе сетей документов: дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.11 / Турдаков Денис Юрьевич.– М., 2010.– 138 с.
155. Урысон, Е. В. Голос разума и голос совести / Е.В.Урысон // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000. – С. 184–189.
156. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания / Е.В.Улыбина. – М.: Смысл, 2001. – 263 с.
157. Успенский, В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / В.А.Успенский // Семиотика и информатика. Вып. 11. – М., 1979. – С. 142–148.

158. Фабиан, К. Несколько замечаний о понятии «совести» в русском языке и культуре [Электронный ресурс] / К.Фабиан // *Harmadik évfolyam harmadik szám.* – 2012. – №3. – С. 152-155. – Режим доступа: http://www.filologia.hu/images/media/Onallo_cikkek_pdfben/Filologia_2012-3_152-155_FabianKrisztina.pdf (дата обращения: 07.08.2020)
159. Федоров, М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры / М.А.Федоров // *Вестник БГУ.* – 2014.– № 6-2. – С.83-86.
160. Фейербах, Л. Сочинения: В 2 т. Пер. с нем. /Ин-т философии / Л.Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 1. – 502 с.
161. Хаэр, Роберт Д. Пугающий мир психопатов / Р.Д.Хаэр. – М.: Вильямс, 2007. – 288 с.
162. Хлебда, В. Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу [Электронный ресурс] / В.Хлебда // *Русистика.* – Берлин, 1994. – № 1/2. – С. 74–84. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chlebda-94.htm> (дата обращения: 03.11.2019)
163. Чернышова, Л. А. Профессиональная языковая картина мира: общее и национально-обусловленное / Л.А.Чернышова // *Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика».* – 2011. – № 6, т. 2. – С. 98–102.
164. Чесноков, П. В. Основные единицы языка и мышления / П. В. Чесноков; Ред. В. А. Магин; М-во просвещения РСФСР. – Ростов н/Д: Рост. кн. изд-во, 1966. – 288 с.
165. Чижова, Х. А. Семантика эгоцентрических категорий: генезис и актуализация категории *Gewissen* в немецком языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Чижова Христина Анатольевна. –Иркутск, 2006. – 22 с.
166. Чулкина, Н. Л. Морально-этические регулятивы «совесть», «стыд», «хорошо»/ «плохо», «нельзя» в русском и татарском обыденном языковом сознании (по материалам «Русского ассоциативного словаря» (РАС-1) и

пилотажного эксперимента в Татарстане) / Н.Л.Чулкина // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4(30). – С. 266–273.

167. Шадриков, В. Д. Совесть и ее воспитание / В.Д.Шадриков. – М.: Университетская книга, 2017. – 112 с.

168. Шахманова, Б. Г. Морально-этический концепт «совесть» в кумыкской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологических и паремиологических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шахманова Бурлият Гебековна. – Махачкала, 2008. – 26 с.

169. Шейкин, А. Г. Смыслы культурные / А.Г.Шейкин // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – 1184 с.

170. Школьникова, О. Ю. Этико-философские понятия «стыд», «совесть» и «сознание» и особенности их лексической репрезентации в русском и итальянском языках (на материале романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и его итальянского перевода) / О.Ю.Школьникова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 10 (826) –2019. – С. 131–142.

171. Шкуран, О. В. Сакрализация и десакрализация концепта «благополучие» в восточнославянском языковом пространстве / О.В.Шкуран // Актуальные проблемы и перспективы русистики. Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете. МКР-Барселона 2018. – Барселона: Trialba Editions, 2018. – С. 1598–1608.

172. Щетинкин, В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз» / В.Е.Щетинкин. – М.: «Просвещение», 1987. – 160 с.

173. Экман, П. Психология лжи / П.Экман. – СПб.: Питер, 2018. – 384 с.

174. Яковлев, А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет / А.А.Яковлев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – Т. 15. – № 2. – С. 5–20.

175. Avon, D. Liberté de conscience: histoire d'une notion et d'un droit [Электронный ресурс] / D.Avon // Annuaire de l'École pratique des hautes études (EPHE), Section des sciences religieuses. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/asr/1647> (дата обращения: 11.12.2019)

176. Comte-Sponville, André Dictionnaire philosophique / A.Comte-Sponville. – PUF; 1ère édition, 2013. – 1120 p.

177. De Langerack, Joséphine Amory. Les proverbes: histoire anecdotique et morale des proverbes et dictons français / J.A.De Langerack. – Lille, 1860. – 176 p.

178. De Lincy, Antoine Jean Le Roux. Le livre des proverbes français / A.J.De Lancy. – Paris, Chez Pauline, éditeur. – 1842. – 422 p.

179. Froeliger, N. Traduction et trahison – Tout est dans le contexte; sous la direction de Michaël Grégoire et Bénédicte Mathios / N.Froeliger // Traductions et contextes, contextes de la traduction. – L'Harmattan, 2017. – Pp. 33-52.

180. Gründler, T. La clause de conscience en matière d'IVG, un antidote contre la trahison? [Электронный ресурс] / T.Gründler // Droit et cultures. – 2017. –74. – №2. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/droitcultures/4329> (дата обращения: 02.12.2019)

181. Jacquemin, B., Ploux, S. Du corpus au dictionnaire. Réalisation automatique d'un outil de gestion de l'information multilingue [Электронный ресурс] / B.Jacquemin, S.Ploux. – Cahiers de Linguistique. – EME EDITION, 2007. – 33 (1) – pp.63-82. Режим доступа: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00355962v2/document> (дата обращения: 11.12.2019)

182. Leirvik, O. Conscience in Arabic and the Semantic History of "Ḍamīr" [Электронный ресурс] / O.Leirvik // Journal of Arabic and Islamic Studies. – 2009. – Vol. 9. – Pp. 18-36. – Режим доступа: <https://journals.uio.no/JAIS/article/view/4595/4040> (дата обращения: 14.03.2020)

183. Manguin, J.-L. Transitivity partielle de la synonymie : application aux dictionnaires de synonymes [Электронный ресурс] / J.-L.Manguin // Corela. – 2004. –

Vol.2. – №2. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/corela/611> (дата обращения 11.12.19)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

184. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки / В.П.Аникин. – М.: Художественная литература, 1988. – 432 с.
185. БМССРЯ – Тришин В. Н. Большой многофункциональный словарь-справочник русского языка с синонимическими, квазисинонимическими и вертикальными связями [Электронный ресурс] / В.Н.Тришин. – Режим доступа: <http://trishin.net/> (дата обращения 21.10.19)
186. БРЭ – Большая Российская энциклопедия. В 36 тт. М., 2004–2017.
187. БСРП – Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок / В.М.Мокиенко, Т.Г.Никитина. – М: Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
188. БСЭ – Большая советская энциклопедия. Том 1–30, 3-е изд. / Глав. ред. А. М. Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1969–78.
189. БТСРЯ – Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С.А.Кузнецов. – М., 2000. – 1536 с.
190. Даль, В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. / В.И.Даль. –М.: Рус. кн.: Гос. фирма «Полиграфресурсы», 1994.
191. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П.Жуков. – М.: Русский язык, 1991. – 534 с.
192. ИЭССРЯ – Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я.Черных. – 3-е изд., стереотип.– М.: Рус. Яз., 1999.
193. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М.И.Михельсон. – Репринт. изд. М.: Изд. Центр «Терра», 1997. – 598 с.

194. НССРЯ – Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А.Н.Тихонов. – М.: АСТ, 2014. –639 с.
195. НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010.
196. ПС – Психологический словарь / Под общ. науч. ред. П.С. Гуревича. – М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА Пресс образование, 2007. – 800 с.
197. РППН – Русские пословицы и поговорки / Сост. Е. Ю. Нешименко. – М.: РИПОЛ-классик, 2002. – 302 с.
198. РППС – Русские пословицы и поговорки. / Сост. А. И. Соболев; Науч. ред. и авт. предисл. Ф. М. Селиванов. – М.: Советская Россия, 1983. – 303 с.
199. САРЯ – Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар. Автор М. Р. Львов. [Электронный ресурс] «ГРАМОТА.РУ».– 2002. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/lv/> (дата обращения 21.10.19)
200. СЛТ – Словарь лингвистических терминов / Сост. О. С. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
201. СРЛЯ-XXI – Словарь русского литературного языка начала XXI века/ авт.-сост. А.А. Грузберг, Л.А. Грузберг. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 1438 с.
202. СРСБСВ – Словарь русских синонимов и близких по смыслу выражений. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://synonymonline.ru/> (дата обращения 21.10.19)
203. СРСССВ – Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов / Н.Абрамов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, 1999.– 762 с. [Электронный ресурс] «ГРАМОТА.РУ». – 2002. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/abr/> (дата обращения 21.10.19)

204. СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988.
205. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах / Под ред. В. И. Чернышева. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
206. ССРЯА – Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11 000 синонимических рядов / З.Е.Александрова. – 11-е изд., перераб и доп. – М.: Рус. яз., 2001. – 568 с.
207. ССРЯЕ – Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / ИЛИ РАН; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.
208. ССРЯМ – Словарь синонимов русского языка / Сост. А.Ю. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2009. – 507 с.
209. СЭ – Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. – 430 с.
210. СЭС – Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – 1600 с.
211. Тезаурус РуТез [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.labinform.ru/pub/ruthes/index.htm> (дата обращения 21.07.20)
212. ТСО – Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 11.02.2020)
213. ТСЖВРЯ – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль. В 4-х томах. – М.: Рипол классик, 2006.
214. ТСРЯД – Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д. В. Дмитриева. – М.: АСТ, 2003. – 1584 с.
215. ТСРЯОШ – Ожегов, С. И. и Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.

216. ТССРЯ – Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н.Ушаков. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
217. УЭКМ – Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://megabook.ru> (дата обращения 11.09.2019)
218. ФОСРЯ – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под редакцией А. Н. Баранова и Д.О. Добровольского. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
219. ФРСАТ – Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. – Издание 2-е, исправленное. – М.: Издательство «Русский язык», 1998. – 1056 с.
220. ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера / Сост.: В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев, Н.А. Мовшович, Я.И. Рецкер, О.А. Хортик. – Государственное издательство иностранных и национальных словарей. М., 1963. – 1111 с.
221. ФС 2001 – Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. – 719 с.
222. ФС 2003 – Философский словарь: Основан Г. Шмидтом. – 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / Пер. с нем. / Общ. ред. В.А. Малинина. – М.: Республика, 2003. – 575 с.
223. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4 000 словарных статей. Коллектив авторов: Л. А. Воинова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. Под ред. А. И. Молоткова. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1968. – 543 с.
224. ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост.: А. Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.
225. ФССРЯ – Ларионова, Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю.А.Ларионова. – М.: «Аделант», 2014. – 512 с.

226. ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
227. ЭСРЯФ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. / М.Фасмер. – Изд-е второе, стереотипное. – М.: Прогресс, 1986.
228. ЭСРЯЦ – Цыганенко, Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г.П.Цыганенко. – 2-е изд., перераб и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
229. ЭЭС – Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
230. BEI – Le bouquet des expressions imagées. Encyclopédie thématique des locutions figures de la langue française, par Claude Duneton. – Édition du Seuil, 1990. – 1375 p.
231. DAF1 – Dictionnaire de l'Académie française, 1re édition. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A1S0081-01> (дата обращения 20.09.19)
232. DAF9 – Dictionnaire de l'Académie française, 9e édition. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dictionnaire-academie.fr/article/A9C3663> (дата обращения 20.09.19)
233. DCLF – Dictionnaire critique de la langue française, par Jean François Féraud. T.1. – Chez J. Mossy Père et Fils, 1787. – 840 p.
234. DEL – Dictionnaire des expressions et locutions, par Alain Rey et Sophie Chantreau – les usuels du Robert, Paris, 1979. – 946 p.
235. DPD – Dictionnaire de proverbes et dictons. LE ROBERT, Paris, 1993. – 355 p.
236. DPFTJ – Dictons et proverbes français de tous les jours, par Elian J. Finbert. R. Morel, 1962. – 374 p.

237. DPIF – Le dictionnaire des proverbes et idiotismes français, 1827. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mon-poeme.fr/> (дата обращения 11.09.19)
238. DVLF – Dictionnaire vivant de la langue française [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dvlf.uchicago.edu/mot/conscience> (дата обращения 21.11.19)
239. EHLM – Études historiques, littéraires et morales sur les proverbes français et le langage proverbial, par Pierre-Marie Quitard, Paris, Techener, 1860. – 460 p.
240. GRLF – Le Grand Robert de la langue française [Электронный ресурс]. – 2013. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
241. LDF – Larousse Dictionnaire Français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue/> (дата обращения 11.09.19)
242. LEDLF – Littré, Émile. Dictionnaire de la Langue Française [Электронный ресурс]. – Paris, L.Hachette, 1873-1874. – Режим доступа: <http://www.littre.org> (дата обращения 21.10.19)
243. LPF – Le livre des proverbes français : précédé de recherches historique sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature du Moyen Age et de la Renaissance, par M. Le Roux de Lincy. – Seconde édition. – Paris, Adolphe Delahays, Librairie-Éditeur, 1859. – 526 p.
244. PAF – Les proverbes et adages français [Электронный ресурс]. – 1876. – Режим доступа: <https://www.mon-poeme.fr/> (дата обращения 11.10.19)
245. PHAM – Les proverbes : histoire anecdotique et morale des proverbes et dictons français par Mlle Joséphine Amory De Langerack [Электронный ресурс]. – Lille, 1860. – Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54950126.texteImage>
246. QSMPA – Quelques six mille proverbes et aphorismes usuels empruntés à notre âge et aux siècles derniers, Julien, Lanier et C., 1856. – 579 p.

247. RAA – Le recueil d’apophtegmes et axiomes [Электронный ресурс]. – 1855. – Режим доступа: <https://www.mon-poeme.fr/> (дата обращения 11.10.19)
248. SAF – Synonymes et des antonymes français [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.synonymes.com/synonyme.php?mot=conscience> (дата обращения 11.10.19)
249. TLFi – Trésor de la Langue Française informatisé [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr/> (дата обращения 12.10.19)
250. TSDA – Thrésor de sentences dorées et argentées : proverbes et dictons communs, réduit selon l’ordre alphabétique, par Gabriel Mevrier [Электронный ресурс]. – Cologne, Lefèvre, 1617. – Режим доступа: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k316222j/f7.item>